

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1912.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Отрицательное отношеніе социализма къ частной собственности, или социалистическій коммунизмъ. **Проф. - Прот. Н. Стеллецкаго** 277—292
- А. С. Хомяковъ, его жизнь, ученіе и значеніе въ общественной исторіи Россіи. (Продолженіе). **Н. Шебатинскаго**. 293—313
- Познаніе и его объектъ. (Продолженіе). **И. С. Продана**. 314—343
- Ученіе св. Іоанна Златоуста о боговдохновенности Библии. **Д. Леонардова** 344—376

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Отношеніе на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Книжнаго Комитета. — Отъ Совѣта Одесскаго Союза Русскаго народа. — II. „Печальникъ земли русской“, Святейшій Патріархъ Гермогенъ. — Призваніе современныхъ пастырей. *Священ. Н. Загоровскаго*. — Миссіонерскій листокъ. Сектантскіе противорѣчія. *Архимандрита Арсенія*. — Епархіальная хроника. — Иноепархіальный отдѣлъ. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Объявленія. (Стр. 377—414).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., д. № 14.

1912.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подь названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гости. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1910 г. за 8 руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Февраля 1912 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Толминъ.

Отрицательное отношеніе соціализма къ частной собственности, или соціалистическій коммунизмъ.

Осуществленіе равенства человѣческихъ состояній и тѣсно связаннаго съ нимъ всеобщаго матеріальнаго благосостоянія соціалисты видятъ въ такъ называемой *коммуны*. „Все для всѣхъ и 'ничего своего“—таковъ лозунгъ будущаго коммунистическаго строя жизни, имѣющаго, по убѣжденію ихъ, обнять собою все человѣчество. „Собственность есть кража“ („la propriete' c'est le vol“), утверждаетъ *Прудонъ* въ извѣстной своей брошюрѣ „Что такое собственность?“ (1840 г.), отвергнутой академіей наукъ, но за то принятой съ восторгомъ въ соціалистическихъ кругахъ. И одна изъ главныхъ мыслей *Карла Маркса*, будто „капиталъ есть неизбѣжный результатъ грабительства“, тождественна съ указаннымъ афоризмомъ Прудона. Основная идея господствующаго нынѣ коллективизма, самымъ авторитетнымъ проводникомъ котораго является Марксъ, нашла себѣ ясное выраженіе въ *Эрфуртской программѣ* (1891 г.), признающей безусловно необходимымъ превращеніе капиталистической частной собственности на средства производства и орудія труда—на землю и ея нѣдра, на копи, на сырье, земледѣльческія орудія, машины, средства передвиженія—въ общественную или коллективную собственность. Коллективисты хвастаются тѣмъ, что они требуютъ не отмены собственности, а хотятъ это право собственности примирить съ справедливостію. Но это одни лишь прекрасныя слова безъ соответствующаго содержанія. Тотъ, кто устраняетъ частную собственность на всѣ орудія производства, отрицаетъ собственность въ самомъ ея основаніи. Право собственности только

на средства потребленія, по самой природѣ своей, очень ограниченно и недостаточно для того, чтобы обезпечить человѣку свободу передвиженій. Отнять у человѣка право собственности на орудія труда—это все равно, что втиснуть его, какъ колесо, въ огромную машину государственнаго производства ¹⁾. „Христіанство не признаетъ частной собственности,—вотъ мысль, усердно распространяемая въ новѣйшей социалистической литературѣ ²⁾).

Итакъ, *другое* и важнѣйшее социалистическое *требованіе* сводится къ отмѣнѣ права частной собственности. На этомъ требованіи настаивалъ и нашъ покойный гр. Л. Н. Толстой, раздѣлявшій многіе принципы социализма. Такъ какъ, по мнѣнію его, собственность отрицается и разумомъ, и моралью, и христіанствомъ, то она должна быть упразднена, какъ главная причина экономическихъ бѣдствій. Съ уничтоженіемъ частной собственности, по нему, разрѣшится социальный вопросъ. Безспорно, что право собственности представляетъ собою главнѣйшее условіе неравномѣрнаго распределенія богатствъ. Богачи владѣютъ своими капиталами потому, между прочимъ, что за ними признается и уважается право на такое владѣніе. Но представляетъ ли частная собственность такой фактъ, который долженъ быть устраненъ?

Социализмъ утвердительно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; но далеко не такъ отвѣчаетъ на него христіанство. По ученію Божественнаго Откровенія, одинъ Богъ есть безусловный Собственникъ и верховный Обладатель міра видимаго и невидимаго: „небо престолъ Мой, а земля подножіе ногъ Моихъ“ говоритъ Господь Богъ (Ис. 66, 1; ср. Лев. 25, 23; Втор. 10, 14; Пс. 23, 1 и др.). Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ является собственникомъ уже въ условномъ смыслѣ, т. е. настолько, насколько онъ получилъ это право отъ Бога. Право на относительное обладаніе міромъ человѣкъ получилъ отъ Бога при самомъ сотвореніи: „и сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными, и надъ звѣрями, и надъ скотомъ, и

¹⁾ Катрейнъ. „Социализмъ“, стр. 350.

²⁾ К. Каутскій. „Соціалъ-демократія и католическая церковь“. Москва. 1906 г., стр. 10—13.

надъ всею землею, и надъ всѣми годами, пресмыкающими по землѣ“ (Быт. 1, 26, ср. 9, 1; 12, 7; 35, 12; Лев. 25, 27; Втор. 15, 7 и др.). Псалмопѣвецъ выразилъ эту мысль образно, когда исповѣдалъ, что „небо—небо Господу, а землю Онъ далъ сынамъ человѣческимъ“ (Пс. 63, 24). И многія притчи Спасителя, напр., о талантахъ (Мѡ. 25, 13—14) и минахъ (Лук. 19, 13—27) о невѣрномъ управителѣ (Лук. 16, 1—13) и др., говорятъ со всею несомнѣнностію о томъ, что человѣкъ является собственникомъ въ условномъ смыслѣ, не владыкою твари, а лишь временнымъ домоправителемъ Божіей собственности, обязаннымъ дать отчетъ Богу въ употребленіи ввѣреннаго ему, какъ образу Божію, владѣнія.

Итакъ, человѣкъ при самомъ сотвореніи вмѣстѣ съ образомъ Божіимъ получилъ отъ Бога право собственности, которое ветхозавѣтнымъ закономъ точно опредѣлялось и строго ограждалось (Быт. 23, 20; Исх. 20, 15, 17; 22, 2; Лев. 19, 11; Втор. 5, 19, 21; 24, 7). Однако въ этомъ случаѣ нельзя не считаться съ фактомъ грѣхопаденія людей, который и въ данную область, какъ и всюду, внесъ нарушеніе порядка и гармоніи. Согрѣшившіе люди сдѣлались эгоистическими, стали предъявлять права на личную, частную собственность, и Господь не осудилъ и этого новаго порядка въ жизни Своего разумнаго свободнаго созданія, а только ограничилъ его, согласно съ тѣми отношеніями, какія, по волѣ Его, должны существовать между людьми. (Лев. 19, 9—10; 23, 22; 25, 2—7; 13—16; 23, 35—37; Исх. 22, 25—27; 23, 10—11; Втор. 14, 22—29; 15, 1—4; 7, 11; 23, 19—20, 24—25; 24, 6, 12—13; 19—21 и др.). Нельзя указать ни одного мѣста во всемъ свящ. Писаніи, которое бы противорѣчило высказанному взгляду. Отсутствие такого рода мѣстъ не случайно, оно обуславливается высшими цѣлями. Божественнаго міроуправленія. Ибо человѣкъ, съ лишеніемъ права собственности, лишенъ былъ бы въ нѣкоторомъ смыслѣ и правъ разумно-свободнаго существа, возможности свободно распоряжаться своими намѣреніями и дѣйствіями. Со времени грѣхопаденія нашихъ прародителей Богу угодно было только взять всѣ дары природы въ Свое особое распоряженіе, чтобы ихъ оскуденіемъ обращать грѣшника къ покаянію и призыванію высшей помощи, а ихъ изобиліемъ утвердить его въ вѣрѣ въ Бога—Промыслителя и въ по-

слушаніи Его святой волѣ и закону ¹⁾). Это общее начало происхожденія права человѣческой собственности проходить черезъ всю исторію ветхозавѣтнаго откровенія. Трудовая жизнь бѣдныхъ людей и обезпеченное состояніе богатыхъ въ рукахъ Провидѣнія не случайныя явленія. На то и другое есть изволеніе Божіе, выдвигающее однихъ передъ другими: „Господь дѣлаетъ нищихъ и обогащаетъ, унижаетъ и возвышаетъ“ (1 Цар. 2, 7. Ср. Притч. 30, 8; Еккл. 5, 18; Спр. 11, 21 и др.). Словомъ все въ мірѣ дается человѣку отъ Господа, по вѣрѣ ветхозавѣтнаго человѣка: „доброе и худое, жизнь и смерть, бѣдность и богатство—отъ Господа“ (Спр. 11, 14).

Христіанство, поставившее своею задачею преобразовать міръ, чрезъ возвышеніе человѣческаго права до идеала, предназначеннаго Творцомъ для невиннаго первозданнаго человѣка, не отвергло въ то же время и исторически сложившагося среди грѣховныхъ людей права частной собственности. Иисусъ Христосъ, будучи идеаломъ для людей, по Его собственнымъ словамъ, „не имѣлъ, гдѣ преклонить голову“ (Мѡ. 8, 20); но Онъ никогда не училъ, чтобы личное обладаніе считали преступнымъ Его послѣдователи. Напротивъ, въ Его глазахъ частная собственность была явленіемъ вполне законнымъ. Христосъ сказалъ, что Онъ пришелъ не нарушить ветхозавѣтный законъ, а исполнить (πληρῶσαι) (Мѡ. 5, 17), т. е. еще болѣе усилить его обязательность для людей. Но каково было отношеніе къ праву частной собственности того закона, который Онъ пришелъ исполнить?—„Не кради“. „Не желай дома ближняго твоего... ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ничего, что у ближняго твоего“ (Исх. 20, 13, 17). Въ виду этой основной заповѣди ветхозавѣтнаго закона, столь ограждающей право частной собственности, могъ ли Спаситель, Который пришелъ на землю исполнить законъ, видѣть это исполненіе въ социалистическомъ коммунизмѣ, отрицающемъ частную собственность? Конечно нѣтъ. Насколько Христосъ осудилъ чрезмѣрное стремленіе къ богатству и рекомендуетъ *нищету духовную*, какъ высшую степень нравственнаго совершенства, настолько же Онъ при-

¹⁾ Архіеп. Харьков. Амвросій „О правѣ собственности по ученію христіанскому“, „Вѣра и Разумъ“ 1893 г., № 16, стр. 195.

анавалъ право частной собственности. И въ Новомъ Завѣтѣ, какъ и въ Вѣтхомъ, считается нарушеніемъ закона Божія украсть у ближняго поле, домъ, или воловъ и не только украсть, но даже позавидовать. (Ср. Дѣян. 5, 3; Ср. 2 Кор. 6, 10; Ефес. 4, 28; Тит. 2, 10).

Когда однажды пришелъ ко Христу богатый юноша, Христосъ не обличилъ его, какъ хищника, незаконно пользующагося достояніемъ общества, а этого обличенія заслужилъ бы богачъ съ точки зрѣнія социалистовъ. И такъ, Спаситель нисколько не былъ возмущенъ богатствомъ юноши, не осудилъ его за это, но указалъ только лучший способъ пользованія имуществомъ: „если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое, и раздай нищимъ“. (Мѡ. 19, 21; Ср. Лук. 18, 22). Здѣсь нельзя не видѣть полного признанія законности личнаго владѣнія. Иисусъ Христосъ, говоря богатому юношѣ: „все, что имѣешь, *продай* и *раздай*“, очевидно, признаетъ за нимъ право продавать свое имѣніе и раздавать его по своему усмотрѣнію. Онъ не говоритъ подобно коммунистамъ: „отдай имѣніе свое въ общее пользованіе“. Нѣтъ, Христосъ заповѣдуетъ *личное самостоятельное употребленіе собственности*, руководимое заботой о самоусовершенствованіи и о благѣ людей. Что Христосъ предоставляетъ человѣку *самостоятельно* распоряжаться своею собственностію, это особенно хорошо видно изъ евангельскаго изображенія послѣдняго суда Божія. Обвиненія и оправданія на этомъ судѣ всецѣло основываются на признаніи за нимъ свободы въ употребленіи личнаго владѣнія. Осуждается человѣкъ за то, что онъ не накормилъ алчущаго, не напоилъ жаждущаго и т. п. Благословляется человѣкъ за то, что онъ именно накормилъ голоднаго, напоилъ жаждущаго и т. п. Раздача имѣнія вмѣняется юношѣ въ добродѣтель, но эта раздача, очевидно, не имѣла бы никакой нравственной цѣны, если бы она была дѣломъ одной правды, т. е. если бы юноша, раздавая свое имущество нищимъ, только возвращалъ законнымъ наследникамъ то, чѣмъ незаконно владѣлъ. Такимъ образомъ, по ученію Христа, частная собственность не есть воровство, а законное достояніе. Напротивъ то, что социалисты называютъ законнымъ видомъ владѣнія, съ христіанской точки зрѣнія, есть узурпація, чистое беззаконіе. Вообще говоря, всякое земное достояніе по

праву должно принадлежать тому, кто приносилъ извѣстныя жертвы для его пріобрѣтенія. Это положеніе раздѣляетъ и новѣйшій социализмъ: на немъ основывается извѣстное ученіе Маркса о *прибавочной цѣнности* ¹⁾. Но отнимать имущество у того, кто пріобрѣлъ его, и отдавать тѣмъ, кто не принималъ участія въ жертвахъ по пріобрѣтенію его, значить оскорблять законныя права одного и слѣпо потворствовать низкимъ страстямъ другого. Такого рода общественный строй, при которомъ трудящіеся не получаютъ должнаго воздаянія за трудъ, а тунеядцы пользуются плодами чужого труда, никакъ не мирится съ нравственными началами христіанства. По ученію Христа, только „трудящійся достоинъ пропитанія“ (Мѡ. 10, 10), лѣнивый же рабъ будетъ брошенъ въ *тьму кромѣшную*, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ (Мѡ. 25, 30. Ср. ст. 26). Ап. Павелъ говоритъ: „если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“ (2 Фесс. 3, 10) и увѣщаетъ „ничего не дѣлающихъ“, чтобы они „работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ“ (—ст. 12), т. е., чтобы каждый спокойно трудился и существовалъ собственными средствами, а не былъ бы въ тягость другому.

„Нѣтъ собственности—нѣтъ кражи“. Между тѣмъ богатому юношѣ, просившему у Іисуса Христа наставленія, что ему нужно дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную, Христосъ прежде всего отвѣчалъ, что онъ долженъ соблюдать заповѣди и между прочимъ заповѣдь „не укради“ (Мѡ. 19, 18), и потомъ только въ видѣ совѣта прибавилъ: „если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое“ и т. д. Въ другой разъ Господь сказалъ своимъ ученикамъ: „изъ сердца человѣческаго исходятъ злыя помыслы, прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, *кражи*, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, *завистливое око*, богохульство, гордость, безумство“ (Мрк. 4, 20—21), Могъ ли такъ говорить противникъ частной собственности? Какимъ образомъ кража, мошенничество могли бы считаться преступленіями въ глазахъ законодателя, который считалъ бы незаконнымъ право личнаго владѣнія. Напрасно мы стали бы искать въ Евангеліи хотя одно выраженіе, направленное противъ частной собственности. Если Спаситель, съ одной стороны, порицаетъ

¹⁾ Катрейнъ „Социализмъ“, стр. 128—144.

тѣхъ, кто живетъ только для того, чтобы собирать сокровища, которыя тля тлитъ и воры подкапываютъ и крадутъ, то, съ другой стороны, Онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, признаетъ относительное право собственника на то, чѣмъ онъ владѣетъ. Эта мысль съ особенной ясностію выражена въ притчѣ о работникахъ, посланныхъ въ виноградникъ (Мѡ. 20. 1—16). Хозяинъ, который не хочетъ дать работнику *перваго часа* больше динарія, говоритъ здѣсь языкомъ *несомнѣннаго права*. Въ его словахъ есть не только различіе *моего и твоего*, въ чемъ именно состоитъ психологическая сущность права частной собственности, но и указаны основанія справедливыхъ отношеній между собственникомъ и его работниками: это, съ одной стороны, право собственника распоряжаться своимъ имуществомъ по своему желанію (—ст. 15), съ другой—право работника получить плату за дѣйствительно произведенную имъ работу (—ст. 14).

Правда, въ Евангеліи есть немало выраженій, направленныхъ, повидимому, противъ богачей, но во всѣхъ этихъ выраженіяхъ осуждается не богатство само по себѣ, а ложная привязанность къ нему, то злое употребленіе, которое, изъ него дѣлаютъ богатые,—„Горе вамъ, богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете“. (Лук. 6, 24—25). Но каковы тѣ богачи, которые подпали божественному осужденію? Осуждается ли богатый только за то, что онъ богатъ? Нынѣ, осужденіе относится только къ злomu богачу, который, живя въ роскоши и праздности, отказывается нищему въ крупицахъ, падающихъ съ его стола (Лук. 16, 19—21, 25). Богачъ оказывается повиннымъ въ недостаткѣ христіанской любви уже потому одному, что владѣетъ богатствомъ среди нищеты многихъ ближнихъ. Потому-то Евангеліе, какъ выражается Владиміръ Соловьевъ, „жалѣетъ“ богачей¹⁾. Христіанская любовь можетъ помириться съ существованіемъ богатства, окруженнаго угнетающею нищетою, лишь въ томъ случаѣ, если оно удерживается своимъ владѣльцемъ, какъ наилучшее средство къ пріобрѣтенію наибольшаго количества жизненныхъ средствъ для нуждающихся собратьевъ, или какъ условіе, при которомъ онъ можетъ сдѣлать людямъ добра больше, чѣмъ безъ этого

¹⁾ „Оправданіе добра“, стр. 459.

условія ¹⁾. Отсюда понятенъ смыслъ притчи Спасителя о неправедномъ домоуправителѣ, такъ многихъ затрудняющій (Лук. 16, 1—13). Пользуйтесь богатствомъ—какъ бы такъ заповѣдуетъ Христосъ,—для своихъ христіанскихъ цѣлей съ такою же мудрою предусмотрительностію, настойчивостію, не жалѣя этого богатства „неправеднаго“, т. е. обманчиваго, не надежнаго, скоро проходящаго,—съ какою предусмотрительностію, въ своихъ чисто эгоистическихъ разчетахъ, поступалъ неправедный домоуправитель. Благодворите бѣднымъ, неимущимъ, скрѣпляйте узы христіанской любви, христіанскаго единенія, и это поведетъ къ тому, что когда вы „обнищаете“, т. е. приблизитесь къ смерти, эти бѣдные помогутъ вамъ оказанными имъ дѣлами благодворенія войти въ вѣчные кровы отца небснаго ²⁾.

„Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ Царство Божіе“ (Мѣ. 19, 24),—говоритъ еще Спаситель. Понятно, почему Онъ считаетъ вступленіе въ Царство Божіе столь труднымъ для богатыхъ. Богатство скрываетъ въ себѣ множество соблазновъ, привлекающихъ сердце богача, создаетъ много лишнихъ привычекъ, потребностей, привязывающихъ его къ вещамъ и проч. Тѣмъ не менѣе богатство, какъ избытокъ собственности, само по себѣ не есть зло *предъ Богомъ*, какъ утверждаетъ вмѣстѣ съ социалистами *Толстой* ³⁾, Іосифъ Аримаѣйскій былъ „человѣкъ богатый“ (Мѣ. 27—57), но его богатство не помѣшало ему оставаться ученикомъ и даже другомъ Христовымъ. (Іоан. 19, 38; Мѣ. 27, 57). Другой тайный ученикъ Христа—Никодимъ тоже былъ богатъ, ибо для погребенія своего Учителя онъ принесъ благовонный составъ изъ смирны и алая, литръ около ста (Іоан. 19, 39, ср. 3, 1),—что могъ сдѣлать только человѣкъ состоятельный. За Іисусомъ Христомъ слѣдовали богатые женщины, и ихъ богатство не только не воспрепятствовало имъ въ дѣлѣ спасенія, но онѣ удостоились еще служить Самому Господу имѣніемъ своимъ

¹⁾ С. Perin. „Ueber den Reichthum in der chritlicher Gedellschaft“, Bnd. 1, s. 26—32.

²⁾ См. Проф. Е. П. Аквилонова „Христіанство и социаль-демократія въ отношеніи къ современнымъ событіямъ“. „Христ. Чт.“ 1906 г., кн. 1, стр. 60.

³⁾ Краткое изложеніе Евангелія“, стр. 87, 89.

(Лук. 8, 3—3). Христосъ благословилъ Марію, возлившую на ноги Его *дорогіе* ароматы и Самъ возлежалъ иногда на вечерахъ *богатыхъ* людей (Мф. 9, 10, 26, 1; Мрк. 2, 15). Онъ возвѣстилъ спасеніе дому богатаго начальника мытарей—Закхею, хотя тотъ не сталъ нищимъ, а обѣщалъ Господу отказаться только отъ половины своего имѣнія въ пользу бѣдныхъ (Лук. 19, 8—9). Если богатство само по себѣ есть зло, то раздавать его нищимъ значитъ надѣлять ихъ зломъ. Кто можетъ согласиться съ этимъ Толстой, слѣдуя Штраусу¹⁾, напрасно старается оправдать свой взглядъ на богатство ссылкой на притчу Спасителя о богатомъ и Лазарѣ. Никуда не видно, что богачъ осужденъ на страшныя муки въ аду за то, что онъ былъ богатъ. Ясно одно, что онъ осужденъ за то, что по жестокосердію своему не дѣлился своимъ достаткомъ съ убогимъ и нищимъ Лазаремъ²⁾.

Послѣ всего этого странными представляются усилія социалистовъ³⁾ и нашего Толстого⁴⁾ показать, будто Самъ Исусъ Христосъ, заповѣдавъ коммунизмъ имущества, отвергалъ частную собственность. При этомъ они въ особенности любятъ ссылаться на извѣстный уже намъ совѣтъ Его богатому юношѣ „продать имѣніе свое и раздать нищимъ“ и затѣмъ на слова Его къ ученикамъ: „продавайте имѣнія ваши и дайте милостыню“ (Лук. 12, 33; ср. 6, 34 35, 38; 11, 41).

Но въ указанномъ совѣтѣ Спасителя богатому юношѣ нѣтъ еще указанія на отрицаніе права личнаго владѣнія, напротивъ, въ немъ, какъ мы видѣли выше, заключается полное признаніе законности этого права. Правда, Господь предложилъ юношѣ, хотя и условно („если хочешь быть совершеннымъ“), раздать все, отказаться отъ всякой собственности. Но обязательно-ли это предложеніе для всѣхъ людей при всякихъ обстоятельствахъ? Юношѣ для нравст-

1) См. Фонъ-деръ-Альмъ. „Theologische Briefe, Bnd. II, Abth. 2. s. 442—446.

2) Проф. прот. Г. И. Буткевичъ. „Нагорная проповѣдь“ „Вѣра и Разумъ“ 1891 г., № 23, стр. 610—611.

3) См. архим. Платонъ. „Христіанство и социализмъ“. „Труды Кіев. Дух. Академіи“ 1900 г., № 11, стр. 322.

4) „Краткое изложеніе Евангелія“, стр. 99; „Царство Божіе внутри васъ“, стр. 134 первой части.

веннаго совершенства нужно было отказаться отъ своего богатства. Какъ показываетъ то впечатлѣніе, которое произвело на юношу наставленіе Спасителя („отошелъ съ печалью“, не имѣя рѣшимости слѣдовать этому наставленію), онъ былъ очень привязанъ къ своему земному обладанію¹⁾. Спаситель указалъ ему путь къ совершенному освобожденію отъ этого недостатка, примѣнительно къ его индивидуальнымъ особенностямъ²⁾. Отсюда вытекаетъ, что если богатство порабощаетъ себѣ христіанина, препятствуетъ ему всей душой служить Богу, то онъ долженъ отрѣшиться отъ него. Но этого обязательнаго требованія не существуетъ для тѣхъ, кто и въ обладаніи имущественнымъ достаткомъ сохраняетъ свободу духа. Можно имѣть обширную собственность,—говоритъ С. Булгаковъ,—и быть отъ нея духовно свободнымъ... и, наоборотъ, можно быть бѣднымъ, неимѣющимъ почти никакой собственности, и сгорающимъ отъ чувства любостыжанія. Возможно, что такое чувство не только не будетъ побѣждено приобрѣтеніемъ собственности, но будетъ еще больше распаляться, какъ страсть къ золоту у „Скупого рыцаря“, такъ что единственная реальная надъ нимъ побѣда можетъ быть совершена не извнѣ, но изнутри“³⁾. Слѣдованіе за Господомъ имѣетъ многоразличныя формы (Лук. 6, 38; 11, 41; 12, 15, 33; ср. Лук. 8, 3; Кор. 7, 20 и др.), но увѣщаніе Христа богатому юношѣ: „приходи и слѣдуй за Мною, взявъ крестъ“, даетъ понять, что слѣдованіе за Христомъ здѣсь получаетъ болѣе спеціальныи смыслъ: Господь намѣревался принять юношу въ число своихъ учениковъ. Истинное же ученичество предполагало въ данномъ случаѣ полную свободу отъ всякихъ иныхъ дѣлъ и заботъ. И по этой причинѣ юношѣ нужно было отказаться отъ всего, что онъ имѣлъ, какъ дѣлали это Христосъ и всѣ апостолы, послѣдовавшіе за Нимъ отъ свѣтей рыбака и отъ скамьи сборщика податей. (Мрк. 10, 28; Лук. 18, 28; Мѣ. 19, 27). Но юноша не пожелалъ отказаться отъ

¹⁾ См. С. Fr. Keil. „Commentar über Evangelium des Matthäus. Leipzig, 1877, s. 305. Ср. Th. Zahn. „Kommentar zum Növen Testament, Das Evangelium des Matthäus“. Leipzig. 1903, s. 592.

²⁾ См. В. Weiss. „Das Matthäus Evangelium“. Halle, 1876, s. 437.

³⁾ „Вопросы религіи“ 1906 г., вып. I, стр. 328. „Церковь и социальный вопрос“.

своего имущества и потому не смотря на свою чистоту (Мрк. 10, 20) и пылкость (—ст. 17), не могъ стать апостоломъ. Только „служители слова“ (Дѣян. 6, 4) могутъ отказаться отъ своей собственности и содержаться на счетъ другихъ (Мѣ. 11, 10); для *большинства* же христіанъ всѣхъ времянь наиболѣе обычнымъ видомъ служенія Господу является распоряженіе и завѣдываніе ввѣреннымъ имъ Богомъ имуществомъ на общую пользу. Они должны остаться собственниками, и такой причины къ отреченію отъ собственности, какая была у апостоловъ, для нихъ не существуетъ. Даже апостолы вернулись къ своимъ лодкамъ и рыбной ловлѣ и оставили ихъ только послѣ вторичнаго повелѣнія перемѣнить видъ своего слѣдованія за Господомъ.

И въ другомъ случаѣ, когда Господь совѣтовалъ „продавать имѣнія свои, и давать милостыню“ (Лук. 12, 33), Онъ разумѣлъ не всѣхъ Своихъ послѣдователей, а только Свое „малое стадо“, готовое послѣдовать за нимъ—ближайшихъ учениковъ Своихъ или апостоловъ (—ст. 32), въ противоположность, быть можетъ, великому множеству народа, тѣснившемуся вокругъ Него (—ст. 1). Апостолы, по самому существу своего служенія, дѣйствительно должны были „оставить все“, что имѣли (Мѣ. 19, 27). Но если наставленіе Спасителя: „*продавайте*“ имѣнія вами и *давайте* милостыню обращено не къ ближайшимъ только ученикамъ Его, а ко всѣмъ вѣрующимъ, то и въ такомъ случаѣ оно обращено къ собственникамъ и только ими выполнимо. Здѣсь предполагается у христіанъ владѣніе собственностію, только собственное можно продавать и раздавать. Въ этомъ смыслѣ понимаетъ указанное наставленіе Спасителя и ап. Павелъ, когда говоритъ: „трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающемуся“ (Ефес. 4, 28). Однако, скажутъ, христіанинъ, продавши и раздавши свое имѣніе, остается безъ собственности. Нѣтъ. „Давать милостыню“ христіанинъ долженъ въ теченіи *всей* жизни своей, а для этого онъ долженъ имѣть собственность.

Далѣе, въ подтвержденіе того, что будто бы Іисусъ Христосъ не признавалъ частной собственности, социалисты увѣряютъ, что первые Его послѣдователи принадлежали

исключительно къ классу пролетаріевъ ¹⁾). Если бы это и было такъ, то всё-таки здѣсь нѣтъ прямого указанія на отрицательное отношеніе Христа къ частной собственности. Но дѣло въ томъ, что ниоткуда не видно, чтобы первохристіанство исповѣдывалось однимъ только пролетаріатомъ. Напротивъ, мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что христіанство въ эпоху своего возникновенія, какъ и во всѣ времена своего историческаго существованія, было, если можно такъ выразиться, *внѣклассовою* религіей, что въ первыхъ христіанскихъ общинахъ на ряду съ бѣдными были и люди состоятельные. И прежде всего сами апостолы, хотя должны были „оставить все“ (Мѣ. 19, 27), когда послѣдовали за Христомъ, не были, однакожъ, бездомными нищими, а людьми труда и насущнаго достатка, имѣвшими сѣти, уды, лодки, жилища. Апостолъ же Павелъ принадлежалъ даже къ богатому классу еврейскаго общества. Тоже нужно сказать о другихъ ученикахъ и ближайшихъ послѣдователяхъ Христовыхъ. Никодимъ, какъ мы знаемъ, былъ богатъ и, однако, это не помѣшало ему принадлежать къ числу тайныхъ учениковъ Спасителя. Напротивъ, бесѣда Господа съ нимъ дышитъ полнымъ взаимнымъ довѣріемъ и задушевностію. Между тѣмъ какъ одному книжнику, повидимому, не отличавшемуся имущественнымъ достаткомъ, Христосъ въ отвѣтъ на просьбу его позволить быть Его ученикомъ, указалъ на невозможность быть ему въ числѣ Его послѣдователей. (Мѣ. 8, 19—20). Какъ ни превратны были взгляды и нравы евангельскихъ книжниковъ, но были, какъ видно, между ними и люди съ добрыми чувствами, которые удивлялись ученію и дѣйствіямъ Господа, привязывались къ Нему и желали поступить въ ряды Его учениковъ: но, можетъ быть, въ душѣ ихъ скрывались иногда и корыстные побужденія слѣдовать за Господомъ, почему Онъ и отклонялъ ихъ отъ этого, какъ отклонилъ и упомянутого здѣсь книжника ²⁾). Среди слушателей Іисуса Христа находимъ еще богатаго сотника (Мѣ. 8, 5), богатаго же Закхея, Іосифа Аримаѣйскаго и богатаго друга Христова Лазаря съ его

¹⁾ К. Григорьевъ. „Разборъ мнѣній представителей социализма о происхожденіи христіанства“. „Прав. Собесѣдникъ“. 1903 г., февраль, стр. 270 и дал.

²⁾ „Толковое Евангеліе“ Михаила, т. I, стр. 156.

сестрами. Тоже можно сказать и про время собственно апостоловъ. Мы, говорить Г. Гольтцамъ, уже въ первое время апостольское находимъ частную собственность въ іудео-христіанской общинѣ Іоппін (Дѣян. 9, 36—39) и языческо-христіанской общинѣ Антиохіи. Эта послѣдняя община, только одинъ годъ спустя послѣ своего основанія Варнавой и Савломъ, могла часть своего достатка удѣлить бѣднымъ іерусалимской церкви (Дѣян. 11, 29—30) ¹⁾. Находились средства для благотворительности въ общинахъ Ахайи и Македоніи (13, 3; Рим. 15, 26—27). Существованіе частной собственности допускалось и въ первой іерусалимской общинѣ. Марія, мать Іоанна Марка, имѣла тамъ собственный домъ (Дѣян. 12, 12), также одинъ изъ давнихъ учениковъ, Мнасонъ Кипрянинъ (Дѣян. 21, 16) и др. А изъ посланія ап. Іакова видно, что нѣкоторые изъ первохристіанъ не только владѣли собственностію, но и избыткомъ ея, и злоупотребляли этимъ избыткомъ. (Іоан. 2, 1 и дал.; 5, 4. Ср. 1 Кор. 11, 12).

Новѣйшіе представители социализма въ доказательство своего ученія о коммунѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о частной собственности съ особенною настойчивостію указываютъ на то, что ихъ идеи будто бы находятъ себѣ подтвержденіе въ самомъ христіанствѣ, которое на самой зарѣ своего существованія представляетъ даже попытку осуществленія коммунистическихъ идей въ дѣйствительной жизни. При этомъ они съ удовольствіемъ останавливаются на такъ называемомъ „общеніи имуществъ“ въ Іерусалимской церкви — „матери всѣхъ христіанскихъ общинъ“ ²⁾), — о которомъ повѣствуется въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ и которое, при отсутствіи здраваго истолкованія, побуждаетъ даже и нѣкоторыхъ западныхъ богослововъ къ допущенію возможности такъ называемаго „христіанскаго социализма“ ³⁾. Вотъ въ какихъ словахъ священный дѣеписатель изображаетъ строй жизни этой самой первой христіанской общины, основан-

¹⁾ „Lehrbuch der Neutestamentlichen Theologie“. Bnd. I, s. 387—388, ср. P. Kleiderer. „Das Urchristenthum“, 1887, s. 554—585.

²⁾ Zahn. „Skizzen aus dem Leben der. alten Kirche“. Leipzig, 1898, s. 109.

³⁾ Оскаръ Гольтцманъ „Zeitschrift für Kirchengeschichte“. Bnd. XIV. Heft. Gotha 1894. „Studien zur Apostelgeschichte. Die Güter Gemeinschaft“, s. 331—334, Эрнестъ Ренанъ „Апостолы“. Перев. Е. В. Святославскаго. Спб. 1907 г., стр. 56—58, 87, Бауръ („Paulus, der Apostel Iesu Christi“. 2 Aufl. 1 Theil. Leipzig, 1866, s. 37—38), Целлеръ („Die

ный якобы на коммунистическихъ началахъ: „Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ, и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность, и расдѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“ (Дѣян. 2, 44—45). „У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавали ихъ, приносили цѣпу проданнаго, и полагали къ ногамъ Апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (4, 32, 34—35). Битъ первенствующихъ христіанъ Іерусалимской общины приковываетъ къ себѣ вниманіе на протяжении всей исторіи христіанства: почти всѣ многочисленныя религіозно-коммунистическія движенія среднихъ вѣковъ ¹⁾ берутъ его нормой и видятъ въ немъ опору для своихъ коммунистическихъ стремленій. Въ новѣйшей социалистической литературѣ этотъ же самый разсказъ изъ книги Дѣяній беретъ за основаніе для того, чтобы изобразить первохристіанство, какъ движеніе социально-экономическое, какъ своеобразный „коммунизмъ потребления“, напоминающій нравы аскетической іудейской секты *ессевъ*, конечно, чтобы этимъ истолкованіемъ устранить значеніе чисто религіознаго момента. Такое истолкованіе находимъ мы, между прочимъ, у К. Каутскаго ²⁾. Описанное въ книгѣ Дѣяній „общеніе имуществъ“, на первый взглядъ, имѣетъ много сходнаго съ тѣмъ идеаломъ, который составляетъ предметъ стремленій различныхъ коммунистическихъ партій. Но безпристрастное разсмотрѣніе этого свидѣтельства Дѣяній должно привести насъ къ иному заключенію, именно, что „общеніе имуществъ“ въ первенствующей Іерусалимской церкви не имѣло ничего общаго съ социалистическимъ коммунизмомъ, какъ экономическимъ институтомъ.

Дѣписатель говоритъ, что никто изъ владѣльцевъ не называлъ (ἐλεγεν) собственныхъ имѣній *своими*. Ясно, что, по

Apostelgeschichte ihrem Inhalt und Ursprung Kritisch untersucht. Stuttgart, s. 122—123), *Овербекъ* („Kurze Erklärung des Apostelgeschichte“, s. 47), *Гаустратъ* („Neuetestamentliche Zeitgeschichte“, 2 Theil. Die Zeit der Apostel 1. Heidelberg, 1876, s. 321—322), *Рфлейдереръ* („Die Entstehung des Christentums“, München, 1905, s. 183) и др.

¹⁾ См. Робертсонъ. „Исторія христ. церкви“. Перев. А. Лопухина. Т. II. Спб. 1891 г., стр. 223, 274, 294—295 и др.

²⁾ Изъ исторіи общественныхъ теченій, стр. 25—28.

крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ изъ іерусалимскихъ христіанъ были собственныя имѣнія (Ср. Дѣян. 12, 12; 21, 16) и, слѣдовательно, „собственность владѣнія, какъ замѣчаетъ Бенгель, не была окончательно нарушена“¹⁾. Если же этими имѣніями пользовался всякій нуждающійся членъ іерусалимской общины, то совсѣмъ не потому (какъ утверждаютъ социалисты), что они составляли коллективную собственность общины, а единственно потому, что у владѣльцевъ этихъ имѣній была сердечная готовность прійти на помощь своимъ бѣдствующимъ собраніямъ. Итакъ, коммунизма въ социалистическомъ смыслѣ не было между первыми христіанами, а была только живая любовь христіанская, которая не отказывается ни въ чемъ нуждающемуся. Члены іерусалимской общины во имя своего братства во Христѣ, доходившіе въ большинствѣ случаевъ до полного отказа отъ своей собственности въ пользу своихъ нуждающихся собратьевъ, были одушевлены безкорыстною, „не имущею своего“ (1 Кор. 13, 5), любовью къ людямъ, которая вытекала изъ самого существа ихъ вѣры, и проповѣдывалась апостолами, на основаніи ученія, слышаннаго имъ изъ устъ Самого Господа. „Во всемъ показалъ я вамъ,—говоритъ ап. Павелъ,—что такъ трудясь надобно поддерживать слабыхъ, и памятовать слова Господа Иисуса; ибо Онъ Самъ сказалъ: „блаженнѣе давать, нежели принимать“ (Дѣян. 20, 35. Ср. Рим. 15, 1; 1 Тим. 6, 17—18, 1 Иоан. 3, 17).

Такимъ образомъ, іерусалимское „общеніе имуществъ“ было прямымъ результатомъ братской любви,—не въ чувствѣ или только теоріи, но и въ настойчивомъ благотворительномъ дѣйствіи. Это ясно видно изъ самого описанія этого общенія. Такъ, въ Дѣянїяхъ говорится, что „всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ“²⁾ (2, 44). Это не значитъ, конечно, какъ полагаютъ нѣкоторые западные экзегеты²⁾, что они всѣ жили или старались жить въ одномъ мѣстѣ. Фраза эта, какъ показываетъ контекстъ рѣчи, указываетъ не на совмѣстное пребываніе въ одномъ мѣстѣ,

¹⁾ См. у G. U. Lecher'a „Der Apostelgeschichten“. Leipzig, 1869, s. 81. Ср. Otto. Zockler. „Das Evangelium nach Iohannes und die Aposteengeschichte. München, 1894. s. 119.

²⁾ Мейеръ „Kritisch exegetisches Handbuch über die Apostelgeschichte“. Göttingen, 1861, s. 77. Ср. Вендъ. „Krit. exeg. Handbuch über die Apostelgeschichte“. Göttingen, s. 92; Фельтенъ. „Die Apostelgeschichte übersetzt und erklärt“. Freiburg, 1892, s. 95 и др.

а на духовное общеніе *animorum consensus*—по Теофилу). Они были вмѣстѣ въ духѣ и чувствѣ, въ вѣрѣ и любви. Находящееся здѣсь греческое выраженіе *ἐπὶ τὸ αὐτό*, по употребленію его въ переводѣ Семидесяти, въ псалмѣ 132, 1, означаетъ собой именно *духовное* единеніе. Вся тайна этого единенія между первенствующими христіанами Іерусалимской общины раскрывается въ немногихъ словахъ Дѣяній: „у множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“. (4, 32). Это было царство совершенной братской любви, полнѣйшее осуществленіе, какое только возможно въ мірѣ семь, того славнаго идеала, который выраженъ въ указанномъ стихѣ 132 псалма: „се, что добро, или что красно, но еже жити братѣи вкупѣ“, т. е. въ любящемъ взаимоотношеніи. Это было проявленіе *первой* любви христіанской, излившейся въ сердца человѣческія, болѣе всего похожее на то, что можно наблюдать въ дружеской любящей семьѣ¹⁾. Это была та братская любовь, которую внушалъ ап. Іоаннъ христіанамъ вообще, говоря: „Дѣти мои! Станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истинною“ (Іоан. 3, 18). Очевидно, у христіанъ перваго времени не было противорѣчія между ихъ вѣрованіемъ и жизнію: Они настолько проникались духомъ ученія Христова о любви, что оно не могло не выражаться въ ихъ внѣшней жизни. Потому всѣ тѣ между ними, которые владѣли землями, или домами, такъ одушевлялись нравственными началами ученія Христова, что продавали свои имѣнія и цѣну проданнаго приносили къ апостоламъ, чтобы „каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (Дѣян. 4, 35. Ср. 2, 45, 6, 1)²⁾. Для нихъ было нравственно невозможнымъ относиться безучастно къ положенію другъ друга, какъ невозможно это между родными братьями и сестрами. Поэтому, они не иначе называли другъ друга, какъ братьями и сестрами.

(Окончаніе будетъ).

Проф.-прот. Н. Стеллецкій.

¹⁾ О семейномъ характерѣ жизни первой христіанской общины говорятъ А. Неандеръ. *Geschichte der Pflanzung und Leitung der christlichen Kirche*. Gotha, 1862, s. 29—30). Ульгорнъ („Христіанская благотворительность въ древней Церкви“. Спб. 1900 г., стр. 71) и др.

²⁾ Здѣсь, очевидно, не было никакого раздѣла въ дѣловомъ коммунистическомъ смыслѣ. Иначе св. Лука, при его точности въ выраженіяхъ, употребилъ бы другія выраженія, если бы разумѣлъ подобный раздѣлъ.

...и в то же время...
...и в то же время...
...и в то же время...
...и в то же время...
...и в то же время...

А. С. Хомяковъ,

его жизнь, учение и значеніе въ общественной исторіи Россіи.

...и в то же время...
...и в то же время...
(Продолженіе) *).

Богословіе Хомякова; значеніе его. Философскіе взгляды.

Въ богословіи Хомякова нужно различать положительную часть, или догматическое богословіе въ собственномъ смыслѣ слова, и отрицательное, или сравнительное богословіе. Въ первомъ Хомяковъ устанавливаетъ тѣ верховныя принципы, на которыхъ зиждется все здание Церкви какъ доктрины и жизни; сюда должно отнести и ученіе о воплощеніи, объ искупленіи и первородномъ грѣхѣ о Церкви. Во второмъ Хомяковъ, изложивши свой взглядъ на историческое развитіе Церкви, определяетъ сущность католицизма, протестантизма и другихъ вѣроисповѣданій въ отліченіи отъ православія. Это догматическое богословіе не должно смешиваться съ догматикой вообще. Хомяковъ не былъ догматикомъ въ общемъ значеніи слова. Онъ былъ истинно-догматикомъ въ томъ смысле, въ какомъ это слово употребляется въ философіи. Онъ былъ догматикомъ въ томъ смысле, въ какомъ это слово употребляется въ философіи. Онъ былъ догматикомъ въ томъ смысле, въ какомъ это слово употребляется въ философіи.

*) См. "Вѣра и Разумъ", № 1 за 1912 годъ, гдѣ онъ излагаетъ свои взгляды на философію Хомякова и критикуетъ его догматическое богословіе.

проявляетъ только часть его. Проявленіе реальное и полное есть существо всецѣло взятое, самимъ собою мыслимое и волимое, или другими словами: зачатое и рожденное самимъ собою. Это есть Логосъ ипостасный и непремѣнно личный; въ противномъ случаѣ личное существо было мыслимо самимъ собою не всецѣло, ибо не какъ лицо“. Какъ же произошло откровеніе этого Вѣчнаго Ипостаснаго Логоса во времени? „Богъ, вѣчное начало всего сущаго, открылъ Себя Своимъ разумнымъ тварямъ, прежде всего, какъ безпредѣльное могущество (въ актѣ творенія) и безконечная мудрость (въ актѣ грѣхопаденія). Въ послѣдствіи времени, въ снѣгѣ человѣческомъ, Иисусъ Праведномъ, Спасителѣ нашемъ, Богъ тѣмъ же тварямъ открылъ Себя, какъ единственное нравственное существо... Но это еще только откровеніе историческое. Духъ, который отъ Бога и который есть Богъ, не отказалъ вѣрнымъ въ откровеніи болѣе полнымъ. Устами Церкви Онъ назвалъ Сына „Агнцемъ, принесеннымъ въ жертву отъ начала вѣковъ“... и, такимъ образомъ, мы познаемъ, что Богъ не только чуждъ злу, но есть отъ вѣка побѣдитель зла идеею Христа“. Нравственная свобода—существенное свойство конечнаго разума. Эта свобода есть свобода выбора между любовью къ Богу и эгоизмомъ, иными словами: между правдою и грѣхомъ; этимъ выборомъ опредѣляется окончательно отношеніе конечнаго разума къ его вѣчному источнику, то есть къ Богу. Но весь міръ конечныхъ умовъ, вся тварь, состоитъ во грѣхѣ, либо дѣломъ, какъ согрѣшившая, либо возможностью грѣха... Въ очахъ Божіихъ нѣтъ ни единаго существа чистаго, ни единаго состоящаго внѣ грѣха, ни единаго обладающаго правдою, ему самому присущею, въ силу собственной его свободы. Вся тварь, сама въ себѣ, носитъ свой приговоръ: вся она отлучена отъ Бога; вся она ему непримирима. Таковъ законъ, законъ строгій, непреклонный, неумолимый; законъ, которому Ветхій Завѣтъ служилъ только символомъ... Таковъ законъ правды, но правды закона еще не видно. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ существо безконечное, не можетъ быть мѣриломъ для существа ограниченаго; съ другой стороны, такъ какъ конечный разумъ весь во грѣхѣ, то грѣхъ становится, въ отношеніи къ нему, реальной необходимостью, а правда остается уже не болѣе какъ отвлеченной возможностью, не имѣющею реальной

основы. Но безконечномъ существо, въ которомъ ничто не абстрактно, а все есть реальность, становится во Христвъ существомъ ограниченнымъ; и Христось, являсь во времени, но будучи вѣчной мыслью Отца, Христось—человѣкъ, подобный намъ, человѣкъ заключенный въ немощь, въ невѣдѣніе, страданіе и искушеніе, возстаетъ во всемъ совершенствѣ Божественной правды, единою силою Своей человеческой воли. Итакъ, Христось отъ вѣчности есть единое, праведное осужденіе грѣха. Христось одинъ есть мѣра всей твари: отъ того Ему отданъ верховный судъ, какъ повѣдалъ намъ Духъ Божій.

Но Христось есть не только правда вѣчнаго Отца: Онъ еще есть безконечная любовь Отца. А потому самому Онъ есть не только осужденіе грѣха, но Онъ же есть и спасеніе, единственно возможное для грѣшника. Существо Божіе не можетъ принять грѣха, потому что грѣхъ, самъ по себѣ, есть произвольное удаленіе отъ Бога; онъ есть эгоизмъ твари, предпочитающей себя Богу. Но любовь Христова не оставляетъ твари... Онъ соединяется съ нею единеніемъ внутреннимъ и совершеннымъ; Онъ принимаетъ тяжесть грѣха, которому Онъ есть осужденіе... Христось не есть уже существо по преимуществу чистое и совершенное. Онъ соединяется со всякою тварью, не отметающею Его; Онъ принялъ на Себя всякій грѣхъ, каковъ бы онъ ни былъ... Онъ несетъ приговоръ, которому подвергъ Себя; этотъ приговоръ—смерть. Но тѣмъ самымъ совершена и побѣда. Грѣхъ (который есть эгоизмъ твари), принятый свободно любовью, внезапно преобразился: онъ сталъ совершенствомъ жертвы и, такъ сказать, вѣнцомъ Божественнаго совершенства. Съ другой стороны, тѣмъ же самымъ дѣйствіемъ, которымъ Христось, чрезъ соединеніе Свое съ тварью несовершенною или виновною, становился отвѣтственнымъ въ грѣхѣ, становится и грѣшникъ участникомъ въ совершенствѣ своего Спасителя. Поэтому самому, всякое существо, не отметающее Христа, примиряется съ Богомъ: всякій грѣхъ обращается въ правду, всякій грѣшникъ становится сыномъ Божіимъ... Этотъ Христось, пришедшій во времени, но вѣчно соприсущій Богу, сіяетъ въ вѣчности, въ самомъ существѣ Отца Котораго Онъ мысль и откровеніе.

Итакъ, Христось есть вѣчная побѣда Бога надъ зломъ;

Онъ есть единственное осужденіе грѣха отъ вѣчности и вѣчное спасеніе всякаго грѣшника, Его не отметающаго... Правда Отца проявилась въ свободномъ совершенствѣ Его возлюбленнаго Сына, Иисуса Праведнаго, воплощеннаго вѣчнаго Слова... Безконечная любовь Отца проявилась въ свободной любви Агнца, припявшаго закланіе за Своихъ братьевъ”.

Таково ученіе Хомякова о воплощеніи, неразрывно связанное у него съ ученіемъ объ искупленіи. Языкъ Хомякова здѣсь настолько возвышенъ, глубокомысліе его дышетъ такимъ проникновеніемъ, что невольно вспоминается языкъ и токъ богословствованія по аналогичнымъ вопросамъ христіанскаго вѣроученія Іустина Мученика, Пришея Ліонскаго! Особенно рельефно Хомяковъ выдвигаетъ въ фактъ воплощенія Логоса проявленіе правды Божіей, потребовавшей для осужденія прародительскаго грѣха свободного совершенствованія воплощеннаго Сына Божьяго. Въ фактъ же искупленія центръ тяжести онъ переноситъ на проявленіе любви Божіей, выразившейся въ актѣ свободного самопожертвованія Логоса Своей земной оболочкой ради спасенія человѣка.

Теперь изложимъ ученіе Хомякова о первородномъ грѣхѣ, гдѣ онъ также глубоко оригиналенъ.

„Понятіе о страданіи и понятіе о грѣхѣ нераздѣльны передъ Божественнымъ правосудіемъ. Ни тѣло, обреченное бодѣзни, ни тѣло, подчиненное закону грѣха, не могло быть дано Создателемъ разумной твари. Такое тѣло могло быть только произведеніемъ и, такъ сказать, твореніемъ развращенной воли, свободы, возмущившейся противъ Бога. Таково понятіе о первородномъ грѣхѣ. Но какимъ образомъ первородный грѣхъ могъ сдѣлаться наследственнымъ; а равно, какъ могло сдѣлаться наследственнымъ же страданіе, ему сопутствующее и карающее его? Вотъ въ чемъ вопросъ... Каждое поколѣніе передаетъ послѣдующему тѣло расположенное ко грѣху; каждый человѣкъ, при рожденіи, получаетъ это наследіе... Духовное существо человѣка, какъ и существо всякаго другого духа, исключая Спасителя, носитъ въ себѣ начало грѣха, скрытую порчу, вслѣдствіе которой оно становится совмѣстнымъ съ тѣломъ подверженнымъ грѣхамъ. Въ силу этой совмѣстимости, этой порочности скрытой въ несовершенствѣ нашей воли, мы наслед-

дуютъ тѣло, подчиненное закону грѣха... Первоначальный грѣхъ сталъ грѣхомъ первороднымъ, потому что духовная жизнь, отъ самаго своего начала, есть уже актъ... Итакъ, первородный грѣхъ есть болѣе, чѣмъ возможность грѣха, существующая скрытно во всякомъ духовномъ ествѣ, за исключеніемъ Господа нашего Иисуса; онъ есть возможность проявившаяся, другими словами: есть дѣйствительный грѣхъ, подвергающій насъ тяжести Божественнаго гнѣва... (2 томъ, 281 и д.).

Человѣкъ страдаетъ, какъ должникъ грѣха., слѣдовательно страдаетъ въ слѣдствіе, но не въ мѣру своей доли нравственной нечистоты... Мѣра cadaго безмѣрна, какъ грѣхъ вообще... не страданіе человѣка, а его полное счастье было-бы въ высшей степени явленіемъ антилогическимъ... Совершенно справедливо говорить обиходная формула, что человѣкъ наказывается за грѣхи, хотя бы, можетъ быть, яснѣе было бы сказать, за грѣхъ, т. е. за грѣховность свою... А что человѣкъ страдаетъ не по мѣрѣ личнаго грѣха., въ томъ намъ свидѣтельствуется Самъ Христосъ, когда на вопросъ: почему человѣкъ боленъ, по своимъ-ли грѣхамъ, или по грѣхамъ родителей? Онъ отвѣчаетъ: „ни по тѣмъ, ни по другимъ, но да явится на немъ сила Божья“. Если, въ одномъ случаѣ, Онъ такъ сказалъ: то ни въ какомъ случаѣ намъ нельзя искать того отношенія между грѣхомъ и страданіями, которое многими предполагается. Разумѣется, что больной, о которомъ говорилъ Спаситель, все-таки страдалъ, какъ должникъ грѣха, и Словами Спасителя только отстраняется ложная идея мѣры; ибо иначе мы должны бы были предположить, что больной страдалъ сверхъ мѣры, т. е. несправедливо. Самъ же грѣхъ наказываетъ себя логическимъ выводомъ—страданіемъ, всегда умѣряемымъ милосердіемъ Божиимъ. Итакъ, сознаніе, что человѣкъ страдаетъ за свой грѣхъ, и сознаніе грѣха въ каждомъ страданіи... совершенно справедливо“ (2 т., стр. 331 и д.).

Ученіе о воплощеніи, искупленіи и первородномъ грѣхѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ вопросовъ христіанскаго вѣроученія, надъ которыми менѣе всего задумывался свободный отъ догматическихъ недоумѣній Хомяковъ. Эти вопросы трактуются въ его сочиненіяхъ, такъ сказать, мимоходомъ, въ связи, а рѣшеніе этихъ вопросовъ, представляя

значительную оригинальность, свидѣтельствуешь о религиозномъ вдохновеніи чуткой души вѣрующаго автора и протекающемъ отсюда его богословскомъ глубокомысліи. Но была, между тѣмъ, специфическая область богословствованія для Алексѣя Степановича, гдѣ онъ чувствовалъ себя какъ дома, во всеоружіи знанія вѣры, гдѣ наиболѣе полно и всесторонне сказалась оригинальность его богословскаго мышленія, многогранность, широта и логичность его метода богословствованія, за что онъ стяжалъ даже въ извѣстныхъ кругахъ славу учителя Церкви. Этой Хомяковской стихіей богословія было изложеніе и аргументація ученія о Церкви, чѣмъ мы теперь и займемся, при чемъ предварительно считаемъ долгомъ сдѣлать слѣдующее необходимое вводное замѣчаніе, касающееся самой терминологіи Хомякова.

Дѣло въ томъ, что подъ словомъ Церковь Хомяковъ разумѣлъ идеалъ, норму евангельскаго строя жизни, но не историческую форму воплощенія и проявленія этого идеала. „Одно только невѣжество — говоритъ Хомяковъ — можетъ смѣшивать Церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго съ обществами признающими, но не воплощающими его“ ¹⁾. „Міръ церковный—пишетъ Хомяковъ А. И. Кошелеву,—т. е. тотъ историческій міръ, въ который облечена Церковь, можетъ и казаться и быть долго не только несовершеннымъ, но и вполне дряннымъ, не смотря на совершенство заключаемой въ ней святыни. Начала нравственныя и духовныя могутъ быть вѣрными, а проявленіе можетъ быть ложное отъ ложнаго пониманія фактора, т. е. данной, въ которой начало должно проявляться... Церковь видитъ мерзости и не протестуетъ просто потому, что ей не дано пониманіе факта... Церковь, будучи облечена въ видимое и, такъ сказать, матерьяльное тѣло народовъ, признающихъ ее, еще не проявлена, покуда не подчинитъ себѣ всей оболочки; а до этого еще очень далеко. Она духовное начало и, въ духовномъ смыслѣ и общеніи, она даже живое тѣло; но только въ духовномъ смыслѣ. Фактически же явленій жизни земной она не подчинила себѣ, а такое подчиненіе нужно для истиннаго проявленія“ ²⁾. Послѣ этого небольшого отступленія, необходимаго для правильнаго по-

¹⁾ Т. VI, 413.

²⁾ Т. VIII. 136--137.

ниманія ученія Хомякова о Церкви, мы пріймемся за изложеніе самага этого ученія, какъ оно изложено во второмъ томѣ его сочиненій.

Въ символѣ вѣры Церковь называется единою, святою, соборною и апостольскою. Единство Церкви необходимо обусловливается единствомъ Божественной сущности. „Церковь не есть множество лицъ въ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній покоряющихся благодати... Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, какъ единство многочисленныхъ членовъ въ тѣлѣ живомъ... Церковь въ ея полнотѣ, какъ духовный организмъ, не есть ни собирательное существо, ни существо отвлеченное; это есть Духъ Божій, который знаетъ Самъ Себя и не можетъ не знать“. Единство и свобода, объединяемая въ любви,—вотъ существо, подлинное содержаніе Церкви, какъ духовнаго организма, вслѣдствіе чего достигается единомысліе коллективной церковной личности. „Единство истинное, внутреннее, плодъ и проявленіе свободы, единство, которому служить не научный раціонализмъ и не произвольная условность учрежденія, а нравственный законъ взаимной любви и молитвы, единство, въ которомъ, при всемъ различіи въ степени іерархическихъ полномочій на совершеніе таинствъ, никто не порабощается, но равно призываются быть участниками и сотрудниками въ общемъ дѣлѣ, словомъ единство по Божіей Благодати, а не въ силу человѣческаго установленія,—таково единство Церкви“. Свобода есть полноправіе мысли, отказывающейся отъ своего произвола въ дѣлахъ вѣры и жизни и переносящей, отдающей свое рѣшеніе на судъ соборнаго, общаго приговора. „Разумніе проявленнаго ввѣрено свободѣ нашей мысли, а мысль всей Церкви образуется гармоническимъ сліяніемъ мыслей личныхъ, просвѣщенныхъ Божественной благодатью. Но и личная мысль не итогъ умозаключеній, а совокупность разумныхъ стремленій. Ей служить выраженіемъ не только силлогизмъ выговоренный, или силлогизмъ въ мысли, но и созерцаніе, и сердце сокрушенное и смиреніе искреннее, и колѣна, преклоненныя въ молитвѣ, и несомнѣнная надежда, что Богъ не откажетъ въ истинѣ своей

Церкви, спасенной Имъ кровью Сына своего, паче всего, она есть взаимная любовь во Иисусѣ Христѣ, Единомъ Подателѣ силы и мудрости и слова жизни“. Такимъ образомъ, личность не теряется, не поглощается въ Церкви, а наоборотъ, возвышается и раскрывается въ актѣ любви, которая есть вѣнецъ и слава Церкви и ввѣрена единству Божіей благодати, живущей въ Церкви. „Въ подвигѣ свободы должно различать двѣ формы одной и той-же силы. Въ Церкви, въ ея цѣлости, является полнота свободы въ Иисусѣ Христѣ: является свобода, сознающая всегда себя непогрѣшимую въ настоящемъ, какъ и въ прошедшемъ, и увѣренная всегда въ себя самой. Въ отдѣльномъ лицѣ является служеніе свободы христіанина, который, будучи плененъ убѣжденіемъ, что для Церкви заблужденіе невозможно, приноситъ свою дань въ общее дѣло и считаетъ себя всегда ниже своихъ братьевъ, покоряетъ имъ свое собственное мнѣніе и проситъ у Бога только сподобить его послужить органомъ вѣры всѣхъ. Такова та свобода, которой благословеніе Божіе не покидаетъ никогда... Человѣкъ находитъ въ Церкви не чуждое что-либо себѣ. Онъ находитъ въ ней самого себя, но себя не въ безсиліи своего духовнаго одиночества, а въ силѣ своего духовнаго, искренняго единенія съ своими братьями, своимъ Спасителемъ. Онъ находитъ себя въ ней въ своемъ совершенствѣ, или точнѣе: находитъ въ ней то, что есть совершеннаго въ немъ самомъ—Божественное вдохновеніе, постоянно испаряющееся въ грубой нечистотѣ каждаго отдѣльнаго личнаго существованія. Это очищеніе совершается непобѣдимую силою взаимной любви христіанъ въ Иисусѣ Христѣ, ибо эта любовь есть Духъ Божій... Всякая частица вещества, усвоенная живымъ тѣломъ, дѣлается неотъемлемою частью его организма и сама получаетъ отъ ней новый смыслъ и новую жизнь: таковъ человѣкъ въ Церкви; въ тѣлѣ Христовомъ, органическое основаніе котораго есть любовь“. Итакъ, Церковь есть единство и свобода въ любви, или организмъ любви. „Церковь едина, не смотря на видимое дѣленіе ея для человѣка, живущаго на землѣ, на видимую и не видимую. „Церковь, тѣло Христа, проявляется и исполняется во времени, не измѣняя своего существеннаго единства и своей внутренней благодатной жизни“. Она имѣетъ всегда во всей

полнотѣ своего благодатнаго единства сопребывающаго Христа и Духа Божьяго, хотя-бы и не въ полнотѣ своего явнаго обнаруженія и проявленія. Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще совершеніе всей Церкви, которое наступитъ только въ царствѣ славы, „то она творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человѣчеству и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей тѣхъ, которые отъ нея сами отлучаются. Остальное же человѣчество, или чуждое Церкви, или связанное съ ней узами, которыя Богъ не изволилъ ей открыть, предоставляетъ она суду великаго дня. Церковь же земная только судитъ себѣ, по благодати духа и по свободѣ, дарованной ей черезъ Христа, призывая все человѣчество къ единству, но надъ не слышащими ея призыва не произносить приговора, зная повелѣніе своего Спасителя и Главы: „не судить чуждому рабу“.

Внутреннимъ признакомъ Церкви является ея святость, внѣшнимъ—ея неизмѣнность. „Церковь знаетъ не отчасти истину и не отчасти ложь, а полную истину и безъ примѣси лжи. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина: не хитритъ и не малодушничаетъ, ибо свята. Чѣмъ святилась-бы земля, если-бы Церковь утратила свою святость? И гдѣ-бы была истина, если-бы ея нынѣшній приговоръ былъ противенъ вчерашнему?“ Въ Церкви возможно существованіе и ошибочность частныхъ мнѣній, зарожденіе и появленіе ересей и расколовъ, но тогда зараженные неправомысліемъ члены отпадаютъ сами собою, составляя отдѣльное, изолированное отъ Церкви общество и не оскверняя, такимъ образомъ, святости Церкви. Итакъ, неизмѣнная въ своемъ бытіи, какъ чистая истина и ничѣмъ неомрачаемая святость, Церковь и зовется единою, святою, соборною и апостольскою, „потому что она едина и свята; потому что она принадлежитъ всему міру, а не какой-нибудь мѣстности; потому что ею святится все человѣчество и вся земля, а не одинъ какой-нибудь народъ, или одна страна; потому что сущность ея состоитъ въ согласіи и въ единствѣ думъ и жизни воѣхъ ея членовъ, по всей землѣ признающихъ ее; потому, наконецъ, что въ писаніи и ученіи апостольскомъ содержится вся полнота ея вѣры, ея упованій и ея любви“.

Всеобъемлющимъ признакомъ Церкви, ея имманентнымъ предикатомъ изъ указанныхъ признаковъ является ея *соборность*, не въ смыслѣ каѳоличности или вселенскости только, а въ смыслѣ солидарности, цѣлокупности совѣстей и сердець въ единствѣ церковной любви, возгрѣваемой и просвѣтляемой изволеніемъ Духа Святаго. Такая соборность исключаетъ всякое прираженіе лжи и грѣха къ организму Церкви, дѣлаетъ ее непреложнымъ столпомъ и утвержденіемъ истины. Соборы и были тѣмъ органомъ въ первенствующей Церкви, чрезъ посредство котораго проявлялась догматическая жизнь Церкви—жизнь созданія, подъ водительствомъ Духа Святаго, неизмѣннаго наукообразнаго вѣроученія. „Единство Церкви—говоритъ Хомяковъ—было неизмѣнно отъ самыхъ временъ апостольскихъ и ничѣмъ не нарушаемо... Когда возникала ересь, весь христіанскій міръ отряжалъ своихъ представителей, своихъ высшихъ сановниковъ, на торжественныя собранія, называемыя соборами. Эти соборы, не смотря на безпорядки, а иногда и на насилія, затмевавшія ихъ чистоту, мирнымъ своимъ характеромъ и возвышенностью вопросовъ, подлежавшихъ ихъ рѣшенію, выдаются въ исторіи Человѣчества, какъ благороднѣйшихъ изъ всѣхъ ея явленій. Вся Церковь принимала или отвергала опредѣленія соборовъ, смотря по тому, находила-ли сообразными или противными своей вѣрѣ и своему преданію, и присвоивала названіе соборовъ вселенскихъ тѣмъ изъ нихъ, въ постановленіяхъ которыхъ признавала выраженіе своей внутренней мысли. Такимъ образомъ, къ ихъ временному авторитету по вопросамъ дисциплины, присоединялось значеніе непререкаемыхъ и непреложныхъ свидѣтельствъ вѣры. Соборъ вселенскій становился голосомъ Церкви. Даже ереси не нарушали этого божественнаго единства: онѣ носили характеръ заблужденій личныя, а не расколовъ цѣлыхъ областей или епархій... Они питали или, по крайней мѣрѣ, заявляли надежду опредѣлить въ ясныхъ, не оставляющихъ мѣста для сомнѣнія, выраженіяхъ догматъ, исповѣдуемый Церковью, и удостоиться благодати засвидѣтельствованія вѣры своихъ братьевъ. Такова была цѣль соборовъ, таково ихъ значеніе, таково понятіе, заключающееся въ обыкновенной формулѣ введенія ко всѣмъ ихъ рѣшеніямъ: „изволися Духу Святому и т. д.“ Въ этихъ словахъ выражалось не горделивое притязаніе, но

смиренная надежда, которая въ послѣдствіи оправдывалась или отвергалась согласіемъ или несогласіемъ всего народа церковнаго, или всего тѣла Христова, какъ выразились восточные патріархи¹⁾. Бывали соборы еретическіе, каковы, на примѣръ, тѣ, на которыхъ составленъ полуаріанскій символъ; соборы, на которыхъ подписавшихся епископовъ насчитывалось вдвое болѣе, чѣмъ на Никейскомъ, соборы, на которыхъ императоры принимали ересь, патріархи провозглашали ересь, папы подчинялись ереси. Почему же отвергнуты эти соборы, не представляющіе никакихъ наружныхъ отличій отъ соборовъ вселенскихъ? Потому единственно, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ Церкви всѣмъ церковнымъ народомъ, тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мужчиной и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ: гдѣ, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія. Таковъ догматъ, лежащій въ глубинѣ идеи собора“.

Такимъ образомъ, на соборахъ установилось опредѣленное неизмѣнное наукообразное ученіе Церкви, внушаемое ей Духомъ Святымъ, или догматы; критеріемъ истинности догмата служитъ непогрѣшимость Церкви въ дѣлахъ вѣры и ея святость. Но постепенное формулированіе церковной терминологіи въ догматикѣ не есть развитіе Церкви: „Нѣтъ на языкѣ человѣческомъ словъ, которыми Богъ и предметы божественные могли-бы быть въ самомъ ихъ существѣ опредѣлены или описаны. Человѣческое слово есть только знакъ, болѣе или менѣе условный, смыслъ котораго измѣняется не только по языкамъ, нарѣчіямъ и эпохамъ, но и по мѣрѣ развитія науки и умственной жизни людей въ вещахъ человѣческихъ. И Церковь унаслѣдовала отъ блаженныхъ апостоловъ не слова, а наслѣдіе внутренней жизни, наслѣдіе мысли невыразимой и однако постоянно стремящейся выразиться. Слово Церкви видоизмѣняется

¹⁾ Здѣсь разумѣется Окружное Посланіе восточныхъ патріарховъ отъ 1848 года.

во свидѣтельство безконечности идеи; иначе, это слово было бы не болѣе, какъ вещественнымъ отголоскомъ, звучащимъ изъ вѣка въ вѣкъ, но ничего не выражающимъ, кромѣ развѣ безплотности и вялости умственного труда, или даже полнаго его отсутствія“. Движеніе въ выраженіи догматическихъ истинъ путемъ словесныхъ обозначеній или формулъ „не выходитъ изъ круга терминологіи и никакъ не можетъ быть принимаемо за развитіе ученія: напротивъ, ученіе остается неизмѣннымъ навсегда“. Поводами для формулировки ученія Церкви въ догматахъ послужили ереси и ложные декреты соборовъ, заблуждавшихся въ истинѣ; но, конечно, это, такъ сказать, „научное движеніе церковной терминологіи“ не нуждается непременно въ такомъ поводѣ. „Главную причину здѣсь нужно искать въ томъ, что христіанское ученіе не наборъ словъ, вытвержденныхъ наизусть и удерживаемыхъ памятью, а выраженіе истины Божіей, постоянно созерцаемой и уразумѣваемой внутреннимъ смысломъ Сыновъ Церкви, Истина пребываетъ неизмѣнною: познаніе ея не измѣняется: но выраженіе ея, по самому существу своему, всегда недостаточное, не можетъ не видоизмѣниться согласно съ развитіемъ аналитическаго слововыроженія и характеромъ умственныхъ пріемовъ каждой эпохи“. Отсюда полная возможность, такъ называемыхъ, частныхъ мнѣній, вполне законныхъ, пока виновники этихъ мнѣній, послѣ соборной провѣрки, не откажутся отъ признанія ихъ ложности. (Хомяковъ проводитъ образцы частныхъ мнѣній Григорія Нисскаго, Ипполита Иппонійскаго, Августина, — не вошедшихъ въ наше церковное сознаніе). Итакъ, Символь вѣры, а также каноны остальныхъ вселенскихъ соборовъ, — вотъ исповѣданіе вѣры Церкви, внушенное ей Духомъ Святымъ.

Но если догматъ есть внутреннее непогрѣшимое соборное опредѣленіе въ формѣ наукообразнаго слововыраженія ученія Церкви, то что же такое обрядъ и каково его значеніе для Церкви? „Обрядъ это свободная поэзія символовъ или словъ, которыми Церковь, единица органическая и живая, пользуется для выраженія своего познанія о Божественныхъ истинахъ, своей безграничной любви къ своему Создателю и Спасителю, наконецъ, любви взаимно соединяющей христіанъ между собой, на землѣ и на небѣ. Обрядъ, по существу измѣнчивый, есть: не болѣе,

какъ прозрачное покрывало, которымъ облекается догматъ, по существу неизмѣнный". Освященіе и утвержденіе обряда для всеобщаго употребленія совершилъ второй Никейскій соборъ, который формулировалъ догматъ иконопочитація. „Второй Никейскій соборъ объявилъ, что Церковь, какъ личность живая, одушевленная Духомъ Божіимъ, имѣетъ право прославлять Божественное величіе словомъ, звукомъ и образомъ: она объявила свободу богопоклоненія подъ всеми символами, какіе любовь можетъ внушить единому сердцу христіанъ... Предшествовавшіе ему соборы спасли христіанское ученіе: этотъ соборъ спасъ свободу христіанскаго чувства". Въ противоположность догмату обрядъ измѣнчивъ и многообразенъ: каждая мѣстная церковь можетъ измѣнять и вводить свои обряды, но не вволя этимъ нововведеніями въ соблазнъ иныя общины. Вообще „единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ, ибо въ немъ видимо проявляется, даже для непросвѣщеннаго, единство духа и ученія: для просвѣщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской".

Церковь, дѣлающая обязательнымъ для всѣхъ подчиненіе своему вѣроучительному приговору, можетъ быть понята, какъ авторитетъ, какъ учрежденіе. Противъ перваго и втораго заключеній, какъ нелогичныхъ, не отвѣчающихъ существу Церкви, Хомяковъ горячо протестуетъ. „Нѣтъ: Церковь не авторитетъ, какъ не авторитетъ Богъ, не авторитетъ Христосъ; ибо авторитетъ есть нѣчто для насъ внѣшнее. Не авторитетъ говорю я, а истина, и въ то же время жизнь христіанина, внутренняя жизнь его; ибо Богъ, Христосъ, Церковь живутъ въ немъ жизнью болѣе дѣйствительною, чѣмъ сердце, бьющееся въ груди его; или кровь, текущая въ его жилахъ; но живутъ, поколику онъ самъ живетъ вселенскою жизнью любви и единства, то есть жизнью Церкви". Церковь, не есть, и учрежденіе: „въ дѣлахъ нѣтъ принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе есть смерть... Церковь живетъ даже на землѣ не земною человѣческою жизнью, но жизнью божественною, и благодатною... Она живетъ не подъ закономъ рабства, но подъ закономъ свободы, не признаетъ надъ собою ни чьей власти, кромѣ собственной, ни чьего суда, кромѣ суда вѣры."

и выражаетъ свою любовь, свою вѣру и свою надежду въ молитвахъ и обрядахъ, внушаемыхъ ей духомъ истинны^м.

Но Церковь земная, какъ географическая единица, какъ собраніе вѣрующихъ данной мѣстности или страны, такъ или иначе соприкасается съ сферою организаціи внѣшнихъ общежительныхъ отношеній человѣка, или государствомъ. Каково же должно быть нормальное отношеніе между той и другой областями? Отношеніе видимой Церкви—отвѣчаетъ Хомяковъ—не должно быть ни отношеніемъ папо-цезаризма, ни отношеніемъ цезаре-папизма: въ первомъ случаѣ Церковь превращается въ авторитетъ, во второмъ она становится учрежденіемъ. „Никакого главы Церкви, ни духовнаго, ни свѣтскаго, мы не признаемъ: Христосъ ея глава, и другого она не знаетъ“. У данной мѣстной Церкви можетъ быть глава народа въ дѣлахъ церковныхъ, въ томъ смыслѣ, что онъ защитникъ внѣшнихъ дѣлъ Церкви. Народъ вручилъ своему Государю полноту власти, и, какъ представитель, какъ олицетвореніе народной воли, онъ имѣетъ право голоса въ церковныхъ дѣлахъ. Но вмѣшательство для свѣтской власти въ области чисто церковной юрисдикціи—есть посягательство на свободу Церкви. Вслѣдствіе того Церковь, какъ идеаль, какъ принципъ, абсолютно свободна, даже если въ исторіи торжествуетъ цезаре-папизмъ. Она остается истинной и святой, если Государь даже уклоняется отъ истины и впадаетъ въ ересь, потому что всякій членъ Церкви, значить и Государь, независимъ въ дѣлахъ совѣсти. Въ данномъ случаѣ, однимъ членомъ Церкви станетъ меньше, а Церковь по-прежнему будетъ свята и непорочна. Въ противоположность цезаре-папизму,—папизмъ есть претвореніе Церкви въ государство, подмѣна духа свободы и любви внѣшнимъ принудительнымъ закономъ искусственнаго, механическаго единства правового государства—теократіи. Конечное же назначеніе Церкви устранить государство на землѣ, сдѣлать его ненужнымъ для людей, переродить своими началами государственную условность и мертвенность, поставивъ нормою жизни на землю одну любовь ¹⁾).

¹⁾ Въ данномъ случаѣ мы перефразировали, но близко къ подлиннику, ученіе Хомякова объ отношеніи Церкви къ государству; подробно это ученіе излагается другимъ виднымъ славянофиломъ—Ю. Ф. Самаринимъ.

Внѣшнее единство Церкви, какъ организма любви, проявляется въ таинствахъ. „Много есть таинствъ: ибо всякое дѣло, совершаемое въ вѣрѣ, надеждѣ, любви.—внушается Духомъ Божиимъ и призываетъ невидимую благодать Божию. Но семь таинствъ совершаются дѣйствительно не какими-либо лицами, достойными милости Божіей, но всею Церковію въ одномъ лицѣ, хотя и недостойномъ“... Таинства дѣлятся на два разряда: „однѣ имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе ко всей Церкви, а иныя „относятся къ домостроительству Церкви въ ея земномъ явленіи“. Къ первой категоріи таинствъ Хомяковъ относитъ крещеніе и причащеніе, ко второй—остальныя. Оригиналенъ взглядъ Хомякова на церковное учительство, и мы на этомъ взглядѣ остановимся дольше, потому что опредѣленіе сущности таинствъ подъ перомъ Хомякова вполне согласуется съ обычнымъ установившимся понятіемъ о нихъ.

Изложивши православный взглядъ на священство, Хомяковъ полагаетъ, что учительство есть „обязанность“ клира, а „право“ поученія принадлежитъ всякому чину Церкви. „Въ истинной Церкви—говоритъ онъ—нѣтъ Церкви учащей... Учитъ вся Церковь, иначе: Церковь въ ея цѣлости, учащей Церкви въ иномъ смыслѣ Церковь не признаетъ... Въ ней поученіе не стѣснено въ предустановленныхъ границахъ. Всякое слово, внушенное чувствомъ истинно-христіанской любви, живой вѣры или надежды, есть поученіе: всякое дѣло, запечатлѣнное Духомъ Божиимъ, есть урокъ; всякая христіанская жизнь есть образецъ и примѣръ. Мученикъ, умирающій за истину, судья, судящій въ правду, (не ради людей, а ради самого Бога), пахарь, въ скромномъ трудѣ постоянно возносящійся мыслию къ своему Создателю,... всякій человѣкъ, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ на ступеняхъ іерархіи или, наоборотъ, какъ бы ни былъ онъ укрытъ отъ взоровъ въ тѣни самой скромной обстановки, попеременно то поучаетъ, то принимаетъ поученіе: ибо Богъ надѣляетъ кого хочетъ дарами своей премудрости. Поучаетъ не одно слово, но цѣлая жизнь... Церковь учитъ словомъ и дѣломъ: „ученіе учитъ и жизнь учитъ“. Почему же учительство не составляетъ привилегіи одного клира и чѣмъ объясняется такой всеобъемлющій характеръ его? Потому—говоритъ Хомяковъ,—что „поученіе

обращается не къ одному уму и дѣйствуетъ не исключительно чрезъ его посредство, а обращается къ разуму въ его цѣлости и дѣйствуетъ чрезъ все многообразіе его силъ, составляющихъ въ общей совокупности живую единицу. Поученіе совершается не однимъ писаніемъ, не изустнымъ толкованіемъ, не символомъ, не проповѣдію, не изученіемъ богословія и не дѣлами любви, но всѣми этими проявленіями вмѣствъ“. „Конечно, христіанство выражается и въ формѣ логической, въ символъ, но это выраженіе не отрывается отъ другихъ его проявленій. Христіанство преподается какъ наука, подъ названіемъ богословія; но это не болѣе, какъ вѣтвь учительства въ его цѣлости. Кто отсѣкаетъ ее, иными словами, кто отрываетъ учительство (въ тѣсномъ смыслѣ преподаванія и толкованія) отъ другихъ его видовъ, тотъ горько заблуждается; кто обращаетъ учительство въ чью-либо исключительную привилегію, впадаетъ въ безуміе; кто приурочиваетъ учительство къ какой-либо должности, предполагая, что съ нею неразрывно связана Божественный даръ ученія, тотъ впадаетъ въ ересь: ибо тѣмъ самымъ создаетъ новое, небывалое таинство—таинство рационализма или логическаго знанія“. Но полнота даровъ благодати и преимущественная обязанность поученія слову Божьему принадлежитъ все-же миру, какъ лицамъ, уполномоченнымъ на то церковнымъ народомъ и преемникамъ апостольскаго служенія 1).

Внѣшнимъ выраженіемъ, любви, связывающей души вѣрующихъ въ одно согласное единомысленное исповѣданіе вѣры, служитъ въ Церкви молитва. „Мы знаемъ, когда падаетъ кто изъ насъ, онъ падаетъ одинъ; но никто одинъ не спасается. Спасающійся же спасается въ Церкви, какъ членъ ея, и въ единствѣ со всеми другими ея членами. Вѣруетъ ли кто, онъ въ обществѣ вѣрныхъ; любитъ ли, онъ въ обществѣ любви; молится ли, онъ въ обществѣ молитвы. Посему, никто не можетъ падать въ свою молитву, и всякій, молясь, просить Церковь о заступленіи, не такъ какъ будто бы сомнѣвался въ заступничество единаго ходатая Христа, но въ увѣренности, что вся Церковь всегда молится за всѣхъ своихъ членовъ“. Но если безпрестанно молится Церковь, видящая предъ собой паденіе членовъ, то она не можетъ не молиться за нихъ. Ибо если кто изъ насъ падаетъ, онъ падаетъ одинъ; но никто одинъ не спасается. Спасается же спасается въ Церкви, какъ членъ ея, и въ единствѣ со всеми другими ея членами. Вѣруетъ ли кто, онъ въ обществѣ вѣрныхъ; любитъ ли, онъ въ обществѣ любви; молится ли, онъ въ обществѣ молитвы. Посему, никто не можетъ падать въ свою молитву, и всякій, молясь, просить Церковь о заступленіи, не такъ какъ будто бы сомнѣвался въ заступничество единаго ходатая Христа, но въ увѣренности, что вся Церковь всегда молится за всѣхъ своихъ членовъ. Но если безпрестанно молится Церковь, видящая предъ собой паденіе членовъ, то она не можетъ не молиться за нихъ. Ибо если кто изъ насъ падаетъ, онъ падаетъ одинъ; но никто одинъ не спасается. Спасается же спасается въ Церкви, какъ членъ ея, и въ единствѣ со всеми другими ея членами. Вѣруетъ ли кто, онъ въ обществѣ вѣрныхъ; любитъ ли, онъ въ обществѣ любви; молится ли, онъ въ обществѣ молитвы. Посему, никто не можетъ падать въ свою молитву, и всякій, молясь, просить Церковь о заступленіи, не такъ какъ будто бы сомнѣвался въ заступничество единаго ходатая Христа, но въ увѣренности, что вся Церковь всегда молится за всѣхъ своихъ членовъ.

димая и невидимая, зачѣмъ же просимъ ее о молитвахъ? Потому именно и просимъ Церковь о молитвахъ, что знаемъ, что она и неприсящему даетъ помощь своего заступленія и просящему даетъ несравненно болѣе, чѣмъ онъ просить: ибо въ ней полнота Духа Божьяго. Также, какъ каждый изъ насъ требуетъ молитвы отъ всѣхъ, такъ и онъ всѣмъ долженъ своими молитвами, живымъ и усопшимъ и даже еще нерожденнымъ... Не знаемъ мы о среднемъ состояніи душъ, не принятыхъ въ Царствіе Божіе и не осужденныхъ на муку, ибо о такомъ состояніи не получили мы ученія отъ апостоловъ или отъ Христа: не признаемъ чистилища, т. е. очищенія душъ страданіями, отъ которыхъ можно откупиться дѣлами своими или чужими: ибо Церковь не знаетъ ни про спасеніе какими бы то ни было внѣшними средствами или страданіями, кромѣ Христовыхъ, ни про торгъ съ Богомъ, откупающійся отъ страданія добрымъ дѣломъ... Мы же молимся въ духъ любви, зная, что никто не спасется иначе, какъ молитвою всей Церкви, въ которой живетъ Христосъ, зная и уповая, что покуда не пришло совершеніе временъ, члены Церкви, живые и усопшіе, непрестанно совершенствуются взаимной молитвою... Церковь молится за всѣхъ, и мы вмѣстѣ молимся за всѣхъ; но молитва наша должна быть истинною и истиннымъ выраженіемъ любви, а не словеснымъ обрядомъ. Не умѣя всѣхъ любить, мы молимся о тѣхъ, кого любимъ, и молитва наша нелицемѣрна; просимъ же Бога, дабы можно было намъ всѣхъ любить и за всѣхъ молиться непрестанно и нелицемѣрно. Кровь же Церкви—взаимная молитва, и дыханіе ея—словословіе Божіе. Молимся въ духъ любви, а не пользы, въ духъ сыновней свободы, а не закона наемническаго, просящаго платы. Всякій, спрашивающій: „какая польза въ молитвѣ?“—признаетъ себя рабомъ. Молитва истинная, есть истинная любовь“.

Итакъ, догматъ есть наукообразное выраженіе жизни Церкви, обрядъ—поэтическій символъ, служащій внѣшнимъ выраженіемъ свободы церковнаго чувства, таинства—внѣшнее отображеніе церковнаго единства, молитва—проявленіе и завершеніе любви,—этого закона церковной жизни. Внутреннее же единство Церкви,—единство духа и жизни Церкви, поддерживааетъ и охраняетъ вѣра, которая не есть

вѣреніе, или убѣжденіе, не есть вѣрованіе, или религіозность, а есть полнота духовнаго озаренія подъ водительствомъ духа Божьяго. „Вѣра всегда есть слѣдствіе откровенія опознаваемаго, то есть признаннаго за откровеніе: она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактъ видимомъ; вѣра не то что вѣрованіе или убѣжденіе логическое, (основаніемъ коему—раціонализмъ), основанное на выводахъ, а гораздо болѣе. Она не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится, и чувствуется вмѣстѣ; словомъ, она не одно познаніе, но познаніе и жизнь“. Что же такое дѣла въ отношеніи къ вѣрѣ? „Жизнь и истина—говоритъ Хомяковъ—составляютъ одно въ глазахъ Церкви, и дѣла—ни что иное, какъ проявленіе вѣры, которая безъ этого была бы не вѣрою, а логическимъ знаніемъ“. Эту мысль онъ такъ развиваетъ: „многіе спаслись (напр., нѣкоторые мученики), не приобщившись ни одному изъ таинствъ Церкви, но никто не спасается, не приобщившись внутренней святости церковной, ея вѣрѣ, надеждѣ и любви; ибо не дѣла спасаютъ, а вѣра. Вѣра же не двойка, но едина,—истинная и живая... Богородивенный апостоль говоритъ: „покажи мнѣ отъ дѣлъ твоихъ вѣру, которою ты хвалишься, какъ и я показываю вѣру отъ дѣлъ своихъ“. Признаетъ-ли онъ двѣ вѣры? Нѣтъ, но обличаетъ неразумную похвальбу. „Ты вѣришь въ Бога, но и бѣсы вѣрятъ“. Признаетъ-ли онъ вѣру въ бѣсахъ? Нѣтъ, но уличаетъ ложь, хвалящуюся качествомъ, которое и бѣсы имѣютъ. „Какъ тѣло безъ души мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ“. Сравниваетъ-ли онъ вѣру съ тѣломъ, а дѣла съ духомъ? Нѣтъ; ибо такое подобіе было бы не вѣрно, но смыслъ словъ его ясенъ. Какъ тѣло бездушное не есть уже человѣкъ и человѣкомъ назваться не можетъ, но трупомъ; такъ и вѣра, не творящая дѣлъ, истинной вѣрой назваться не можетъ, но ложною, т. е. знаніемъ внѣшнимъ, безплотнымъ и доступнымъ даже бѣсамъ... Посему, вѣра одна, и когда спрашиваемъ: „можетъ-ли истинная вѣра спасти кромѣ дѣлъ“? то дѣлаемъ вопросъ неразумный, или, лучше сказать, ничего не спрашиваемъ; ибо вѣра истинная

есть живая, творящая дѣла, она есть вѣра во Христа и Христосъ въ вѣрѣ 1)... Спасаетъ не вѣра, не надежда, не любовь (ибо спасетъ-ли вѣра въ разумъ, или надежда на міръ, или любовь къ плоти?), но спасаетъ предметъ вѣры. Вѣруешь-ли во Христа—Христомъ спасаешься въ вѣрѣ: вѣруешь-ли въ Церковь—Церковью спасаешься; вѣруешь-ли въ таинства Христовы—ими спасаешься: ибо Христосъ Богъ нашъ въ Церкви и въ таинствахъ. Ветхозавѣтная Церковь спасалась вѣрою въ будущаго Искупителя. Авраамъ спасался тѣмъ же Христомъ, какъ и мы. Онъ имѣлъ Христа въ упованіи, мы же въ радости“. Это ученіе Хомякова содержитъ въ себѣ косвенное осужденіе автономной нравственности и адогматизма. Вообще по Хомякову этика стоитъ въ тѣсной неразрывной связи съ догматикой въ ученіи Церкви. Это не двѣ сферы, находящіяся въ причинномъ взаимоотношеніи (слово и дѣло, вѣра и жизнь) между собою, а двѣ медали одной и той же монеты: „ученіе учитъ и жизнь учитъ“. Нравственный принципъ—начало любви, дѣятельной, органической—Хомяковъ поставляетъ доминирующимъ закономъ во всемъ домостроительствѣ спасенія человѣка и созиданіи Царствія Божія. Какъ Богъ есть Любовь, и во всѣхъ актахъ своего промысленія о спасеніи человѣка (актъ грѣхопаденія, воплощенія, искупленія, оправданія и освященія) запечатлѣлъ знакъ Своей любви, такъ и основанное Христомъ Царство спасающей благодати есть организмъ любви: послѣдняя есть начало и вѣнецъ жизни Церкви.

Будучи хранилищемъ истины вѣчной и непреложной, Церковь имѣетъ и непогрѣшимые источники своего вѣроученія—Священное Писаніе и Преданіе. Критеріемъ подлинности и богодухновенности писаній, а также апостольской преемственности и достовѣрности преданій, служитъ канонъ и то же обще-церковное, соборное завѣреніе. „Духъ Божій, живущій въ Церкви, правящій ею и умудряющій ее, является въ ней многообразно, въ писаніи, въ преданіи; ибо Церковь, творящая дѣла Божіи, есть та же Церковь, которая хранитъ преданіе и писала писаніе. Не лица и не множество лицъ въ Церкви хранятъ преданіе и пишутъ, но Духъ Божій, жи-

1) Т. 2, 127 и д.

вущій въ совокупности церковной... Въ Церкви живущему непостижимо ни писаніе, ни преданіе... Принимающій одно писаніе и на немъ одномъ основывающій Церковь, дѣйствительно отвергаетъ Церковь и надѣется создать ее снова собственными силами; принимающій только преданіе и унижающій важность писанія, дѣйствительно отвергаетъ также Церковь и становится судьей духа Божьяго, говорившаго писаніемъ. Христіанское же знаніе не есть дѣло разума пытающаго, но вѣры благочестивой и живой. Писаніе есть внѣшнее и преданіе внѣшнее; внутреннее же въ нихъ есть одинъ Духъ Божій. Отъ преданія одного, отъ писанія можетъ почерпнуть человѣкъ только знаніе внѣшнее и неполное, которое можетъ въ себѣ содержать истину, ибо отправляется отъ истины, но въ то же время и необходимо ложно, потому что оно неполно... Церковь не доказываетъ себя ни какъ писаніе, ни какъ преданіе, но свидѣтельствуется собою, какъ и Духъ Божій, живущій въ ней, свидѣтельствуется собою въ писаніи. Не спрашиваетъ Церковь: какое писаніе истинно, какое преданіе истинно, какой соборъ истиненъ; ибо Христосъ знаетъ Свое достояніе, и Церковь, въ которой живетъ Онъ, знаетъ внутреннимъ знаніемъ и не можетъ не знать своихъ проявленій. Священнымъ Писаніемъ называется собраніе ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ, которыя Церковь признаетъ своими. Но нѣтъ предѣловъ писанію, ибо всякое писаніе, которое Церковь признаетъ своимъ, есть Священное Писаніе. Посему, было до нашего времени Священное Писаніе и, если угодно Богу, будетъ еще Священное Писаніе. Но не было и не будетъ никогда въ Церкви никакого противорѣчія, ни въ писаніи, ни въ преданіи: ибо во всѣхъ —единный и неизмѣнный Христосъ“. Истина же достовѣрности писанія и преданія „дается взаимной любви“, которая и есть критерій достовѣрности по отношенію къ писанію, безъ чего писаніе превращается въ мертвую букву, фетишь, и по отношенію къ преданію, которое внѣ соборнаго контроля любви становится источникомъ всяческихъ злоупотребленій и спекуляціи 1).

„Совершенство Церкви“ или осуществленіе ея въ полномъ объемѣ имѣетъ произойти только въ царствѣ славы и буду-

1) 2 т. 200, 45 et seq.

шаго вѣка. „Въ послѣднемъ судѣ явится въ полнотѣ своей оправданіе наше по Христу; не освященіе только, но и оправданіе: ибо никто не освятился и не освящается вполнѣ, но еще нужно и оправданіе... Все благое творить въ насъ Богъ и Христосъ, мы же никогда вполнѣ не покоримся, никто, даже святые, какъ сказалъ самъ Спаситель. Все творить благодать, и благодать дается даромъ и дается всѣмъ, дабы никто не могъ роптать, но не всѣмъ равно, не по предопредѣленію, а по предвѣдѣнію, какъ говоритъ апостоль... Все совершается въ совершеніи общаго суда, а духъ Божій,—т. е. духъ вѣры, надежды и любви, проявится во всей своей полнотѣ, и всякій даръ достигнетъ полнаго своего совершенства,—надъ всѣмъ же будетъ любовь. Не должно однако думать, чтобы дары Божіи, вѣра и надежда, погибли (ибо они нераздѣльны съ любовью), но одна любовь сохраняетъ свое имя, а вѣра, пришедшая въ совершенство, будетъ полнымъ, внутреннимъ вѣдѣніемъ и видѣніемъ; надежда же будетъ радостію“.

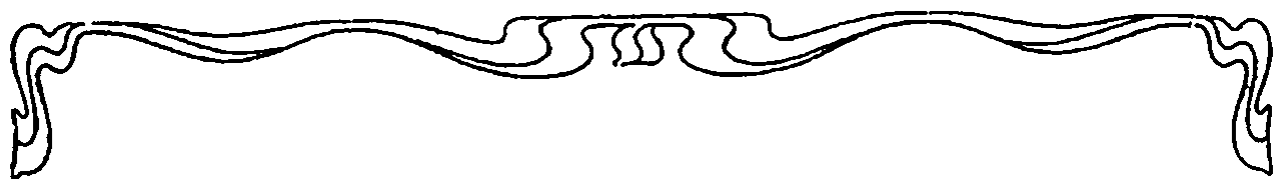
Таково въ общихъ чертахъ чрезвычайно возвышенное ученіе Хомякова о Церкви. Но чтобы нагляднѣе отгнать духъ этого ученія, нужно еще подчеркнуть общую точку зрѣнія Хомякова по вопросу о спасеніи, Исходя изъ того совершенно православнаго взгляда, что оправдываетъ человека не вѣра сама по себѣ, а предметъ этой вѣры—Христосъ и плоды этой вѣры—добрыя дѣла, Хомяковъ заключаетъ, что и внѣ Церкви возможно спасеніе, ибо и за оградой Церкви все-же въ человекѣ или совершенно непросвѣщеннымъ свѣтомъ истиннаго ученія Церкви, или просвѣщеннымъ сумракомъ искаженнаго ученія Церкви, остается совѣсть,—этотъ стражъ нравственнаго закона и путеводитель души, которая по природѣ христіанка 1).

(Продолженіе будетъ).

К. Шебатинскій.

1) Ibid. 165.

ПОЗНАНІЕ И ЕГО ОБЪЕКТЪ.

(Оправданіе здраваго смысла).

(Продолженіе) *).

II гл. ЭЛЕМЕНТЫ ЗНАНІЯ—СУЖДЕНІЯ.

§ 1. Элементы познанія и мышленія.

Въ предыдущей главѣ мы отмѣтили основныя истины, обусловливающія всякое знаніе,—истины очевидныя, молчаливо признаваемыя всѣми здравомыслящими людьми, не исключая и скептиковъ. Послѣ этого мы можемъ приступить къ анализамъ познанія и знанія и къ раскрытію тѣхъ путей, которыми получается истина и обнаруживается возможное заблужденіе.

Объективное знаніе, провѣренное и общеобязательное, составляетъ науку. Подъ таковой разумѣютъ всю совокупность знаній относительно опредѣленной области природы или духа, т. е. всѣ сочиненія, въ которыхъ изложены эти знанія. Въ каждой книгѣ, относящейся къ опредѣленной наукѣ, излагается только часть матеріала, составляющаго данную науку; но и эта часть излагается не—какъ попало, а въ опредѣленномъ порядкѣ, по опредѣленному плану. Книга дѣлится на части, отдѣлы, главы, параграфы, абзацы; но и въ каждомъ мельчайшемъ дѣленіи излагаются въ опредѣленной связи отдѣльныя положенія и мысли. Каждая законченная мысль выражается грамматическимъ предложеніемъ и отдѣляется отъ другой мысли точкой или другимъ знакомъ препинанія. Каждое предложеніе, въ свою очередь,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2 за 1912 годъ.

состоить изъ словъ; но каждое слово, взятое отдѣльно, не даетъ еще законченной мысли. Исключеніе составляютъ безличныя предложенія, которыя могутъ состоять изъ одного слова, но съ соотвѣтственной флексіей. Каждымъ словомъ предложенія, взятымъ порознь, вызывается въ нашемъ сознаніи только отдѣльное представленіе или понятіе, входящее въ составъ всей мысли; но имъ не дается законченной мысли. Таковая имѣется лишь въ предложеніи. Слѣдовательно предложеніе есть выраженіе законченной мысли; оно есть элементъ мышленія и знанія.

Такъ какъ наше познаніе тѣсно связано съ нашимъ мышленіемъ и его символизацией, т. е. съ рѣчью и письмомъ, то изслѣдованіе познанія не можетъ игнорировать и самую символизацию познанія: безъ таковой не существовало бы ни объективнаго познанія, ни самой науки объ этомъ познаніи, т. е. гносеологій. Значеніе человѣческой рѣчи для знанія понималъ еще Локкъ, который удѣлилъ достаточно вниманія и анализамъ человѣческаго языка ¹⁾. И мы не можемъ пренебречь этимъ.

Нѣкоторые философы видѣли элементы знанія въ понятіяхъ, предполагая ошибочно, будто понятія образуются раньше сужденій. Мы убѣдимся впослѣдствіи, что это мнѣніе не совсѣмъ вѣрно, что сужденія образуются уже въ первые дни жизни, а понятія не прекращаютъ формироваться и измѣняться до тѣхъ поръ, пока человѣкъ вообще прогрессируетъ въ своихъ познаніяхъ. Въ сужденіи, какъ мы увидимъ, только предикатъ всегда представляетъ собою познавательный элементъ, почерпнутый изъ прошлаго опыта мыслящаго и судящаго человѣка.

§ 2. Предложеніе и сужденіе.

Всѣ наши объективныя познанія выражаются отдѣльными мыслями. Каждая законченная мысль выражается грамматическимъ предложеніемъ. Таковое по примѣру Аристотеля опредѣляютъ, какъ мысль, выраженную словами

¹⁾ См. *J. Locke, Essay conc. hum. underst. b. III.* Въ этомъ знаменитомъ произведеніи, состоящемъ изъ четырехъ книгъ, третья исключительно посвящена человѣческой рѣчи.

(или письмомъ), въ которой что-нибудь утверждается или отрицается (относительно опредѣленнаго предмета или предметовъ). Въ грамматическомъ предложеніи, какъ извѣстно, отличаютъ двѣ главныхъ части—подлежащее и сказуемое; а иногда—еще и связку. Въ традиціонной логикѣ обыкновенно такъ же опредѣляется *сужденіе*, только съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ сужденіяхъ (логики) глаголь долженъ быть въ изъявительномъ наклоненіи. Грамматическое предположеніе есть выраженіе сознательнаго мыслительнаго процесса, который въ психологіи и логикѣ называется сужденіемъ. Логика занимается исключительно только содержаніемъ сужденій и совершенно отвлекается отъ судящаго субъекта и отъ самаго познавательнаго процесса, какимъ онъ переживается и сознается въ опредѣленный моментъ духовной жизни. Психологія, напротивъ, рассматриваетъ это самое переживаніе. Гносеологія должна обращать вниманіе на то и другое ¹⁾.

Свои анализы я начну съ сужденія, при чемъ стану сперва на точку зрѣнія психологіи, а потомъ я рассмотрю его и съ логической точки зрѣнія. Прежде всего спрашивается, что такое сужденіе. Отвѣтъ въ видѣ логическаго опредѣленія не можетъ быть данъ въ началѣ нашего изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что философы до сихъ поръ еще спорятъ относительно сущности сужденія: ими даются весьма различныя и отчасти даже противорѣчивыя опредѣленія. Не вдаваясь въ разборъ этихъ противорѣчій и въ критику невѣрныхъ опредѣленій, я пока отмѣчу только невѣрность опредѣленій сужденія, какъ „синтеза“ понятій, если подъ таковымъ разумѣть только одновременное появленіе ихъ въ сознаніи. Если же подъ этимъ „синтезомъ“ разумѣть то особое сочетаніе понятій, которымъ создается сужденіе, то это слово равносильно понятію „сужденіе“, и представляетъ собою только замѣну всѣмъ извѣстнаго слова новымъ, неизвѣстнымъ; такимъ образомъ, греческимъ словомъ „синтезъ“ только маскируется незнаніе, въ чемъ состоитъ сужденіе. Еще болѣе невѣрно опредѣленіе сужденія, какъ частнаго

¹⁾ Подробнѣе будетъ отмежевана логика отъ психологіи и очерчена задача гносеологіи въ другомъ мѣстѣ. Этому вопроса мы уже касались во введеніи, въ §§ 16 и 17.

вида ассоціаціи идей ¹⁾. Что эти опредѣленія невѣрны легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ примѣровъ. На нихъ выяснится и сущность сужденія. Впрочемъ, въ началѣ нашего изслѣдованія достаточно сказать, что сужденіемъ мы называемъ цѣльный познавательный процессъ, выражаемый большей частью простымъ грамматическимъ предложеніемъ. Кто хоть немного наблюдалъ свое мышленіе, тотъ пойметъ, что такое сужденіе, и безъ его логическаго опредѣленія. Точно такъ же дѣти понимаютъ, что такое „стулъ“, хотя и не слышали его логическаго опредѣленія; такъ же всѣ понимаютъ, что такое „гнѣвъ“ или „печаль“, хотя никогда не слышали логическихъ опредѣленій этихъ понятій.

Невѣрность вышеприведенныхъ опредѣленій прежде всего видна на отрицательныхъ сужденіяхъ. Если я сужу, что „китъ не—рыба“, а „неопырь не—птица“, то этими сужденіями я отвергаю случайную ассоціацію по сходству или „синтезъ“ понятій „китъ“ и „рыба“, „неопырь“ и „птица“, который возникъ въ моемъ сознаніи безъ достаточнаго логическаго основанія.

Но и утвердительныя сужденія опровергаютъ вышеприведенныя опредѣленія сужденія. Предположимъ, я вижу у моего пріятеля новую картину и говорю: „эта картина—прекрасна“ ²⁾. Въ этомъ случаѣ я судилъ о картинѣ, оцѣнивая ее съ эстетической стороны: здѣсь, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ сужденіе, которое зародилось у меня и которое я передаю словами пріятелю. Выраженіе сужденія грамматика называетъ предложеніемъ. Въ данномъ случаѣ логическое и психологическое сужденіе вполне покрываются своими терминами съ грамматическимъ предложеніемъ. Но если бы я сказалъ, „эта прекрасная картина“, то пріятель не понялъ бы меня: въ этихъ словахъ не было бы законченной мысли, не было бы ни психологическаго, ни логическаго сужденія, хотя мною употреблены тѣ же три слова, хотя имѣется скрытое утвержденіе о картинѣ, что она прекрасна. Въ этихъ трехъ словахъ тоже имѣется предметъ „эта картина“, имѣется

¹⁾ Мое опредѣленіе сужденія будетъ дано ниже—послѣ разсмотрѣнія достаточнаго числа примѣровъ и послѣ ихъ подробнаго анализа.

²⁾ Черта во всѣхъ дальнѣйшихъ примѣрахъ указываетъ на логич. связку, а курсивъ обозначаетъ предикатъ (сказуемое) сужденія.

и его качество „прекрасная“; однако, это качество присоединено, какъ нѣчто уже знакомое и установленное, о чемъ не сомнѣваются и не судятъ въ данный моментъ. Въ этихъ трехъ словахъ тоже имѣется „синтезъ“ тѣхъ же понятій; однако ими не высказано сужденія. Итакъ *не всякій синтезъ даетъ сужденіе!* Подобный синтезъ можетъ оказаться результатомъ цѣлаго ряда сужденій, самъ не будучи сужденіемъ. Предположимъ, что я вглядываюсь въ картину и узнаю ее, какъ знакомую, высказывая новое сужденіе: „эта прекрасная картина—*мнѣ знакома*“. Потомъ я припоминаю автора картины и высказываю третье сужденіе; „эта [прекрасная ¹] картина—*В. Маковскаго*“. Во второмъ и третьемъ сужденіи повторяются въ видѣ логич. подлежащаго (субъета) тѣ же три слова, которыя образовали первое сужденіе. Во второмъ сужденіи логическому субъекту приписано логич. сказуемое (предикатъ) „мнѣ знакома“, а въ третьемъ „В. Маковскаго“.

Я могу еще дальше осложнять свою мысль и процессъ сужденія, сдѣлавъ третье сужденіе субъектомъ новаго сужденія. Предположимъ, что я припомню новое обстоятельство, связанное съ картиной, и скажу: „эта [прекрасная] картина [В. Маковскаго]—*названа словомъ „Помѣшали*“. Въ этомъ четвертомъ сужденіи его субъектомъ служатъ всѣ слова третьяго сужденія, а логич. предикатомъ вмѣстѣ со связкой—слова „названа словомъ „Помѣшали“; однако и тутъ мы имѣемъ только одно сужденіе, хотя оно можетъ быть выражено сложнымъ предложеніемъ. Наконецъ, я припоминаю еще одно обстоятельство и образую пятое сужденіе „эта [прекрасная] картина [В. Маковскаго, названная словомъ „Помѣшали“]—*была въ музей Императора Александра III*“. Въ этомъ пятомъ примѣрѣ мы опять имѣемъ одно только сужденіе; въ немъ предикатъ сужденія, отмѣченный курсивомъ, обозначаетъ нѣчто новое, а все то, что раньше мнѣ уже было извѣстно, составляетъ субъектъ пятаго сужденія. Этотъ субъектъ сужденія заключаетъ въ себѣ грамматическое подлежащее и нѣсколько грамматическихъ опредѣленій, указывающихъ на нѣчто уже извѣстное, о чемъ мыслящій въ данный моментъ не судитъ, а только воспроизводитъ его, какъ извѣстное. Въ этомъ сужденіи одно изъ опредѣленій грамматическаго подлежащаго „картина“ выражено

¹) Слова, заключенныя въ угольныхъ скобкахъ, не высказаны вслухъ, а только подразумеваются.

цѣлымъ опредѣлительнымъ предложениемъ. Такихъ придаточныхъ предложений, обозначающихъ качества и разныя другія обстоятельства подлежащаго, можетъ быть иногда много; но всѣ они вмѣстѣ съ грамматическимъ подлежащимъ образуютъ одинъ предметъ сужденія, т. е.—логическій субъектъ, въ которомъ имѣется *синтезъ* четырехъ прежде образованныхъ сужденій. На этомъ пятомъ сужденіи видно, что его логическіе термины—субъектъ и предикатъ не совпадаютъ съ подлежащимъ и сказуемымъ предложения ¹⁾.

Изъ приведенныхъ примѣровъ отнюдь не слѣдуетъ, что *всѣ* сужденія получаютъ на основаніи синтеза понятій ²⁾.

§ 3. Отличіе анализа синтаксическаго отъ логическаго.

Что логическіе термины сужденія—субъектъ и предикатъ—не совпадаютъ съ грамматическимъ подлежащимъ и сказуемымъ, лучше всего видно на предложенияхъ, въ которыхъ отвѣтъ выраженъ логич. ударениемъ голоса. Такъ напр., на вопросительное предложеніе: „ты вчера гулялъ въ саду съ моей сестрой?“ съ перенесеніемъ логическаго ударенія на другое слово получится другой отвѣтъ. 1) На вопросъ съ удареніемъ на „ты“ можетъ быть полученъ отвѣтъ „я“ или „не я“. 2) На вопросъ съ удареніемъ на „вчера“ опять можетъ быть данъ отвѣтъ „вчера“ или „не вчера“. 3) На вопросъ съ удареніемъ „гулялъ“ можетъ быть данъ отвѣтъ „гулялъ“ или „нѣтъ, не гулялъ“. Подобныя же два противорѣчащія отвѣта возможны и при удареніи на словахъ „въ саду“, „моей“ и „сестрой“. Во всѣхъ этихъ шести случаяхъ отвѣтъ можетъ быть данъ и полнымъ предложениемъ съ тѣми же словами и съ тѣмъ же удареніемъ, что и въ вопросѣ. 1) Въ сужденіи „я вчера гулялъ въ саду съ твоей сестрой“ „я“ будетъ однимъ терминомъ сужденія, а всей остальной частью предложенія представленъ другой терминъ. Это сужденіе устанавливаетъ фактъ относительно того, въ чемъ сомнѣвался спрашивающій, т. е. что гуляющимъ... былъ именно я. 2) Въ сужденіи „я вчера гулялъ...“ устанавливается фактъ, что гулянье мое... происходило

¹⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній мы будемъ обозначать логическіе термины сужденія латинскими названіями—„субъектъ“ и „предикатъ“, а подъ русскими названіями „подлежащее“ и „сказуемое“ будемъ разумѣть главные части *предложения* по грамматич. анализу.

²⁾ См. гл. III, § 2 настоящаго изслѣдованія.

именно вчера, а не въ другой день. 3) Въ сужденіи „я вчера гулялъ съ твоей сестрой“ устанавливается фактъ, что гулянье состоялось: подразумевается, что я не ежедневно гуляю съ твоей сестрой. 4) Въ сужденіи „я вчера гулялъ въ саду съ твоей сестрой“, устанавливается фактъ, что гулянье происходило въ саду, а не въ другомъ мѣстѣ. 5) Въ пятомъ сужденіи отмѣчается фактъ, что „я вчера гулялъ съ твоей сестрой, а не съ сестрой Ивана Ивановича. 6) Въ сужденіи „я вчера гулялъ съ твоей сестрой“ устанавливается фактъ, что гулянье происходило съ сестрой, а не съ кѣмъ-нибудь другимъ. Такимъ образомъ, однимъ и тѣмъ же грамматическимъ предложеніемъ, съ перемѣной ударенія, каждый разъ высказывается иное сужденіе, съ другими логич. терминами. И хотя каждое слово предложенія выражаетъ особое обстоятельство; но только относительно одного подымается сомнѣніе и дѣлается опредѣленное сужденіе: остальные предполагаются несомнѣнными и извѣстными. Грамматика этихъ различій сужденія не отмѣчаетъ: она „во всѣхъ шести случаяхъ видитъ то же подлежащее „я“ и то же сказуемое „гулялъ“. Психологія и гносеологія съ этимъ не можетъ согласиться.

§ 4. Термины сужденія.

Разсмотримъ теперь, выдерживаетъ ли логика свою точку зрѣнія въ анализахъ сужденія. Традиціонная логика имѣетъ дѣло съ сужденіями, не только расчлененными и точно выраженными словами, но и провѣренными опытомъ. Въ таковыхъ уже заключается знаніе объективное, въ большей или меньшей степени общепризнанное. Отъ завѣдомо ложнаго знанія никто не станетъ исходить въ своихъ умозаключеніяхъ, кто ищетъ истины; а традиціонная логика, кромѣ методологіи, главнымъ образомъ, занимается умозаключеніями—дедуктивными и индуктивными. Поэтому традиціонная логика чаще всего повторяетъ опредѣленіе сужденія, данное еще Аристотелемъ, а именно, что сужденіе есть „изреченіе или мысль, въ которой что-нибудь утверждается или отрицается относительно другого“¹⁾. Этимъ опре-

¹⁾ Опредѣленіе Аристотеля повторяла не только схоластика, но и въ новое время: Л. Вивезъ, Декартъ, логика Поръ-Рояля; а въ но-

дѣленіемъ сужденія уже предполагаются три существенныхъ части сужденія: а) то, что утверждается или отрицается, т. е. предикатъ сужденія; б) то понятіе, о которомъ что-нибудь утверждается или отрицается, т. е. субъектъ сужденія; в) выраженіе самого утвержденія или отрицанія, называемое связкой (copula).

Эти опредѣленія сужденія и его терминовъ, данныя Аристотелемъ, вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ опредѣленій; однако мы увидимъ, что и они во многихъ случаяхъ сбивчивы и непримѣнимы къ нашимъ сужденіямъ, какъ они естественно высказываются или мыслятся. Такъ, въ первомъ примѣрѣ предыдущаго параграфа „я вчера гулялъ въ саду съ твоей сестрой“ отвѣтъ заключается въ словѣ „я“. Только относительно лица, „гулявшаго...“ поднимается вопросъ: только относительно его существовало сомнѣніе и въ отвѣтъ дано приведенное сужденіе. Все же остальное предполагается несомнѣннымъ. Тотъ же отвѣтъ мы могли бы выразить и въ иной формѣ, напр.: „Гуляющимъ вчера съ твоей сестрой былъ именно я“ или „Вчерашнее гулянье съ твоей сестрой было совершено мною“. Отъ этого измѣненія формы содержаніе логическаго сужденія нисколько не измѣнилось; однако уже въ послѣднемъ предложеніи грамматическимъ подлежащимъ оказывается слово „гуляніе“, а сказуемымъ съ его пояснительными словами—„было совершено мною“. Слѣдовательно во мнѣ или вѣрнѣе въ томъ, что я то лицо, которое совершило гулянье, заключается утвержденіе сужденія. Слѣдовательно „я“ представляетъ собою логическій предикатъ перваго сужденія; а слова „вчера гулялъ въ саду съ твоей сестрой“ представляютъ собою „субъектъ“ сужденія. Логика, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самое ея названіе, должна разсматривать не форму, не выраженіе мысли, а ея смыслъ (λόγος), ея содержаніе.

На отличіе терминовъ сужденія отъ частей предложенія до сихъ поръ не обращено должное вниманіе представителями логики. Такъ напримѣръ, традиціонная логика сужденія „не всѣ люди грѣшны“ (=нѣкоторые люди не грѣшны) разсматриваетъ такъ же, какъ и грамматика, счѣвѣйшее—англичане: *Селли* (Sully); въ нѣсколько измѣненной формѣ *Дж. Ст. Милль*, *А. Бэнъ*, а также *Либманъ*, *Э. Э. Гартманъ*, *Г. Рикхертъ*.

тая слово „люди“ субъектомъ, а „грѣшны“ предикатомъ сужденія. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ сужденіи мы судимъ только относительно объема понятія „люди“ (или „человѣкъ“); фактъ грѣховности людей принимается за нѣчто данное, не подвергаемое сомнѣнію; а отрицаніемъ „не“ оспаривается все количество людей, т. е. объемъ этого понятія. Слѣдовательно, въ данномъ примѣрѣ одинъ изъ терминовъ сужденія представленъ словами „люди грѣшны“, а другой, т. е. предикатъ—словами „не есть“¹⁾. Для лучшаго уясненія сказаннаго мы можемъ придать этому сужденію иную словесную форму, говоря: „грѣховность людей присуща не естьмъ“. Тутъ и подлежащимъ предложенія и субъектомъ соотвѣтственнаго логическаго сужденія есть „грѣховность людей“.

Еще лучше видно это отличіе терминовъ сужденія отъ частей предложенія въ тѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ высказывается взаимное отношеніе между двумя предметами—пространственное, временное, причинное, отношенія сходства, равенства, различія. Такъ напр., въ сужденіи „современникомъ Лейбница былъ *Петръ Великій*“. Если это сужденіе служить отвѣтомъ на вопросъ: „кто изъ русскихъ императоровъ былъ современникомъ Лейбница?“ То отвѣтъ „Петръ Великій“ представляетъ собою предикатъ сужденія; между тѣмъ это слово есть подлежащее предложенія. То же самое мы имѣемъ и въ сужденіи „напротивъ дома Иванова находится домъ *Степанова*“. Если оно служить отвѣтомъ на вопросъ: „чей домъ находится напротивъ дома Иванова?“, тогда домъ Иванова оказывается даннымъ, отъ котораго исходитъ судящій, т. е. субъектомъ сужденія, а „домъ Степанова“—отвѣтомъ, т. е. предикатомъ сужденія. Иное получится, если я отвѣчу на вопросъ: „гдѣ находится домъ Степанова?“ и скажу. „Домъ Степанова—напротивъ дома *Иванова*“. Въ этомъ сужденіи судящій исходитъ отъ „дома Степанова“ и устанавливаетъ пространственное его положеніе указаніемъ на домъ Иванова. Слѣдовательно, въ этомъ указаніи дома Иванова заключается отвѣтъ и предикатъ даннаго сужденія. Въ

¹⁾ Ср. *И. С. Проданъ*. Учебникъ логики, 2-е изданіе § 24. Въ учебникѣ, предназначенномъ для средней школы, я ограничился указаніемъ на различіе въ смыслѣ подобныхъ сужденій, не отмѣчая ошибочности традиціонныхъ толкованій сужденія и его терминовъ.

обоихъ случаяхъ установлено взаимное положеніе двухъ со-
сѣднихъ домовъ Иванова и Степанова, посредствомъ слова
„напротивъ“, и глагола „находится“ или подразумѣваемаго
„есть“: въ этихъ словахъ и выражена связка обоихъ тер-
миновъ сужденія. Послѣдніе же мѣняются въ зависимости
точки отправленія судящаго ¹⁾).

Если пренебречь точкой отправленія судящаго, что дѣ-
лается грамматикой и отчасти традиціонной логикой,—тогда
теряется всякое различіе между обоими терми-
нами. Это, повидимому, неясно чувствовали прежніе ло-
гики, установившіе правила обращенія (*conversio*). Они ви-
дѣли, что оба термина сужденія могутъ быть перестано-
влены—иногда съ измѣненіемъ количества,—а смыслъ су-
жденія остается тотъ же. Къ сожалѣнію, они брали для сво-
ихъ примѣровъ только одинъ весьма ограниченный классъ
сужденій,—сужденія аналитическія, въ томъ числѣ и су-
жденія включенія низшаго класса въ высшій (такъ называе-
мые *Subsumtionsurteile*). Если же вникать во весь смыслъ
сужденія,—не только въ смыслъ словъ, но и въ точку зрѣ-
нія судящаго, выражаемую логическимъ удареніемъ и рас-
положеніемъ словъ,—то оба термина должны быть
отличаемы другъ отъ друга. Тогда въ каждомъ су-
жденіи, какъ оно переживается мыслящимъ, должно отли-
чать ту его часть, отъ которой исходитъ судящій; эта
часть иногда соотвѣтствуетъ тому, что традиціонная логика
называетъ субъектомъ сужденія. Другая же часть су-
жденія привносится къ первой памятью и разсудкомъ;
эта часть обыкновенно соотвѣтствуетъ предикату тради-
ціонной логики. Но сверхъ того, должно отличать въ сужде-
ніи, какъ оно выражается человѣческой рѣчью, еще тотъ
составной элементъ сужденія, которымъ устанавливается са-
мая связка или отношеніе между терминами сужденія. Это
—такъ называемая связка сужденія (*copula*).

¹⁾ Подобныя сужденія вѣрно объясняетъ и Зигвартъ; однако и
онъ не сумѣлъ отдѣлаться отъ непослѣдовательности традиціонной
логики въ пониманіи терминовъ сужденія: и Зигвартъ не отличаетъ
зависимости терминовъ сужденія отъ точки отправленія судящаго,
хотя и отмѣчаетъ различіе въ смыслѣ сужденія „Сократъ—здѣсь“
въ зависимости отъ вопросовъ: „кто здѣсь?“ и „гдѣ Сократъ?“. См.
Sigwart, Logik, 3 Auflage, 1904, § 12, s. 89 и 90. Ср. его же примѣчаніе
на стран. 77 и 78.

§ 5. С в я з к а.

Что связка должна быть выдѣлена отъ предиката сужденія, лучше всего видно на тѣхъ сужденіяхъ, которыми обозначаются взаимныя отношенія между двумя фактами или предметами дѣйствительности. Возьмемъ, напр., отношенія равенства. Если я скажу: „треугольникъ *A* равенъ треугольнику *B*“, то это сужденіе служитъ отвѣтомъ на вопросъ, „чему равенъ треугольникъ *A*?“ Слѣдовательно, треугольникъ *B* составляетъ предикатъ сужденія; а слово „равенъ“ обозначаетъ самое отношеніе равенства, устанавливаемое между субъектомъ *A* и предикатомъ *B*. Синтаксическій разборъ этого предложенія совершенно не логиченъ. Слово „равенъ“ можно считать сказуемымъ предложенія; но никоимъ образомъ его нельзя считать ни предикатомъ сужденія, ни его частью. Дѣло въ томъ, что предложеніе „треугольникъ *A* равенъ“ само по себѣ представляетъ безсмыслицу. О равенствѣ можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда даны по меньшей мѣрѣ два сравниваемыхъ предмета.

Поэтому невѣрно утвержденіе Зигварта, будто въ сужденіяхъ „*A* равно *B*“ и „*B* равно *A*“ предикатъ сужденія составленъ изъ понятій „равно *B*“ и „равно *A*“¹⁾. Понятіе равенства съ психологической точки зрѣнія можно отнести къ субъекту, а именно,—когда спрашиваютъ „чему равно *A*?“ Тогда дано судящему не только *A*, но и требованіе отыскать равный ему предметъ или объектъ; но къ предикату его никоимъ образомъ нельзя отнести. Съ логической точки зрѣнія вѣрнѣе будетъ и въ этомъ случаѣ „равенство“ считать выраженіемъ отношенія между *A* и *B*, т. е. связкой.

Сужденіе „*A* равно *B*“ можетъ быть выражено и другимъ способомъ, а именно: „*A* и *B* равны другъ другу“; но отъ этого нисколько не измѣняется смыслъ, слѣдовательно и послѣднее предложеніе выражаетъ одно сужденіе равенства двухъ величинъ. Зигвартъ, не отрѣшившійся вполнѣ отъ грамматическаго анализа, усматриваетъ въ этомъ слитномъ предложеніи два сужденія, а именно: „*A* равно *B*“ и

¹⁾ Sigwart, Logik, 3 Aufl. 1. Bd § 12. S. 90.

„В равно А“¹⁾). Въ такомъ случаѣ каждое сужденіе можно считать выраженіемъ двухъ сужденій, такъ въ каждомъ сужденіи можно переставить оба термина по правиламъ обращенія (*conversio*).

Итакъ, въ приведенныхъ примѣрахъ слово „равно“ обозначаетъ качество отношенія между обоими терминами: въ немъ именно заключается связка.

Подобную же роль связки играютъ и понятія „больше, меньше; спереди, сзади; сверху, снизу; слѣва, справа; вмѣстѣ, врозь; близко, далеко; здѣсь, тамъ; теперь, тогда; раньше, позже; причина и дѣйствіе, дѣйствіе и притерпѣваніе...

Всѣ эти понятія указываютъ на взаимныя отношенія между двумя фактами, предметами, точками. Связку должно выдѣлять не только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ устанавливается взаимоотношеніе между терминами сужденія. Она большей частью имѣетъ особое выраженіе и въ остальныхъ сужденіяхъ. Такъ напр., въ сужденіяхъ, выражающихъ качество или дѣятельность субъекта, связка выражается или вспомогательнымъ глаголомъ „есть“, который въ русской рѣчи обыкновенно опускается и замѣняется передышкой, или же флексіей—имени прилагательнаго или глагола. Сверхъ того, связка обозначается и особыми словами съ соответственными флексіями. Такъ, въ сужденіяхъ „снѣгъ бѣлъ“, „хининъ горекъ“ усѣченная форма имени прилагательнаго съ соответственной флексіей указываетъ на то, что это имя прилагательное служитъ сказуемымъ предложенія и предикатомъ соответственнаго сужденія.

Въ сужденіяхъ, включающихъ субъектъ въ классъ предиката, (въ такъ называемыхъ *Subsumtionsurteile*), связкой бываетъ вспомогательный глаголъ „есть“ или другая форма этого глагола. Связка „есть“ и „суть“ въ русскомъ языкѣ обыкновенно опускаются. Этотъ пропускъ въ письмѣ обозначается чертой. Такъ напр., „полынь—трава“, „лиственница—дерево“. Подобныя сужденія указываютъ, что ихъ субъекты „полынь“, „лиственница“ составляютъ часть класса, обозначаемаго предикатомъ: полынь есть одинъ изъ видовъ травъ, а лиственница—одинъ изъ видовъ деревьевъ.

¹⁾ Тамъ же.

То же бываетъ и въ такъ называемыхъ аналитическихъ сужденіяхъ, въ которыхъ предикатъ повторяетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ субъекта, напр.: „тѣла — протяженны“, „прямоугольникъ есть параллелограмъ“.

Та же связка „есть“ подразумѣвается и во всѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ на основаніи узнаванія существенныхъ признаковъ устанавливается тождество между воспринимаемымъ и припоминаемымъ объектомъ. Такъ, напр., въ сужденіяхъ: „это — снѣгъ, это — кровь, это — Сократъ“¹⁾.

Въ сужденіяхъ „пламя жжетъ“, „вѣтеръ сушитъ бѣлье“ флексія глагола „т“ указываетъ, что дѣйствіе выраженное глаголомъ, приписывается подлежащему предложенія или субъекту сужденія. При этомъ флексія настоящаго времени весьма часто обозначаетъ и такое дѣйствіе, которое совершается обыкновенно или всегда, а не только въ моментъ рѣчи или процесса сужденія.

То же бываетъ и въ тѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ глаголъ обозначаетъ состояніе или положеніе предмета, напр.: „Ваня спитъ“, „Егоръ лежитъ“. Въ послѣднемъ примѣрѣ подразумѣвается тотъ предметъ, на которомъ Егоръ обычно лежитъ, т. е. диванъ или кровать. Если бы подразумѣвалось нѣчто иное, то тогда это было бы обозначено особо, напр.: „Егоръ лежитъ въ гамакъ“ или „Егоръ лежитъ на полу“. Въ этихъ случаяхъ слово „лежитъ“ указываетъ на положеніе тѣла Егора по сравненію съ основаніемъ, поддерживающимъ тѣло Егора. Если эти сужденія отвѣчаютъ на вопросъ „гдѣ лежитъ Егоръ?“ то очевидно, что отвѣты „въ гамакъ“ и „на полу“ представляютъ собою предикатъ; тогда въ словѣ „лежитъ“ нужно видѣть связку сужденія.

Изъ всего параграфа видно, что логическая связка довольно рѣдко совпадаетъ съ грамматической. Первая можетъ быть выражена не только глаголомъ „быть“ и ему подобными, какъ „являться, оказываться, представляться, состоять, казаться, становиться, дѣлаться, называться, имѣть свойство, и т. д. Логи-

¹⁾ Эти три примѣра взяты изъ логики Зигварта, который ихъ ошибочно считаетъ сужденіями наименованія (Benennungsurteile). См. *Sigwart, Logik, 3 Aufl. I. Bd. § 9, s. 66—70.* Объ этомъ будетъ подробно сказано ниже.

ческая связка можетъ быть выражена и личнымъ окончаніемъ глагола или флексіей глагола, или имени прилагательнаго, а равно и другими способами выраженія. Соединять ее съ предикатомъ во едино, какъ то дѣлаетъ иногда Зигвартъ и всегда Вундтъ, отличающій въ сужденіи только двѣ части, представляется не соотвѣтствующимъ дѣйствительности: это согласно только съ невѣрнымъ опредѣленіемъ сужденія, даннымъ Вундтомъ ¹⁾.

§ 6. Безличныя предложенія: критика ихъ объясненія, даннаго Зигвартомъ.

На эти предложенія обратили свое вниманіе въ истекшемъ вѣкѣ и филологи и логики ²⁾. Насъ они интересуютъ только съ логической и гносеологической стороны: представляютъ ли они собою сужденія, со всѣми тремя ихъ составными частями, или же они—только часть сужденія, не представляющая собою объективнаго знанія. Прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію этого вопроса, я изложу то, что до сихъ поръ сдѣлано въ лучшей изъ вѣмецкихъ логикъ, а именно въ послѣднемъ изданіи логики Зигварта ³⁾. Въ ней удѣленъ этимъ предложеніямъ особый параграфъ въ 9 страницъ, въ которомъ дается такое объясненіе: „Въ собственномъ и строгомъ смыслѣ безличныя предложенія—это только такія, въ которыхъ (качество или дѣйствіе воспринимается само по себѣ...), а отношеніе его къ предмету подлежащаго (Dingsubject) исключено“ ⁴⁾. Четырьмя страницами ниже Зигвартъ ихъ поясняетъ такъ: „Настоящія безличныя предложенія (echte Impersonalien) это—такія, у которыхъ мысль о вещи (Ding), которой могло бы быть приписано сказуемое,

¹⁾ Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

²⁾ См.: а) *Herbart Lehrb. zur Einleitung in die Philosophie*, 3 Aufl. § 63.

б) *Miklosich, Subjectlose Sätze*, 2 Aufl. Wien 1883.

в) *W. Schuppe, Art. in Zeitschr. f. Völkerpsych. u Sprachwiss* 1886. Bd. XVI.

г) *Sigwart, Die Impersonalien*, Freiburg 1888.

е) *M. Ivanovich, Die Impersonalien*, Belgrad 1896.

ф) *Ierusalem, Die Urtheilesfunction*, 1895. S. 125.

³⁾ *Sigwart, Logik*, 3 Aufl. § 11. S. 76—84.

⁴⁾ Тамъ же стран. 76.

совсѣмъ отпадаетъ, и вопросъ о таковой не имѣетъ никакого смысла: имъ должно противопоставлять тѣ обороты рѣчи, въ которыхъ хотя и не поименованъ предметъ подлежащаго (Dingsubject), но по крайней мѣрѣ подразумѣвается; таковой представляется неопредѣленно и обозначается только мѣстоимѣніемъ средн. рода или окончаніемъ флексіи. Выраженія „mich hungert“ (=я голоденъ, мнѣ хочется ѣсть) „mich dürstet“ (=я чувствую жажду) совсѣмъ не допускаютъ вопроса „was mich hungert oder dürstet“ (что вызываетъ голодъ или жажду?); такъ же и [латинскія безличныя предложенія] „rudet“ или „roenitet“ не могутъ быть дополнены именемъ существительнымъ въ качествѣ подлежащаго. Но если я скажу [продолжаетъ Зигвартъ] „начинается“ или „кончилось“, то я всегда подразумѣваю нѣчто опредѣленное—рядъ событій, который ожидался или происходилъ: зрѣлище, музыкальное исполненіе, борьбу или т. под. Въ этихъ случаяхъ предполагается со стороны слушающаго, что его вниманіе обращено на тотъ же рядъ событій, слѣдовательно, что болѣе точное его обозначеніе не нужно... излишне или же слишкомъ затруднительно“¹⁾. Послѣднія выраженія Зигвартъ называетъ „кажущимися безличными предложеніями“ (scheinbare Impersonalien²⁾).

На это я прежде всего долженъ замѣтить, что въ этомъ разъяненіи Зигвартъ по данному вопросу не вышелъ за предѣлы грамматики. Далѣе, его дѣленіе „безличныхъ на „настоящія“ и „кажущіяся безличными“ съ логической точки зрѣнія не осуществимо: „настоящія“ безличныя или выражаютъ опредѣленную законченную мысль, слѣдовательно они—сужденія; или же они таковой не выражаютъ, и они не—сужденія. Самъ Зигвартъ въ концѣ цитированнаго § 11 считаетъ безличныя предложенія выраженіемъ сужденія: по его словамъ „они не составляютъ исключенія отъ общаго свойства предложенія, выражающаго сужденіе“. Съ этимъ мнѣніемъ Зигварта, мнѣ кажется, согласится каждый вдумчивый психологъ и логикъ: и безличныя предложенія выражаютъ опредѣленную, законченную мысль, т. е. сужденіе. А если это такъ, то и въ нихъ логикъ долженъ отыскать три составныхъ части сужденія. Если Зигвартъ ихъ не отыскалъ,

¹⁾ Въ цитир. соч. стран. 80.

²⁾ Тамъ же.

то это не доказываетъ еще, что ихъ нѣтъ. Зигвартъ въ томъ же параграфѣ даетъ нѣсколько толкованій относительно субъекта сужденія, но не разграничиваетъ грамматическаго анализа отъ логическаго. Такъ напр., въ самомъ началѣ § 11 онъ въ примѣчаніи, полемизируя съ Іовановичемъ, восклицаетъ: „какъ можетъ въ выраженіи „den friert's“ [„его донимаетъ холодъ“ или „онъ зябнетъ“], винительный падежъ быть субъектомъ?“ Очевидно, здѣсь Зигвартъ имѣетъ въ виду грамматическое подлежащее. Впрочемъ и таковое бываетъ въ винительномъ падежѣ, въ оборотахъ *accus c. in fin.*, и притомъ не только въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, но и въ нѣмецкомъ, напр., въ предложеніи: „ich höre ihn lesen“ (=я слышу, какъ онъ читаетъ=я слышу его читающимъ). Черезъ три страницы въ 3-мъ подраздѣлѣ Зигвартъ представляетъ „ключъ для вѣрнаго рѣшенія труднаго и много обсуждавшагося вопроса о логическомъ характерѣ такъ называемыхъ безличныхъ предложеній (*Impersonalien*)“. Однако и здѣсь Зигвартъ не отрѣшается отъ грамматической точки зрѣнія. Въ безличныхъ выраженіяхъ „mich hungert“ (=я голоденъ) „mich dürstet“ (=я испытываю жажду), а равно въ лат. *puget, roenitet*, по мнѣнію Зигварта, въ качествѣ субъекта къ названнымъ глаголамъ нельзя (*sic!*) дополнить имени существительнаго ¹⁾. Еще рѣшительнѣе повторяется то же утвержденіе тремя страницами дальше. Тутъ Зигвартъ говоритъ: „Выраженія *mich hungert* (=я голоденъ), *dürstet* (=я имѣю жажду), *mir ist heiss* (=мнѣ жарко), *mir schwindelt* (=мнѣ дурно), *eckelt* (=мнѣ тошно), *graut* (=мнѣ жутко) вовсе не допускаютъ отнесенія этихъ глаголовъ къ опредѣленному субъекту [подразумѣвается—логическаго сужденія], дѣятельностью котораго они были бы; что въ нихъ дано, состоитъ въ самомъ чувствѣ даннаго момента, которое въ себѣ не заключаетъ указанія на вещь, возбуждающую его“ ²⁾.

Если бы Зигвартъ перевелъ эти глаголы на любой иностранный языкъ, то онъ убѣдился бы, что эти глаголы выражаютъ ощущеніе, приписываемое живому человѣку; слѣдовательно предметомъ (логич. субъектомъ) этихъ ощущеній, несомнѣнно, есть опредѣленный человѣкъ. По-русски два

¹⁾ Тамъ же, стр. 80.

²⁾ Тамъ же, стр. 83. Конечъ абзаца.

первыхъ выраженія могутъ быть выражены только лично, т. е. съ опредѣленнымъ грамматическимъ подлежащимъ „я голоденъ“, „я испытываю жажду“; а лат. безличныя „ridet“ и „roenitet“ безъ дополненія въ винительномъ падежѣ, въ которомъ ставится чувствующее лицо, или соответственное мѣстоименіе, никогда не употребляются. Слѣдовательно и эти „настоящія безличныя предложенія“ Зигварта такъ же указываютъ на предметъ, т. е. лицо, испытывающее эти ощущенія и чувства, и по толкованію Зигварта „не настоящія“ Impersonalia. На самомъ дѣлѣ, для *нѣмецкой грамматики* они—Impersonalia, но не для логики, которая одна для *всѣхъ* языковъ и людей.

§ 7. Продолженіе.

Зигвартъ замѣчаетъ, что обозначаемое чувство, напримеръ, „мнѣ жутко“ не заключаетъ указанія на вещь (Ding), его возбуждающую. Это вѣрно. Но Зигвартъ упустилъ изъ виду, что логическимъ субъектомъ вовсе не должна быть „вещь“, производящая опредѣленное дѣйствіе, выраженное предикатомъ: Предикатъ можетъ выражать и качество, и положеніе въ пространствѣ, и другія отношенія. Далѣе, субъектомъ можетъ быть не только вещь, но и лицо. Если въ предложеніи „я испытываю страхъ“ слово „я“ обозначаетъ логическій субъектъ, то и въ предложеніи „мнѣ жутко“ логическимъ субъектомъ должно считать слово „мнѣ“. Русскій языкъ во многихъ подобныхъ случаяхъ допускаетъ двоякій способъ выраженія для того же сужденія, но съ нѣкоторымъ особымъ оттѣнкомъ. Такъ, говорятъ: „мнѣ хочется“ и „я хочу“; „мнѣ не спится“, и „я не могу спать“; „мнѣ помнится“, и „я помню“. Въ подобныхъ примѣрахъ личная форма указываетъ на сознательность и наличность соображенія (рефлексіи). Однако во всѣхъ подобныхъ сужденіяхъ есть на лицо и психологическій, и логическій субъектъ упомянутыхъ чувствъ, ощущеній и душевныхъ состояній.

Относительно другихъ безличныхъ выраженій Зигвартъ въ томъ же мѣстѣ находитъ предметъ, подразумеваемый въ нихъ, хотя этотъ предметъ далеко не такъ очевиденъ, какъ въ его „настоящихъ“ Impersonalia. Такъ, относительно

выраженій „es ist draussen glatt, staubig, nass“ (=на дворѣ скользко, пыльно, мокро) Зигвартъ утверждаетъ, что въ этихъ безличныхъ выраженіяхъ подразумѣвается die Wege (=дорóги), какъ будто не можетъ быть скользко, пыльно мокро и въ другихъ мѣстахъ, напр.: во дворѣ, въ саду, на площади. А въ безличномъ „es tauet“ (на дворѣ оттепель, таетъ), по мнѣнію Зигварта, подразумѣвается „только снѣгъ и ледъ“¹⁾; глаголь „tauet“ не существуетъ въ русскомъ языкѣ; но выраженіе „таеть“ можетъ быть употреблено въ русскомъ и тогда, когда расплавляютъ воскъ или свинецъ, чтобы вылить какую-нибудь фигурку.

Въ числѣ „настоящихъ безличныхъ предложеній“ Зигвартъ разбираетъ и слѣдующія: „es donnert“ (=гремитъ) и „es wetterleuchtet“ (=сверкаетъ зарница) и приходитъ къ слѣдующему выводу: „если на дѣлѣ невозможно назвать предметъ, на который указываетъ глаголь, то субъектомъ утвержденія (Aus-sage) остается самое впечатлѣніе, и окончаніе (глагола) можетъ указывать только на это единичное впечатлѣніе... Безличное предложеніе распространяется не дальше, какъ только для наименованія даннаго единичнаго (gegenwartige) явленія“²⁾. Въ этомъ выводѣ Зигварта, какъ и въ другихъ мѣстахъ, рассматривающихъ его „Benennungsurteile“ (=сужденія наименованія) невѣрно его мнѣніе, будто дѣло идетъ о наименованіи явленія, когда говорятъ „гремитъ“ или „сверкаетъ зарница“. О наименованіи идетъ рѣчь только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ мало знакомымъ предметомъ или явленіемъ, названіе котораго нами еще недостаточно усвоено. Такъ напримѣръ, когда мы припоминаемъ фамилію господина, съ которымъ мы накануне только познакомились. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, какъ и въ примѣрахъ Зигварта, приведенныхъ выше, при произношеніи вслухъ (или про себя) предложеній въ родѣ „гремитъ“, мы имѣемъ въ виду отмѣтить фактъ или явленіе, которое наступило въ данный моментъ, а не названіе этого явленія.

Во-вторыхъ, въ выводѣ Зигварта невѣрно, будто само явленіе, обозначаемое словами „гремитъ“ или „сверкаетъ зарница“, составляетъ *субъектъ* сужденія, а его предикатомъ

¹⁾ Въ цитир. §, стр. 81.

²⁾ Такъ же стр. 82. Маркировка—моя.

будто есть наименованіе этого явленія. Подобныя сужденія возможны, но они были бы выражены иначе. Подобное сужденіе имѣло бы смыслъ по отношенію къ ребенку, который впервые воспринимаетъ это явленіе и не знаетъ его названія. Тогда мы такое сужденіе высказали бы слѣдующими словами: „это—зарница“; а желающій быть слишкомъ точнымъ, сказалъ бы: „это называется зарницей“. Если же я вслухъ говорю „зарница!“ (=es wetterlenchtet), то я не думаю о названіи этого явленія: я его давнымъ давно знаю и предполагаю его извѣстнымъ и у всѣхъ слушающихъ меня. Своимъ сужденіемъ „зарница!“ я хочу сообщить другимъ о случившемся явленіи, которое возбудило мое вниманіе, т. е. хочу „подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ“ или же я хочу отмѣтить его и обратить на него вниманіе слушающихъ меня.

То же невѣрное объясненіе Зигвартъ повторяетъ и въ концѣ 11 параграфа, будто явленіе даннаго момента составляетъ субъектъ сужденія, на который будто указываетъ личное окончаніе глагола (Personalendung) ¹⁾. О связкѣ Зигвартъ тутъ ничего не говоритъ; о ней говорится въ § 17 сорока страницами дальше; но связку Зигвартъ склоненъ считать только выраженіемъ рѣчи, (sprachliche Aussage), а не частью сужденія ²⁾.

Итакъ Зигвартъ не разъяснилъ логической стороны безличныхъ предложеній. Съ одной стороны онъ желалъ поправить Миклосича; но этотъ знаменитый лингвистъ имѣлъ въ виду только грамматическій анализъ этихъ предложеній и совершенно вѣрно считаетъ ихъ предложеніями безъ подлежащаго (subjectlose Sätze). Съ другой стороны Зигвартъ не правъ и въ своихъ возраженіяхъ Іовановичу, который распространилъ мнѣніе Миклосича и на безличныя сужденія (Urteile). Іовановичъ эти сужденія считаетъ неопредѣленными (unbestimmte Urteile), выражающими дѣйствія неопредѣленнаго субъекта (eines unbestimmten Subjectes) ³⁾. Правда, Іовановичъ не уловилъ сути безличныхъ сужденій, но все же онъ стоитъ ближе къ истинѣ,

¹⁾ Тамъ же стр. 83 внизу.

²⁾ Тамъ же § 17, стр. 121--124.

³⁾ Тамъ же. Примѣчаніе на стр. 76 и 77.

какъ мы увидимъ, чѣмъ Зигвартъ: заблужденія послѣдняго мы уже видѣли; онъ ошибочно считаетъ субъектомъ такихъ сужденій нѣчто извѣстное—самое явленіе, которое судящій будто называетъ его именемъ.

§ 8. Психологическіе анализы простѣйшихъ безличныхъ сужденій.

Изъ всѣхъ споровъ относительно безличныхъ предложеній, можно принять только одно несомнѣнное положеніе, а именно: и безличныя предложенія представляютъ собою выраженіе законченныхъ сужденій, но болѣе примитивной формаци.

Самыми элементарными сужденіями, несомнѣнно, будутъ слѣдующія: разсвѣло, смеркается, темно: тихо, стучитъ, шумно: тепло, холодно. Этихъ сужденій Зигвартъ не разсматриваетъ. Вѣроятно, онъ и ихъ подвелъ бы подъ свои сужденія наименованія (*Benennungsurteile*); но это было бы такъ же ошибочно, какъ и въ разобранныхъ его примѣрахъ.

Чтобы не утомлять читателя, я разберу три изъ приведенныхъ элементарныхъ сужденій, на которыхъ постараюсь раскрыть ихъ логическую природу.

Разсмотримъ сперва сужденіе „разсвѣло“. Что оно означаетъ? Оно равносильно сужденію „теперь уже не темно“. Это значитъ, что немного раньше я замѣчалъ темноту, которой теперь я не замѣчаю, о которой я только вспоминаю, но которой въ настоящій моментъ уже нѣтъ въ дѣйствительности: всѣ окружающіе меня предметы я вижу освѣщенными. То же видятъ и другіе. Стало-быть я этимъ обозначаю не свое субъективное состояніе, но реальный фактъ освѣщенія всего окружающаго меня. Итакъ относительно этого сужденія никакъ нельзя утверждать, что въ немъ подразумѣвается мое „я“, что будто разсвѣло „для меня“ или же, что я воспринялъ свѣтъ, подобно тому, какъ въ безличныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ выражается чувство, напр.: „мнѣ грустно, мнѣ весело, мнѣ жутко“, въ которыхъ чувства относятся къ живому субъекту, ихъ испытывающему.

Возьмемъ другой примѣръ. Предположимъ, я въ теплый лѣтній вечеръ мечтаю у открытаго окна, выходящаго въ садъ, и вдругъ произношу вслухъ: „какъ тихо!“ Въ словѣ „тихо“ мы имѣемъ сужденіе; а слово „какъ“ обозначаетъ мое удивленіе относительно этой тишины. Разсмотримъ сужденіе „тихо“. Что оно обозначаетъ? Слуховое впечатлѣніе? Ничуть! „Тишину“, т. е. отсутствіе звуковъ, не можетъ воспринимать ухо: оно воспринимаетъ только звуки; а отсутствіе ихъ замѣчаетъ умъ на основаніи воспоминанія прежнихъ звуковъ, которые были раньше (днемъ или весною) при той же обстановкѣ (въ томъ же мѣстѣ), но которыхъ въ данный моментъ не имѣется. Данное сужденіе „тихо“ выражаетъ отрицаніе обычнаго или ожидаемаго факта дѣйствительности; но оно добыто на основаніи сравненія даннаго акта сознанія съ однороднымъ прежнимъ ¹⁾).

То же самое вѣрно и относительно предложенія „тепло“. Если я изъ холоднаго коридора войду въ теплую комнату и скажу „какъ тепло!“ то этимъ я вовсе не высказываю только свое личное ощущеніе, что я испытываю тепло. Напротивъ, я отмѣчаю объективный фактъ, что здѣсь, т. е. въ этой комнатѣ, тепло, т. е. тепло для всѣхъ здоровыхъ и нормальныхъ людей, которые въ ней находятся. Если бы я высказалъ только свое личное ощущеніе тепла, то я сказалъ бы: „мнѣ у васъ жарко или тепло“. Сужденіе „тепло“ не равносильно и сужденію „эта комната тепла“, такъ какъ я въ первый разъ вошелъ въ эту комнату и вовсе не зналъ, какова эта комната: въ ней можетъ и не быть печи. Эта фраза не равносильна сужденію „воздухъ этой комнаты теплый“, такъ какъ таковую фразу высказываютъ, т. е. дѣлаютъ подобное сужденіе, и такіе люди, которые не имѣютъ никакого понятія о томъ, что въ комнатахъ находится воздухъ, напр., дѣти. (Впрочемъ, понятіе „воздухъ“ не во всѣхъ языкахъ имѣется). Сужденіе „тепло“ не имѣетъ грамматическаго подлежащаго, которому приписывалась бы теплота, какъ качество. Это сужденіе не имѣетъ и логическаго субъекта въ смыслѣ Аристотеля; тѣмъ не менѣе оно

¹⁾ Этотъ примѣръ взятъ изъ моего Учебника логики, Харьковъ 1910 г. 2-е изд. § 14, стр. 34.

выражаетъ опредѣленный объективный фактъ, опредѣленную законченную мысль: оно—логическое сужденіе.

Правда, физикъ-спеціалистъ, произнося сужденіе „тепло“, можетъ себѣ представлять при этомъ и носителя физической теплоты, т. е. физическую матерію, свойствомъ которой считается теплота физиковъ: онъ можетъ себѣ представлять въ нашемъ примѣрѣ воздухъ, имѣющій ту температуру, которая на нормальнаго человѣка производитъ впечатлѣніе тепла; онъ можетъ себѣ представить и поверхность стѣнъ и остальныхъ предметовъ комнаты, которые въ ней имѣютъ приблизительно ту же температуру, что и воздухъ комнаты. Но обыкновенные люди, не занимающіеся физикой, въ томъ числѣ и образованные и даже ученые, о всемъ томъ не думаютъ при произношеніи ими сужденія „тепло“. У обыкновенныхъ людей это сужденіе означаетъ, что ихъ воспріятіе тепла вызвано внѣшней причиной, т. е. теплотой физической, которой не было въ коридорѣ или во дворѣ ¹⁾. При этомъ ощущаемая теплота обыкновенно приписывается исключительно внѣшнимъ тѣламъ, которые считаются теплыми. (Это—воззрѣніе наивноаго реализма). Иногда же считаютъ субъективное ощущеніе тепла дѣйствіемъ внѣшней причины, совершенно несходной съ самымъ ощущеніемъ. Напр.,—дѣйствіемъ колеблющихся молекулъ (это—воззрѣніе рациональнаго реализма). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ сознаютъ, что мы имѣемъ дѣло съ познаніемъ реальной дѣйствительности.

§ 9. Сущность безличныхъ сужденій.

Что самое ощущеніе тепла и вызванное имъ сужденіе „тепло“ возникли вслѣдствіе различія температуры въ коридорѣ и въ комнатѣ и вслѣдствіе бессознательнаго сравненія этихъ различныхъ по степени ощущеній, въ томъ не трудно убѣдиться. Когда я посижу подольше въ комнатѣ, въ которой я въ началѣ испыталъ тепло, то я замѣчаю, что мнѣ становится холодно, а именно потому, что въ комнатѣ градусникъ показываетъ всего -13° R, т. е. такую температуру, къ которой я не привыкъ. Въ началѣ же

¹⁾ Этотъ примѣръ взятъ изъ моего „Практическаго руководства по психологій“. Харьковъ, 1908, XIII, стр. 81 и 82.

та же температура вызвала во мнѣ ощущеніе тепла: это произошло вслѣдствіе быстрого перехода въ комнату изъ „холоднаго“ коридора, въ которомъ было всего -5° K.

Такое же различное впечатлѣніе произведетъ на меня и температура коридора, смотря по предшествовавшему моему ощущенію тепла. Такъ, если на дворѣ будетъ -20° K, то вошедши со двора въ коридоръ, я испытаю ощущеніе тепла ¹⁾. При часто повторявшемся опытѣ, я впоследствии убѣждаюсь, что мои ощущенія не всегда идутъ въ параллель со степенями внѣшней температуры, измѣряемой градусникомъ. Мои ощущенія тепла зависятъ не только отъ внѣшней температуры, но и отъ привычки, и отъ сравненія одного ощущенія тепла съ непосредственно предшествовавшимъ ему тепловымъ ощущеніемъ. Въ случаяхъ болѣзни—и отъ другихъ органическихъ причинъ. Напримѣръ,—отъ лихорадки.

Подобное же бессознательное сравненіе мы найдемъ и въ сужденіяхъ: „темно, смеркается; холодно, шумно“... И въ нихъ выражается объективный фактъ познанія, вслѣдствіе сравненія ощущенія или воспріятія даннаго момента со сходнымъ по содержанію представленіемъ прошлаго опыта. И такъ во всѣхъ приведенныхъ и имъ подобныхъ элементарныхъ сужденіяхъ отмѣчается объективный фактъ дѣйствительности, познанный на основаніи сравненія двухъ однородныхъ душевныхъ переживаній. Одно изъ нихъ (воспріятіе) считается дѣйствіемъ въ данный моментъ внѣшнихъ предметовъ или причинъ (теплоты, свѣта, звуковъ или же отсутствіемъ ихъ); отъ него-то исходитъ судящій. Другое же (представленіе) воспроизводится, но съ сознаніемъ, что оно тоже отражало объективный фактъ, а именно фактъ прошлаго опыта (раньше испытанный холодъ, раньше воспріятыя звуки, тьму...) Слѣдовательно эти сужденія представляютъ собою настоящіе познавательные процессы относительно внѣшняго міра: 1) въ нихъ вслѣдствіе сравненія устанавливается отношеніе различія между двумя душевными переживаніями; 2) въ нихъ содержится сужденіе, что эти переживанія, вызваны вещами или причинами внѣшняго міра; эти сужденія предста-

¹⁾ Объясненіе этому дается въ моемъ учебникѣ логики 2-е изд. § 12; стран. 30.

вляють собою инстинктивное умозаключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ его, т. е. къ реальному предмету, или его качеству, или же къ опредѣленной силѣ, вызвавшей впечатлѣніе ¹⁾).

Безличныя предложенія нерѣдко выражаются одними существительными, къ которымъ нужно подразумѣвать глаголы, выражающіе бытіе. Такъ на примѣръ, въ сужденіяхъ: „Зарница!“ „Громъ!“ Русскимъ читателямъ достаточно извѣстно знаменитое лирическое стихотвореніе Фета, въ которомъ есть одни имена, и нѣтъ ни одного глагола, а именно: „Шопоть, робкое дыханье, трели соловья, серебро и колыханье соннаго ручья...“ И подобныя эллиптическія предложенія по формѣ можно отнести къ безличнымъ, хотя въ нихъ пропущены сказуемыя предложеній, легко подразумѣваемые. Съ логической и психологической точки зрѣнія они не отличаются отъ „настоящихъ безличныхъ“ предложеній Зигварта.

§ 10. Безличнымъ предложеніемъ выражается сужденіе.

Въ предыдущихъ параграфахъ мы раскрыли логическую сторону простѣйшихъ сужденій, которыми дается намъ познаніе дѣйствительности. Эти сужденія представляютъ собою простѣйшіе познавательные процессы, обусловленные непосредственнымъ воспріятіемъ дѣйствительности ²⁾. На нихъ лучше всего видна настоящая природа сужденія. Однако о ней философы до сихъ поръ еще несогласны между собою: въ зависимости отъ своего пониманія, они даютъ

¹⁾ Этого факта не знаютъ или не признаютъ иные философы, но здравый смыслъ даже у дѣтей отличаетъ свое впечатлѣніе отъ реальной вещи или причины, вызвавшей впечатлѣніе. Этотъ вопросъ обсуждается мною и въ моемъ критическомъ изслѣдованіи, озаглавленномъ „Новая Логика“. Харьковъ, 1911 г., гл. V, ст. 80—96 и гл. VIII, стр. 150—169. Подробный анализъ сужденій о реальности и причинности будетъ данъ ниже.

²⁾ Самыя воспріятія, какъ мы увидимъ, представляютъ собою гораздо болѣе сложныя познавательные процессы, чѣмъ разобранные нами сужденія. Въ воспріятіяхъ, кромѣ чисто чувственныхъ элементовъ, содержится по нѣскольку сужденій, о которыхъ мы рѣдко думаемъ; но психологическій анализъ обнаруживаетъ ихъ наличность съ явной очевидностью.

различныя опредѣленія сужденія; при этомъ ни одинъ болѣе выдающійся философъ не повторяетъ въ точности прежде даннаго опредѣленія, а даетъ новое, хотя бы въ подробностяхъ формулировки.

Уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что этотъ вопросъ еще далекъ отъ своего разрѣшенія и даже не выясненъ надлежащимъ образомъ. Не вдаваясь въ критику чужихъ опредѣленій, мы постараемся добыть таковое на основаніи вышеприведенныхъ анализовъ. Для примѣра возьмемъ сужденіе „тихо“. Уже грамматика отмѣтила въ немъ отсутствіе подлежащаго. То же нужно сказать объ этомъ сужденіи и съ логической точки зрѣнія,—по опредѣленіямъ сужденія, согласнымъ съ Аристотелемъ. Въ этомъ сужденіи нѣтъ на лицо предмета, о которомъ высказывается тишина, какъ его качество. Слѣдовательно, по данному опредѣленію, предложеніе „тихо“ нельзя признать за логическое сужденіе. Тѣмъ не менѣе и это безличное предложеніе и подобныя ему выражаютъ опредѣленную законченную мысль, которая лежитъ въ основаніи другихъ, болѣе сложныхъ познаній. Если бы не было въ нашемъ опытѣ этого сужденія и соотвѣтственнаго ему воспріятія, то мы не могли бы имѣть и другихъ знаній, болѣе сложныхъ и болѣе интересныхъ. Такъ напр., если меня удивляетъ тишина лѣтняго вечера, то это удивленіе заставляеть меня задуматься о его причинѣ: „Почему это такъ тихо? задаю я себѣ вопросъ. Видно, птички спятъ, и всѣ животныя спятъ, кромѣ совъ, летучихъ мышей... Однако, почему же не поютъ соловьи? Весною они пѣли ночью“. Подобное разсужденіе затрогиваетъ цѣлый рядъ біологическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ не такъ просто и легко. Отъ подобныхъ сужденій, сопровождающихъ наши воспріятія, начинаются познанія каждаго человѣка ¹⁾. Слѣдовательно теорія познанія, или гносеологія ихъ никакъ не должна игнорировать. Если же въ нихъ заключается знаніе, если въ нихъ можетъ быть

¹⁾ Что наши знанія начинаются съ опыта, т. е. съ впечатлѣній и внутреннихъ переживаній, это признается почти всѣми философами; однако не только традиціонная логика, но и гносеологическія изслѣдованія современныхъ философовъ ограничиваются разсмотрѣніемъ сужденій, которыя уже предполагаютъ очень обширный опытъ, предшествовавшій образованію этихъ сужденій.

на лицо истина или ложь, то и по толкованію Аристотеля, данному имъ въ разныхъ мѣстахъ его метафизики, подобныя предложенія нужно считать сужденіями. Но въ такомъ случаѣ ни они, ни ихъ составныя части не подѣйдутъ подъ вышеприведенныя опредѣленія Аристотеля; еще менѣе они подѣйдутъ подъ другія опредѣленія нѣмецкихъ философовъ. Такъ напр., Вундтъ считаетъ сужденіе „расчлененіемъ мысли на ея составныя части“ (*Gliederung eines Gedankens in seine Bestandteile*)¹). По мнѣнію Вундта, „первичная форма процесса сужденія (*des Urteilens*), безъ сомнѣнія,— та, что дѣйствительное предметное понятіе (*ein wirklicher Gegenstandsbegriff*), которому иногда еще приписывается какъ атрибутъ опредѣленное качество, выступаетъ какъ субъектъ, а предикатомъ описывается (*schildert*) какое-нибудь дѣйствіе (*ein Geschehen*) или же преходящее состояніе (*vorübergehender Zustand*)“. Очевидно, что вышеприведенныя безличныя предложенія съ точки зрѣнія Вундта, не должны считаться сужденіями, такъ какъ въ нихъ не имѣется на лицо „предметнаго понятія“ въ видѣ субъекта.

На самомъ дѣлѣ, эти предложенія должно признать выраженіемъ сужденій, если мы не хотимъ отвергнуть опытъ, какъ первичный источникъ познанія. И въ безличныхъ сужденіяхъ имѣются три составныхъ части, хотя онѣ не сознаются отчетливо, хотя ихъ до сихъ поръ не удалось раскрыть философамъ.

§ 11. Опредѣленіе сужденія.

Во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ сужденій, а также и во всѣхъ другихъ, подобныхъ имъ, имѣется на лицо два сравниваемыхъ однородныхъ по содержанию переживанія познавательныхъ актовъ; а результатомъ сравненія является самое сужденіе. Къ этому толкованію сужденія ближе всего подходятъ французскіе философы, которые въ сужденіи видятъ установленіе (или воспріятіе) отношенія, находимаго между двумя вещами или идеями²). Въ этомъ опредѣленіи вѣрно схваченъ существенный и ха-

¹) *Wundt, Grundriss der Psychologie, 5 Aufl. S. 321.*

²) Подобное воззрѣніе на сужденіе, насколько это мнѣ извѣстно, впервые высказали *Черберн* и *Мальбраншъ*; его повторяли съ незна-

рактерный признакъ сужденія, который состоитъ въ устанавливаніи или воспріятіи отношенія¹⁾, но недостаточно точно обозначены части сужденія, между которыми устанавливается, или воспринимается мыслящимъ самое отношеніе: къ нашимъ безличнымъ сужденіямъ означенное опредѣленіе не примѣнимо. Въ сужденіи „тихо“ у насъ не имѣется на лицо ни двухъ сравниваемыхъ вещей, ни двухъ идей. Въ этомъ сужденіи сравниваются два переживанія познавательныхъ процессовъ, но въ нихъ участвуютъ многіе и различные элементы и способности ума, какъ это будетъ показано въ слѣдующей главѣ въ параграфѣ первомъ.

Принимая во вниманіе приведенные анализы и исправляя указанные выше неточности, мы можемъ дать слѣдующее опредѣленіе сужденія. Сужденіе есть цѣльный и законченный познавательный актъ, въ которомъ сознательно²⁾ устанавливается или воспринимается опредѣленное отношеніе между двумя переживаніями—однимъ, даннымъ въ началѣ процесса, отъ котораго исходитъ судящій, и другимъ, приносимымъ изъ прошлаго опыта судящаго³⁾.

Въ понятіи „законченный познавательный актъ“ уже заключаются признаки познанія, а именно—наличность „познающаго“ и познаваемаго“. Подъ „познающимъ въ

чительными варіаціями французы: *Боннэ, Робинэ, Кондильякъ, Ларомигьеръ, Дэстю-дэ-Траси*, а изъ новѣйшихъ—*Раббе, Ренувье, Поланъ, Клапарэдъ, Бергсонъ*, (*Evolution creatrice*, pag. 385). Такіе же взгляды съ незначительными измѣненіями высказывались и нѣмцами: *Тетенсомъ, Платнеромъ, Кизеветтеромъ, Шопенгауэромъ, Р. Циммерманомъ*; а въ новѣйшее время: *Дюрингомъ, Лотце, Ф. Краузе, М. Кауфманомъ, Шубертъ-Зольдерномъ* и *Виндельбандомъ*. Почти то же признаютъ и англичане: *Джонъ Аберкромби, Сэръ В. Гамильтонъ, Ст. Джевоусъ*. *Ср. Eisler, Wörterb. d. pihlos. Bgriffe, Berlin 1810, S. 1610—1620.*

1) Понятіе „отношеніе“ здѣсь взято въ самомъ широкомъ смыслѣ: въ немъ подразумѣваются отношенія: времени, пространства; причинности, сходства и т. д.

2) Слово „сознательно“ здѣсь употреблено въ узкомъ значеніи, см. § 14.

3) Многіе логики считаютъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ сужденія и сознание его объективной истинности (*objective Gültigkeit*). Какъ мы увидимъ, это мнѣніе не основательно: иначе, сужденія проблематическія и отрицательныя пришлось бы не считать сужденіями.

нашемъ изслѣдованіи подразумѣвается „сознательно мыслящій человѣкъ“; подъ „познаваемымъ“—предметъ, или его признакъ—дѣйствіе, качество, состояніе. Въ свою очередь, предметъ познанія можетъ принадлежать или внѣшней природѣ, или же къ области духа. Познанія духа, какъ мы увидимъ, добываются, главнымъ образомъ, черезъ самонаблюденіе, отъ котораго исходитъ внутренній опытъ.

Къ сравниваемымъ двумъ переживаніямъ, входящимъ въ сужденіе, совершенно не подходятъ традиціонные термины „субъектъ“ и „предикатъ“, какъ мы это видѣли на безличныхъ сужденіяхъ. По моему, вмѣсто „субъектъ“ лучше употреблять названіе „данный терминъ“, а вмѣсто „предикатъ“—„привходящій терминъ“; подъ послѣднимъ нужно разумѣть представленіе или понятіе, съ которымъ дѣлается сравненіе и устанавливается отношеніе; воспріятіе и ощущеніе не можетъ быть „привходящимъ“ (предикатомъ). Самое отношеніе между терминами обозначается связкой. Эти три части сужденія должно отличать при логическомъ анализѣ сужденія.

§ 12. Сужденія творческія и воспроизведенныя.

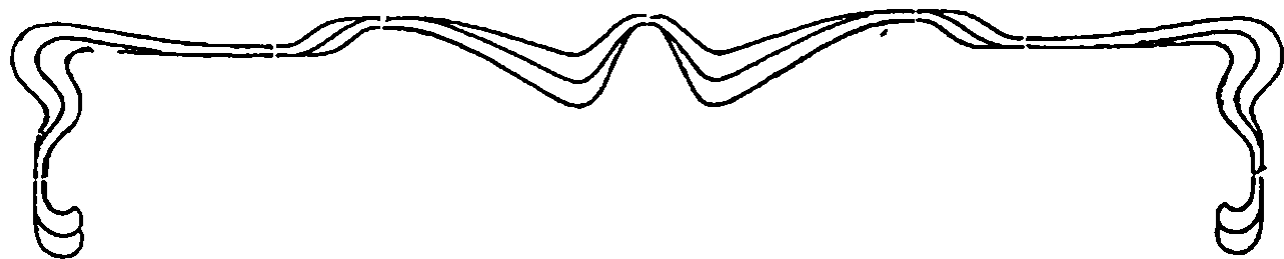
Въ предыдущемъ параграфѣ мы опредѣлили сужденіе, какъ „познавательный актъ, въ которомъ сознательно устанавливается или воспринимается опредѣленное отношеніе между двумя переживаніями...“ Отмѣченными двумя глаголами указывается на двоякій способъ возникновенія сужденія: выдвигаемое сознаніемъ на первый планъ отношеніе можетъ быть установлено мыслящимъ *впервые*; тогда этотъ актъ познанія оказывается творческимъ актомъ мыслящаго. Такъ, предположимъ, я впервые вижу новую картину на выставкѣ „передвижниковъ“ и оцѣниваю ее съ эстетической стороны, высказывая свое сужденіе „прекрасно!“. Сперва я оцѣниваю только исполненіе; потомъ я вникаю въ замыселъ, въ содержаніе картины, въ ея композицію и высказываю обо *всемъ* свое сужденіе, говоря: „эта картина—прекрасна“—подразумѣвается „во всѣхъ отношеніяхъ“. Это сужденіе, очевидно, родилось во мнѣ подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ новой картины и представляетъ собой живой,

творческій актъ сужденія, который впервые возникъ въ моей душѣ въ данный моментъ. Не то будетъ, если я потомъ, обращаясь къ своему сыну, который затрудняется въ оцѣнкѣ этой картины, скажу: „это—прекрасная картина“ (или „эта картина—прекрасна“). Тутъ я воспроизвелъ сужденіе, сдѣланное мною раньше. Съ психологической точки зрѣнія эти два сужденія сильно отличаются другъ отъ друга. Последнее мы назовемъ „воспроизведеннымъ“, а первое—„творческимъ“.

Творческое сужденіе можетъ быть плодомъ весьма сложнаго и продолжительнаго процесса: оно можетъ подготавливаться годами и десятками лѣтъ, какъ наиримѣръ, сужденіе Коперника „земля вращается“. Воспроизведенное сужденіе есть дѣло момента: въ немъ мыслится только содержаніе сужденія и не сознается то, чѣмъ это сужденіе было обусловлено и вызвано.

Въ объективномъ познаніи и въ логикѣ мы имѣемъ дѣло исключительно съ воспроизведенными сужденіями: дѣло въ томъ, что даже совершенно новая мысль, которая впервые сообщается ученымъ специалистомъ, передается имъ уже послѣ ея повѣрки и послѣ неоднократнаго ея обдумыванія и повторенія. И читатель, впервые воспринимающій эту новую истину, не творитъ самъ того сужденія, которымъ передается эта новая истина: не онъ устанавливаетъ то новое отношеніе между двумя терминами сужденія, которое передается авторомъ; читатель только воспринимаетъ то отношеніе, которое было найдено и установлено другимъ, т. е. авторомъ. По содержанію мыслительный процессъ читателя не отличается существенно отъ мыслительнаго процесса автора, если послѣдній ясно и точно сформулировалъ свою мысль. Воспринятая чужая мысль, хотя она и можетъ быть новой, т. е. впервые возникшей въ сознаніи слушателя или читателя, во всякомъ случаѣ, относится къ сужденіямъ воспроизведеннымъ, а не творческимъ. Для психолога это различіе важно; въ логикѣ оно можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только для опредѣленія терминовъ сужденія.

Такъ, въ моемъ сужденіи, переданномъ сыну „это—прекрасная картина“ слово „это“, обозначающее воспріятіе реального предмета, есть данный терминъ (субъектъ) сужденія; а „прекрасная картина“ есть приходящій терминъ (пре-

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛІИ.

Антиохійская школа была той материнской почвой, на которой возросъ Златоустъ (р. около 347 г., † 407), *какъ экзегетъ*. Въ лицѣ этого удивительнаго по своимъ дарованіямъ ученика Діодора Тарсійскаго, школа эта приобрѣла для себя самую блестящую жемчужину.

Говоря о Златоустѣ, какъ представителѣ антиохійской школы, не должно, однако, забывать *тѣсной ея связи съ Оригеномъ*. Для современной эпохи этотъ великій александріецъ былъ какъ бы сборнымъ пунктомъ различныхъ направленій, первоисточникомъ новыхъ развитій богословской мысли. Изъ богатѣйшей сокровищницы его разносторонне образованнаго духа, изъ сокровищницы его твореній, плодовъ колоссальной его учености, постоянно и съ успѣхомъ черпали для себя вдохновеніе многочисленные представители различныхъ школъ вообще и антиохійской въ частности. Въ виду громаднаго наслѣдства, оставленнаго Оригеномъ, почти не представляется возможнымъ разграничить, раздѣлить тѣ направленія, которыя въ Оригенѣ были еще неразрывно соединены, стояли одно возлѣ другого. Еще мало опредѣлившіяся, внутренне еще примиренныя, направленія эти объединялись въ могучемъ духѣ Оригена...

Внутренне связанная съ Оригеномъ, школа антиохійская съ теченіемъ времени стала развиваться, *какъ естественная и ярко выраженная реакція* александрійскому аллегоризму. Школа александрійская, какъ извѣстно, изслѣдовала и объясняла Слово Божіе путемъ спекулятивнымъ. Простое историческое изслѣдованіе, буквальное пониманіе Св.

Писанія не удовлетворяли александрійцевъ. Все чувственное, плотское, буквальное представлялось имъ только покрываломъ высшаго, идейнаго, въ глубинѣ Писанія лежащаго содержанія. Отсюда проистекало и ученіе о многообразіи смысла въ Библии, полное познаніе котораго—доступно только истинному гностику. Не безъ основанія пытаются найти здѣсь, хотя и косвенное вліяніе на александрійцевъ ученія о Богѣ платонизма и неоплатонизма, почти совершенно удалявшихъ изъ жизни міра отдѣленное въ метафизическое величіе Божество,—вліяніе такого ученія, съ точки зрѣнія котораго не могло быть и рѣчи объ истинномъ объединеніи чувственного, матеріальнаго съ идеальнымъ, божественнымъ... Своими мыслями о различіи въ Св. Писаніи лежащаго на поверхности, доступнаго для обыкновеннаго пониманія смысла отъ глубокаго и сокровеннаго Оригенъ, можно сказать, создалъ эпоху въ исторіи ученій о боговдохновенности Библии и въ частности объ отношеніи божественнаго фактора къ человѣческому ¹⁾. Простой фактъ, историческое событіе были для Оригена только тѣломъ Писанія ²⁾. По аналогіи трехъ частей человѣка: тѣла, души и духа онъ различалъ и въ Библии троякій смыслъ (ср. Притч. XXII, 20) ³⁾. Если смыслъ тѣлесный (*sensus corporalis*) иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія отсутствуетъ, то высшій, духовный смыслъ всегда былъ на лицо ⁴⁾. Однако, Оригенъ выразительно предупреждаетъ упрекъ, будто онъ налагаетъ руку, уничтожаетъ историческую истину: для него такая истина только не есть предметъ главный ⁵⁾. Экзегетъ, котораго не безъ основанія почитаютъ „за отца научнаго изслѣдованія Библии“, всегда обнаруживалъ достойное уваженія стремленіе изслѣдовать и историческій смыслъ, что онъ и могъ достигнуть, благодаря своему всеобъемлющему образованію и богатству историческихъ познаній. Но, безъ сомнѣнія, догматико-спекуля-

¹⁾ Справ. Guerike. H. E. J. De schola quae Alexandriae floruit catechetica. Halis Sax. 1825. 8°; II, 50. 176.

²⁾ De principiis IV, 14.

³⁾ Ibidem IV, 11.

⁴⁾ Ibidem IV, 12. 19.

⁵⁾ На это достаточно доказательствъ у Redepenning'a въ его замѣчательномъ изслѣдованіи: „Origenes. Eine Darstellung seines Lebens und seiner Lehre“ Bonn. 1841—1846. 2. Bde. 8°.

тивные интересы были у него господствующими, такъ что человѣческая и божественная стороны Св. Писанія не находились у него въ гармоническомъ посредствѣ, а скорѣе историческая, человѣческая сторона была только покрываломъ, или скорлупой. Оригену недоставало даже обстоятельнаго знанія ветхозавѣтныхъ идиомовъ, чтобы съ необходимою остротою и ясностью раскрывать смыслъ историческій. Какъ чрезъ аллегоризированіе и пренебреженіе смысла буквального (*sensus litteralis*) самъ Оригенъ дошелъ до хилиазма въ божественномъ Откровеніи ¹⁾, такъ между учениками и друзьями его были многіе, которые, идя далѣе по этому пути, открывали двери и ворота субъективному произволу чрезъ отбрасываніе смысла историческаго и на скользкомъ пути аллегорическаго истолкованія презрѣли всѣ законы языка и безпристрастной критики. Опасность такой односторонности была столь же велика, какъ соблазнительна была возможность дѣлать изъ св. текста Библии все, что угодно, и примѣнять его ко всякому возможному доказательству. Неудивительно, что, въ діаметральную противоположность этому, образовалась сильная реакція, которая пыталась уничтожить всякій видъ аллегоріи, выставляла буквальное истолкованіе, какъ единственно правильное ²⁾. Достопримѣчательный споръ, который велъ великій ученикъ Оригена Діонисій александрійскій съ епископомъ Непотомъ, является доказательствомъ, что въ столкновеніяхъ между двумя противоположными точками зрѣнія не было недостатка ³⁾. Послѣдствіемъ было то, что были признаны крайности и ошибки обоихъ расходящихся направленій, была признана необходимость отыскать средину между ними чрезъ понятіе такого принципа, по которому прежде всего должны быть соблюдены права историко-буквальнаго смысла, такъ чтобы не было отвергнуто и

¹⁾ De principiis II, 11, 2; 6.

²⁾ Справ. у Sieffert'a Theod. Mops. Vet. Testam. sobrie interpretandi vindex. Dissertat. 1827; p. 14: „Multi... allegoricum studium propterea potissimum tenentes, quod in controversiis theologicis omnes sententias Scripturae 5. auctoritate munire potuerunt“; pag. 40: „Duplici vitio laborarunt interpretes Scripturae 5. alteri allegoricum interpretandi genus professi sunt, alteri literalem sensum solum tenuerunt“.

³⁾ Ср. объ этомъ сообщенія Евсевія кесарійскаго въ *Histor. eccles.* VII, 24; подробнѣе у Th. Foerster'a въ его „De doctrina et sententiis Dionysii M. ep. Alex. Dissertat. inang. Berol. 1865; 80; 33.

право на существованіе у пониманія аллегорическаго. Школа антиохійская и явилась лучшей выразительницей реакціи противъ доведеннаго до излишества въ Александріи идеализма какъ въ области религіозно-філософской, такъ и въ области собственно экзегетической.

Всей вообще школѣ свойственна—*борьба противъ крайняго аллегоризированія слова Божія*, противъ того истолковательнаго метода, который, вслѣдствіе неразумнаго рвенія его представителей, превращалъ, напр., Ветхій Заветъ въ одну непрерывную аллегорію, въ книгу, полную однѣхъ тайнъ и загадокъ ¹⁾. Какъ въ хринологіи антиохійская школа стремилась изобразить во всей ея реальности человѣческую природу Христа, такъ въ отношеніи къ св. Библии старалась изучить человѣческую сторону ея боговдохновенности. Критическіе опыты и труды Оригена нашли въ антиохійской школѣ дальнѣйшее развитіе. Она избрала путь простаго, осторожнаго, безпристрастнаго изслѣдованія Библии, стремленіе къ критическому анализу, къ расчлененію св. текста, отвращеніе отъ пути беспочвенной спекуляціи. Основной смыслъ Св. Писанія, находящійся во всѣхъ его мѣстахъ, это—смыслъ буквальный, хотя на ряду съ нимъ въ лицахъ и предметахъ выражается смыслъ, высшій, мистическій ²⁾. Но этотъ таинственный смыслъ находится не во всѣхъ мѣстахъ Библии: Богъ вообще говоритъ въ Св. Писаніи къ людямъ въ такой формѣ, которая не отличается отъ обычнаго способа человѣческой рѣчи.

Уже *Діодоръ тарсійскій* выдвигалъ на первое мѣсто элементъ общепонятнаго и простаго изслѣдованія Библии, котораго недоставало Оригену. Въ своемъ стремленіи раскрыть чистый историко-грамматическій смыслъ Св. Писанія, онъ со всею рѣшительностью выставлялъ законы языка и историческія условія, какъ самые надежныя и вѣрныя факторы въ пониманіи св. книгъ ³⁾. Какъ значительно было вліяніе Діодора, съ какою энергіею его основоположенія

¹⁾ Срав. Kihn'a. H. Die Schulen von Antiochia, Edessa, und Nisibis. Weizenburg. 1865--1867; 111.

²⁾ Ср. его же. Theodor von Mopsuestia. Freiburg. 1880. 128. 129.

³⁾ Socrates. Hist. eccl. VI, 3. Срав. A. Neander. Der heilige Joh. Chrysostomus und die Kirche, besonders des Orients, in dessen Leitalter. Berlin. Aufl. III. 1858; Band I, 29.

проводились въ жизнь, свидѣтельствуютъ экзегетическія труды *Теодора мопсуестскаго*, бывшаго его ученикомъ. Теодоръ не только стремился дать научное обоснованіе антиохійскому способу пониманія Св. Писанія, но довелъ его до крайности, діаметрально противоположной методу оригенистовъ. Какъ односторонній идеализмъ оригенистовъ привелъ къ искаженію содержанія Св. Писанія, такъ привязанность къ простому пониманію, къ мертвой буквѣ ввергла Теодора въ пропасть рачіонализма. Истинную, золотую середину между грубо чувственнымъ, буквальнымъ пониманіемъ іуданствова, антропоморфистовъ, рачіоналистовъ, съ одной стороны, и аллегоріей эллинистовъ, оригенистовъ и гностиковъ, съ другой, нашелъ именно самый блестящій изъ антиохійцевъ: Златоустъ.

Самыя духовныя способности и склонности Іоанна соотвѣтствовали такой его *примирительной роли*. Свойственныя ему духу осмотрительность, благоразуміе, любовь къ строгому разграниченію человѣческаго и божескаго, стремленіе къ сохраненію человѣческаго въ его самостоятельности и правахъ,—все это предрасполагало его къ такому отношенію къ Библии, при которомъ тщательно разграничивались, обозначались божескій и человѣческій факторы боговдохновенности. Сходясь съ антиохійскимъ экзегесисомъ въ основныхъ его положеніяхъ, Іоаннъ Златоустъ многое въ немъ видоизмѣнилъ и смягчилъ ¹⁾. Теодоръ мопсуестскій, комментаріи котораго носятъ преимущественно ученый характеръ и обязаны своимъ происхожденіемъ не столько практической, сколько научной потребности, примѣняетъ свои экзегетическія основоположенія со всею остротою. Златоустъ, напротивъ, въ своихъ истолкованіяхъ стремится удовлетворить извѣстной потребности общества, предлагаетъ своимъ слушателямъ христіанское знаніе и потому не впадаетъ въ крайности своего школьнаго товарища. Правда, онъ соприкасается съ Теодоромъ въ критико-грамматическомъ изслѣдованіи Св. Писанія и выставляетъ на первое мѣсто дословный его смыслъ. Но, какъ проповѣд-

¹⁾ Справ. Fr. Böhringer. Die Kirche Christi und ihre Leugen oder die Kirchengeschichte in Biographien. B. I, Abth 4; 5. 142. Lürich. 1846.

пикъ, онъ оттѣнялъ въ Св. Писаніи главнымъ образомъ то, что дѣйствовало, вліяло на чувствованія людей. Наконецъ, въ самомъ духѣ Златоуста критико-рефлектирующая способность дѣйствовала всегда въ связи и параллельно способности созерцательной, устремленной на внутреннее пониманіе спасительной истины. Совершенно естественно, что Златоустъ не могъ удовлетвориться простымъ, дословнымъ смысломъ. Онъ психологически и этически оправдывалъ права на существованіе смысла высшаго, а не относился къ аллегорическому пониманію съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ Феодора мопсуестскаго.

Какъ экзегетъ, Златоустъ не блещетъ оригинальностью, подобно Феодору. Зато несравненно превосходитъ его *опредѣленностью и ясностью взглядовъ, точностью и строгостью логики, практическимъ умомъ и мудростью*. Въ дивной гармоніи соединены въ комментаріяхъ великаго вселенскаго учителя наука и жизнь, теорія и практика, разумъ и чувство. Іоаннъ Златоустъ не былъ столь ученъ, какъ блаженный Іеронимъ, не имѣлъ столь сильной симпатіи къ таинственнымъ глубинамъ Библии, какъ Оригенъ, не былъ столь глубокимъ богословомъ, какъ Аѳанасій Великій, Григорій Назіанзенъ, блаженный Августинъ, не былъ, пожалуй, и такимъ текстуальнымъ критикомъ, какъ Юлій Африканъ. Но превосходное краснорѣчіе, изящная ученость, здравый смыслъ, основательное знакомство съ цѣлымъ организмомъ св. Библии, искусное пользование смысломъ буквальнымъ болѣе какъ руководствомъ поведенія, чѣмъ полемъ для метафизическихъ спекуляцій,—всѣ такого рода свойства обуславливали для Златоуста превосходство надъ прочими экзегетами. Великій святитель ставилъ для себя идеаломъ св. апостола Павла, хотя горячая ревность и пламенная любовь скорѣе уподобляютъ его ап. Іоанну, а въ своихъ практическихъ стремленіяхъ онъ напоминаетъ ап. Іакова. Слишкомъ занятый, онъ не имѣлъ, повидимому, возможности ознакомиться съ еврейскимъ языкомъ и потому въ комментаріяхъ своихъ зависитъ главнымъ образомъ отъ LXX-ти, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводя Феодотіона, Симмаха, Акилу, безъ указанія ихъ именъ. Не всегда Златоустъ обнаруживаетъ и точное, критическое изслѣдованіе грамматическихъ особенностей рѣчи греческаго текста, несмотря на то, что самъ вла-

дѣветъ ею съ такимъ поразительнымъ искусствомъ. Связанный традиціоннымъ истолкованіемъ и пониманіемъ, которыя уже успѣли проникнуть во многія мѣста Библии, Златоустъ, однако, былъ чуждъ крайняго догматизма. Признавая аллегорію въ теоріи, онъ на практикѣ никогда не выходитъ изъ границъ умѣренности, не вдается въ область беспочвеннаго фантазирования. Мужественная высоко нравственная его природа, воспитанная въ жизни труда и борьбы, благородная внушительная его индивидуальность, блестящій ораторскій талантъ, обыкновеніе изслѣдовать то или другое мѣсто Библии, какъ самостоятельное цѣлое, общее правило извлеченія мысли изъ св. текста, но не введенія ея въ текстъ, изысканно гепіальная симпатія и откровенное признаніе кромѣ божественнаго и человѣческаго элемента въ св. книгахъ, выразительное указаніе вліянія личности св. писателя на составленіе св. книги,—все это съ поразительною гармоніей, съ необыкновенною красотою соединилось въ истолкованіяхъ св. Златоуста. Въ отличіе отъ Амвросія медіоланскаго, Златоустъ хочетъ видѣть христіанство господствующимъ главнымъ образомъ въ индивидуальныхъ сердцахъ, а потому съ большою пастойчивостью доказываетъ всю важность изученія боговдохновенныхъ книгъ для личнаго просвѣщенія, для личной духовной жизни людей. Нерѣдко Златоустъ усвоетъ слову Божію и смыслъ мистическій, хотя въ извѣстныхъ границахъ, съ должною умѣренностью. Онъ пользуется и теоріей аккоммодации, но не злоупотребляетъ ею. Разсужденія Златоуста о различіяхъ, о разногласіяхъ между боговдохновенными писателями дали ему полное право на титулъ „основателя гармонистики“. Но высшая заслуга Златоуста, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ необыкновенномъ искусствѣ, съ которымъ онъ раскрываетъ буквальный смыслъ слова Божія чрезъ изученіе самаго контекста рѣчи, чрезъ вниманіе къ особенностямъ стиля того или другого писателя. Златоустъ учитъ, что большая часть св. Писанія ясна, вразумительна, что для пониманія его нужны только добрая воля, даръ мудрости и помощь Духа Святаго.

Таково—мѣсто Златоуста, какъ экзегета, въ ряду другихъ истолкователей Св. Писанія вообще и представителей антїохійскаго экзегесиса въ частности.

Собственно ученіе Златоуста о боговдохновенности св.

Библіи соотвѣтствуетъ особенностямъ его, какъ экзегета. Лучшій и самый умѣренный изъ учениковъ Антиохіи Златоустъ—*одинаково чуждъ какъ чрезмѣрной переоцѣнки божественнаго вліянія на составленіе св. книгъ—александрійцевъ,* такъ равно и *раціоналистическаго ограниченія* его у крайнихъ антиохійцевъ. Въ ученіяхъ о боговдохновенности Библіи у Климента александрійскаго, Оригена и др. отпечатлѣвается общее спекулятивно-мистическое направленіе ихъ мышленія, свойственный имъ, какъ александрійцамъ, возвышенный идеализмъ. У Златоуста, напротивъ, преобладаютъ логикорефлектирующее направленіе, трезвый реализмъ. Оригенъ преимущественно настаиваетъ на неизреченномъ, божественномъ величій, на сверхъестественномъ происхожденіи Библіи. Священное Писаніе для Оригена—это неизмѣримое, безграничное море тайнъ. Чрезъ всѣ части Св. Писанія разлита—полнота божественнаго величія, божественной премудрости, которыя простираются до случайныхъ буквъ св. текста. Златоустъ, напротивъ, главнымъ образомъ говоритъ объ антропологическомъ характерѣ Св. Писанія, о соотвѣтствіи его съ разумомъ. Библія для Златоуста представляется книгой, написанной для людей и по-человѣчески, приспособленной къ потребностямъ извѣстнаго времени и мѣста, составленной подъ сильнымъ вліяніемъ внѣшнихъ, историческихъ условій. Оригенъ, въ противоположность дуалистической теоріи гностиковъ касательно происхожденія св. письменности, нерѣдко впадаетъ въ крайность противоположную, когда утверждаетъ не только единство происхожденія св. книгъ обоихъ завѣтовъ, но и безразличное тождество ихъ въ отношеніи авторитета. Златоустъ, конечно, вполне сходится съ Оригеномъ въ ученіи о Богѣ—Творцѣ міра, какъ единомъ Авторѣ обоихъ завѣтовъ; зато съ большею рѣшительностью учитъ о различіи завѣтовъ по степени авторитета, о превосходствѣ Новаго Завѣта надъ Ветхимъ. Оригенъ, какъ чловѣкъ идеалистическаго міросозерцанія, рассматриваетъ Св. Писаніе главнымъ образомъ какъ цѣлостный, идейный, боговдохновенный организмъ. Златоустъ—реалистъ и потому главное вниманіе устремляетъ на частныя изреченія боговдохновенныхъ писателей. Подъ вліяніемъ трихотоміи Платона, всецѣло господствовавшей въ истолкованіи Библіи у Филона, Оригенъ различаетъ въ Св. Писаніи тройственный смыслъ:

буквальный, нравственный и пневматическій. Сама по себѣ буква для него — пуста, безсодержательна, содержитъ много противорѣчиваго, невозможнаго, подающаго поводъ къ заблужденіямъ. Историко-грамматическія изслѣдованія св. текста служатъ Оригену только предварительными условіями, необходимыми средствами для отысканія въ буквахъ, словахъ, предложеніяхъ высшаго, идейнаго содержанія, для отысканія высшаго, пневматическаго смысла, какъ самой лучшей и благороднѣйшей части организма слова Божія. При такой точкѣ зрѣнія экзегесисъ у Оригена превращался иногда въ чисто субъективное выраженіе предвзятыхъ мыслей самого составителя. Иначе опредѣляетъ существо боговдохновенности, въ отношеніи къ пониманію слова Божія, Златоустъ. Подлинный смыслъ Писанія—это буквальный, фактический. Онъ содержится или въ собственномъ, или въ образномъ значеніи словъ св. текста. Иногда, конечно, образный смыслъ называется у Златоуста мистическимъ, вслѣдствіе, вѣроятно, его прикровенности и трудности для пониманія. Но прежде всего, однако, каждому слову, каждому изреченію Библии нашъ истолкователь усвоитъ значеніе буквальное, смыслъ дословный. Благодаря изслѣдованію св. текста по правиламъ грамматики и логики экзегесисъ Златоуста получалъ для себя твердыя, объективныя основанія. Оригенъ и Златоустъ, наконецъ, сходятся въ признаніи непогрѣшимости Св. Писанія, исключаяющей всякія несогласія и противорѣчія. Но доказательства этой непогрѣшимости у того и у другого—различны. Александріецъ ищетъ оправданія кажущихся противорѣчій въ боговдохновенныхъ писаніяхъ путемъ аллегорическаго истолкованія относящихся сюда мѣстъ. Златоустъ, напротивъ, строго держится на почвѣ буквы и довольно успѣшно доказываетъ, что противорѣчія въ Библии—только кажущіяся, внѣшнія, недѣйствительныя. Въ разногласіяхъ евангелистовъ Златоустъ даже видитъ прекрасное доказательство достовѣрности ихъ: различіе въ мелочахъ блистательно говоритъ въ пользу писавшихъ, освобождая ихъ отъ подозрѣнія въ предварительномъ соглашеніи, въ предварительномъ уговорѣ.

Свободный отъ крайностей александрійской теоріи боговдохновенности Библии, Златоустъ счастливо *избѣгаетъ и ошибокъ* односторонне разсудочнаго направленія нѣкоторыхъ

антіохійцевъ. Извѣстно, что Теодоръ мопсуестскій пришелъ къ довольно свободнымъ взглядамъ касательно содержанія и авторитета ветхозавѣтныхъ писаній. Если Оригенъ всюду ищетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ только идеальнаго содержанія и, такъ сказать, переноситъ тайны Новаго Завѣта—въ Ветхій, то епископъ мопсуестскій находитъ въ ветхозавѣтныхъ книгахъ только содержаніе историческое и совершенно обезцѣниваетъ типическое значеніе ихъ для новозавѣтнаго домостроительства. Между тѣмъ, какъ Оригенъ даже въ мѣстахъ историческихъ находитъ смыслъ только мистическій и часто впадаетъ въ произволь allegоризированія, Теодоръ злоупотребляетъ истолкованіемъ историко-грамматическимъ, такъ какъ въ мессіанскихъ и типическихъ текстахъ опредѣляетъ только историческое значеніе. Раціоналистическая критика библіи и отверженіе каноническаго достоинства нѣкоторыхъ изъ боговдохновенныхъ книгъ были послѣдствіями заблужденій епископа мопсуестскаго. Златоустъ—свободенъ отъ ошибокъ такого рода. Убѣжденный сторонникъ собственнаго, буквального пониманія св. Писанія, Златоустъ однако, имъ не ограничивается. „Иное въ Писаніи, учитъ онъ, должно понимать такъ, какъ сказано, а иное—въ смыслѣ переносномъ... а иное нужно принимать въ смыслѣ двоякомъ: чувственномъ и духовномъ“¹⁾. Ясное, православное истолкованіе св. Писанія, благоговѣніе къ его св. тексту, положительное отношеніе къ церковному канону—таковы были послѣдствія широты взглядовъ великаго святителя на пониманіе слова Божія.

I.

Боговдохновенность обыкновенно служитъ для Златоуста необходимою, апріористическою точкою отправленія для всякаго практическаго изслѣдованія св. текста Библіи.

Св. Писаніе, для него есть Писаніе „*κατ' ἐξουχήν*“, Писаніе божественное²⁾. Въ немъ содержится божественная филосо-

¹⁾ Срав. *expositio in psalmum XLVI* (Migne *Patrol curs. compl. Pars graeca*. T. LV, 209.

²⁾ *Contra anomoeos de incomprehensibili*. Hom. II, 6 (M. XLVIII, 717) и мног. друг.

фія, предложена неизреченная божественная иѣсьнь¹⁾ роса (Св. Духа²⁾). Въ св. книгахъ дарованы людямъ писмена, нисшедшія съ неба³⁾, божественныя мысли⁴⁾, божественныя слова, изреченія, опредѣленія⁵⁾, глаголы высочайшаго Царя⁶⁾. Какъ происшедшія чрезъ божественное вдохновеніе, св. писанія суть слова Св. Духа, законы Духа⁷⁾, писанія духовныя *тὰ πνευματικά*⁸⁾.

Св. писатели представляются у Златоуста живыми одушевленными орудіями Духа Божія. Чрезъ св. писателей бесѣдуетъ съ людьми Самъ Богъ⁹⁾, вѣщаетъ Духъ Святой¹⁰⁾. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Духъ говоритъ устами пророковъ¹¹⁾, такъ въ Новомъ-апостола не говорятъ намъ ничего человѣческаго, но все изъ глубины Духа¹²⁾. Мысли, выражаемыя боговдохновенными писателями въ св. книгахъ, суть мысли Самого Бога¹³⁾. Также и ихъ изреченія суть произведенія не человѣческаго ума, размышленія и сочиненія, но божественной благодати¹⁴⁾. Самъ Господь какъ бы соприсутствуетъ св. писателямъ, говоритъ ихъ словами. Такъ объ ап. Павлѣ Златоустъ выражается: „Если хочешь, будешь имѣть у себя Самого Владыку Павла, такъ какъ Онъ будетъ бесѣдовать, съ тобою языкомъ Павла“¹⁵⁾. Подобную мысль выражаетъ Златоустъ и касательно евангелистовъ. Мы не только видимъ Христа, предлагаемаго въ таинствѣ евхаристіи, но слышимъ и Его голосъ, такъ какъ Онъ, говоритъ, чрезъ евангели-

1) De mutatione nominum; IV°; I (M. LI, 145); expos. in psalm XLVIII, 1, (M. LV, 513).

2) De utilitate lectionis scripturarum (M. LI, 38).

3) Adversus oppugnatores eorum, qui in monasticam vitam inducunt (M. XLVII, 362).

4) Expos. in psalm. XLVIII, 1 (M. LV, 499).

5) Homiliae in cap. II, Senesl; XV°, I; XVI°, 3 (M. LIII, 119, 121, 129); interpretat. in Isaiam prophetam; cap. I (M. LXI, 13).

6) M. LI 41.

7) M. LI, 41. homil. in Joann. III, 1 (LIX, 38).

8) Expos. in psalm. XLI (M. LV, 156).

9) См. Migne, LI, 90.

10) Homil. contra anomaeos: IV°, 4, (M. XLVIII, 732).

11) Hom. XV, 2 in Genesin (M. LIII, 120).

12) Homil. in Joann. I (M. LIX, 26).

13) Expos. in psalm. VII. 7 (M. LV, 91).

14) Expos. in psalm. XLVI (M. LV, 184).

15) Homil. in epistol. ad Romanos; XXX (M. LX, 666).

товъ¹⁾. Въ величественныхъ образахъ представляетъ Златоустъ боговдохновенность и апостоловъ вообще. Не съ каменными скрижалями въ рукахъ, подобно Моисею, сошли съ горы св. апостолы. Неся въ своей душѣ Духа, апостолы ходили всюду, источая сокровище и источникъ ученій, духовныхъ даровъ, всякихъ благъ, ставъ по благодати одушевленными книгами и законами, такъ какъ устами ихъ говорилъ ко всѣмъ Богъ²⁾. Самое чтеніе св. книгъ, какъ происшедшихъ чрезъ боговдохновенность, Златоустъ называетъ откровеніемъ неба³⁾.

Признавая боговдохновенность св. Писанія безусловно необходимой истинной съ точки зрѣнія вѣрующаго сознанія, Златоустъ, подобно Оригену, нерѣдко приводитъ для теоретическаго ея оправданія *доказательства*.

Самымъ употребительнымъ доводомъ въ пользу божественнаго авторитета св. Писанія у Златоуста является *чудесный фактъ быстраго распространенія* по всему міру содержащагося въ св. книгахъ возвышеннаго ученія. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что составителями св. книгъ, напр. новозавѣтныхъ, были люди малоученые въ мірскомъ значеніи этого слова: мытари, рыбаки, скнотворцы и т. п.⁴⁾. Однако, проповѣдь этихъ людей, гонимыхъ, бичуемыхъ, проводившихъ жизнь среди опасностей, приняли со всей охотой простецы и мудрецы, рабы и свободные, варвары и греки⁵⁾. Съ великой увѣренностью и убѣдительностью, не только при жизни, но и по смерти—цѣлымъ городамъ, племенамъ и народамъ, сушѣ и морю проповѣдывали эти люди о томъ, что нѣкогда не могли представить себѣ и во снѣ языческіе мудрецы⁶⁾. Благодаря св. писаніямъ, вѣщанія и глаголы этихъ проповѣдниковъ достигли до крайнихъ предѣловъ вселенной (ср. Пс. XVIII, 5). „Хотя бы ты отправился къ индійцамъ, которыхъ первыхъ озаряетъ восходящее солнце, хотя бы удалился на океанъ или на британскіе острова, хотя бы приплылъ въ эвксинскій понтъ, хотя бы достигъ сѣвер-

1) Homil. in Matthaicum (M. LVIII, 507).

2) Interpretat. in Isainni prophetam; II. (M. LVI 109).

3) Hom. in Matth. I. (LVII, 20).

4) Hom. in Matth. I. 6 (LVII, 20).

5) Homil. in Matthaicum: I, 5 (M. LVII, 19).

6) Ibidem; col 19.

ныхъ странъ, вездѣ услышишь, какъ всѣ любомудрствуютъ о томъ, что содержится въ Писаніи, другимъ языкомъ, но не другою вѣрою, различными нарѣчіями, но одинаковымъ умомъ“ 1). Не краткое время, но всегда живутъ, благодаря св. Писаніямъ, эти мытари, рыбаки и скинотворцы 2). Такое повсюдное распространеніе св. книгъ произошло благодаря тому факту, что написавъ свои книги, составители не скрыли ихъ въ какомъ-либо уголкѣ вселенной, а распространили всюду: на сушю и на морю, въ слухъ всѣхъ 3). Эти книги имѣютъ не скоропреходящее, а несокрушимовѣчное значеніе. Посланія ап. Павла, напр., суть какъ бы стѣны для церквей. Апостоль расположилъ эти посланія какъ твердую, несокрушимую ограду для вселенной, такъ что эта ограда спасаетъ отъ нападенія враговъ всѣхъ людей, современныхъ и послѣдующихъ, нынѣшнихъ и имѣющихъ быть 4).

Задаваясь вопросомъ, какъ же могли писанія *людей простыхъ, неученыхъ* заслужить повсюду удивленіе, вѣру и славу, Златоустъ дѣлаетъ вполне логическое заключеніе о происхожденіи этихъ писаній чрезъ божественное вдохновеніе. Простотою содержанія нельзя объяснить быстрого распространенія и необыкновеннаго дѣйствія писаній и проповѣди такого рода людей. Напротивъ, эти неученые люди, эти рыбаки о Богѣ и небесныхъ предметахъ сообщали такія понятія, какія не могли придти даже на умъ никогда и никому изъ философовъ. Ученіе философовъ отжило, погибло, исчезло, легче паутины. Напротивъ, возвышенное ученіе боговдохновенныхъ писателей было принято, заслужило вѣру, процвѣтаетъ доселѣ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ 5). Не могла оказать существеннаго вліянія на быстрое распространеніе св. книгъ и внѣшняя ихъ форма. Въ этихъ книгахъ нѣтъ ни шума словъ, ни напыщенности рѣчи, ни излишняго, бесполезнаго украшенія или, искусственнаго сочетанія именъ и словъ, вообще всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя—свойственны книгамъ философовъ и софистовъ 6). Необыкновенный успѣхъ

1) Migne: LI, 87. 88.

2) Homil. in Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

3) In Matthaeum Hom. I, 4 (M. LVII, 18).

4) Migne: LVI, 274.

5) In Matthaeuni; hom. I, 5 (M. LVII, 19).

6) In Ioann. II, 3 (M. LIX, 33).

св. писаній, въ связи съ возвышенностью изложенныхъ въ нихъ догматовъ вѣры и превосходствомъ правилъ жизни, могутъ быть объяснены только тѣмъ, что души писателей и проповѣдниковъ были исполнены Духа и Божественной благодати ¹⁾. Непреоборимая божественная сила, непобѣдимая крѣпость догматовъ, сочетаніе безчисленныхъ тайнъ разлиты въ боговдохновенныхъ писаніяхъ ²⁾. Все это могла произвести, совершить только божественная сила ³⁾. Когда человѣкъ необразованный, некнижный, какъ напр., евангелистъ Іоаннъ, возвѣщаетъ то, чего никогда и никто изъ людей на землѣ не зналъ, то уже одно это является великимъ чудомъ. А если сюда присоединить другое важнѣйшее доказательство боговдохновенности его словъ, что онъ убѣждаетъ всѣхъ своихъ слушателей во всякое время, то кто не подивится силѣ, обитающей въ немъ? ⁴⁾.

Вторымъ важнѣйшимъ признакомъ божественнаго происхожденія св. книгъ служить точное *исполненіе содержащихся въ нихъ предсказаній и пророчествъ*. Здѣсь Златоустъ видитъ несомнѣнно доказательство того, что св. писатели были боговдохновенны, не говорили ничего отъ себя, но все по вдохновенію божественной и пренебесной благодати, что поэтому, и все Писаніе божественно ⁵⁾.

Для подтвержденія своей мысли Златоустъ пользуется пророчествами трехъ видовъ: одни пророчества *исполнились еще въ Ветхомъ*, другія—*въ Новомъ*, третьи—изречены Самимъ Христомъ и *исполняются въ исторіи св. Церкви*.

Изъ пророчествъ перваго вида св. отецъ Церкви особенно отмѣчаетъ тѣ, въ которыхъ съ точностью предсказаны мѣсто, время и видъ *четырехъ тяжелыхъ рабствъ*, которыя пережили въ своей исторіи іудеи ⁶⁾. Еще патріарху Аврааму было предсказано рабство египетское (ср. Быт. XV, 13. 14. 16). Фактическое во всѣхъ подробностяхъ описаніе его сдѣлано у Моисея (Исх. V, 16 и др.) ⁷⁾. Рабство вави-

1) In Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

2) Hom. in Ioann. II, 3 (M. LIX, 33).

3) Hom. in Matth. I, 4 (M. LVII, 18).

4) Homil. in Ioann. II, 2 (M. LIX, 31).

5) Expos. in, psalm. IV, 11 (M. LV, 57).

6) Adversus iudaeos et gentiles demonstratio. V, 5 (M. XLVIII, 891).

7) Ibidem.

лонское по мѣсту и по числу лѣтъ предызображено пророкомъ Іереміей (XXIX, 10. 14), а удостовѣрено пророкомъ Даніиломъ, какъ очевидцемъ (IX, 2. 3 и др.) ¹⁾. О третьемъ рабствѣ, когда оно будетъ, какъ и отчего произойдетъ, какимъ образомъ, въ какое время кончится, на что перемѣнится, съ точностью до одного дня, предсказано у Даніила (VIII, 2—5. 6. 7. 8—12; XII, 9, 10 и др.) ²⁾. Достоверное изображеніе этого рабства, бывшаго въ правленіе Антіоха Епифана, даетъ Іосифъ Флавій въ его трогательномъ описаніи бѣдствій еврейскаго народа ³⁾. Тотъ же пророкъ Даніиль предсказалъ иго римское, взятіе Іерусалима, опустошеніе храма римлянами и пр. (IX, 25—27) ⁴⁾. Богъ, говоритъ Флавій, показалъ все это Даніилу, а онъ записалъ и оставилъ намъ, чтобы мы, читая его пророчества и видя исполненіе ихъ, дивились той чести, какой Богъ удостоилъ Даніила ⁵⁾. Пророкъ предсказалъ именно заупустѣніе іудейскаго святилища „до скончанія времени“ (Дан. IX, 26—27) ⁶⁾. Неудачная попытка іудеевъ, при возстановленіи храма въ правленіе Юліана-Отступника, является блестящимъ подтвержденіемъ боговдохновенности пророчества. „Свидѣтели этого, говоритъ Златоустъ, всѣ мы, такъ какъ это случилось при насъ, не такъ давно“ ⁷⁾. Такого рода факты доказываютъ боговдохновенность св. книгъ, силу Божіихъ опредѣленій, могущественное дѣйствіе словъ Божіихъ ⁸⁾.

Изъ пророчествъ, нашедшихъ себѣ исполненіе въ Новомъ Завѣтѣ, важны *пророчества мессіанскія*. Въ нихъ ясно предсказаны вочеловѣченіе Бога, рожденіе Спасителя отъ Дѣвы, изъ дома Давида, въ городѣ Виѳлеемѣ, послѣ потери власти іудейскими правителями (ср. Вар. III, 36—38; Иса. VII, 14; XI, 1, 3; Мих. V, 2; Быт. XLIX, 10—12) ⁹⁾. Точно описанъ и самый образъ пришествія Христа, что Онъ явится,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Adver. iudaeos. et gentiles demon. V, 5—7 (M. XLVIII, 892—894).

³⁾ Ibidem. V, 8 (M. XLVIII, 896); ср. Jos. Hav. Antiquit. Iud. Lib. X; cap. XI; n. 7.

⁴⁾ Ibidem: V, 9. 10 (M. XLVIII, 898. 899).

⁵⁾ Справ. Jos. Hav. Antiquit. Iud. Lib. X; cap. XI, 7.

⁶⁾ Ibid. V, 10 (col. 899).

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Ibidem. Пит. 2. 3 (M. XLVIII, 815—817).

не посылая грома и молнии, не колебля землю, не потрясая неба, что родится въ неизвѣстности, будетъ обитать въ домѣ древодѣла, бѣдномъ и неизвѣстномъ (Ис. LXXXI, 6; Иса. XLII, 3. 4) ¹⁾. Исцѣленіе хромыхъ, врачеваніе слѣпыхъ и нѣмыхъ, успѣхъ проповѣди, торжественный входъ въ Іерусалимъ, предательство Іуды, безстыдныя совѣщанія враговъ, судъ, исполненный беззаконія, образъ смерти Господа, успѣхъ проповѣди о Распятіи и побѣда ея надъ вселенной, отверженіе іудеевъ и обращеніе язычниковъ,—все это было предназначено боговдохновенными пророками и нашло для себя полное осуществленіе и оправданіе въ Новомъ Завѣтѣ ²⁾. Послѣ пророчествъ, сказанныхъ за столь долгое время, послѣ событій, совершившихся согласно съ предсказаніями, не должно быть мѣста невѣрію. Если же, имѣя у себя св. книги пророковъ, люди не вѣрують, то это—вина не Того, Кому не вѣрують, а тѣхъ, которые даже среди дня ничего не видятъ. Богъ создалъ также и видимый міръ, этотъ прекрасно настроенный органъ, который повсюду провозглашаетъ и прославляетъ Создателя. Однако, одни почитаютъ все образовавшимся само собою, другіе производятъ все видимое отъ вѣчности, иные, наконецъ, приписываютъ сотвореніе и сохраненіе міра случаю, судьбѣ, естественному развитію и т. п. ³⁾.

Пророчества Самого Христа отличаются большою ясностью. Блистая яснѣе солнца, свѣтлѣе солнечныхъ лучей, эти пророчества находятся предъ взорами всѣхъ людей ⁴⁾. Одни изъ этихъ пророчествъ исполняются уже въ настоящей жизни, другія сбудутся при самой кончинѣ міра. Взаимно подкрѣпляя себя, они доказываютъ съ великою силою свою достовѣрность ⁵⁾. Боговдохновенность собственно новозавѣтныхъ книгъ доказывается главнымъ образомъ пророчествами перваго рода. Изъ нихъ Златоустъ избираетъ и подвергаетъ разбору два пророчества: о неодолимости всемірной Христовой Церкви (ср. Матѣ. XVI, 18) и о разрушеніи Іерусалима съ его храмомъ (XXIV, 12 и др.).

¹⁾ Ibidem. V, 3 (M. XLVIII, 816).

²⁾ Ibidem. 4—11 (M. XLVIII, 818—829).

³⁾ Adver. iudaeos et gentiles demonstratio. II. 11 (M. XLVIII, 828).

⁴⁾ Ibid. 16 (col. 834).

⁵⁾ Ibidem. 12 (M. XLVIII, 829. 830).

Изреченіе Господа касательно устройства Своей Церкви во вселенной отличается краткостью. Зато оно блистательно оправдано дѣлами. Какъ дымъ, разсѣяны языческіе жертвенники, капища, идолы, ихъ службы, безчинныя празднества и повсюду воздвигнуты алтари истинному Богу: въ странѣ римской, въ Персіи, Скиѣи, Мавританіи, Индіи. Даже на британскихъ островахъ, лежащихъ за предѣлами моря, въ самомъ океанѣ, воздвигнуты алтари и церкви: слѣдовательно, и они ощутили на себѣ силу изреченія Господня. Не только надъ порочными навыками человѣчества была одержана побѣда, но и надъ преданіями древнѣйшихъ предковъ, философовъ и риторовъ. Свою Церковь, простертую по всей вселенной, Христосъ устроилъ чрезъ одиннадцать человѣкъ неученыхъ, простыхъ, не знавшихъ языковъ, бѣдныхъ, не имѣвшихъ ни отечества, ни богатства, ни тѣлесной силы, ни славы, ни знаменитости предковъ, ни силы слова, ни искусства краснорѣчія, ни преимуществъ учености, чрезъ рыбарей, скинотворцевъ, говорившихъ на языкѣ еврейскомъ, чуждомъ и отличномъ отъ всѣхъ прочихъ языковъ ¹⁾.

Заслуживаетъ, впрочемъ, удивленія не одно только то, что во вселенной сдѣлали эти простые, бѣдные, немногочисленные люди, а также и то, что совершенно это было не во время мира, а при безчисленныхъ нападеніяхъ, воздвигавшихся на нихъ. Проповѣдникамъ Христа предстояла борьба въ каждомъ народѣ, въ каждомъ городѣ, даже въ домѣ. Во время проповѣди они подвергались ежедневной враждѣ, непрерывной борьбѣ, тысячѣ смертей. Обращаясь съ ними, какъ съ общими врагами, всѣ ихъ гнали: цари, правители, простолюдины, свободные, рабы, народы, города; гнали также и тѣхъ, которые были не крѣпки въ вѣрѣ, принявъ ихъ ученіе. Такъ какъ самое ученіе казалось противнымъ царскимъ постановленіямъ, привычкѣ и отеческимъ обычаямъ, то поднялась война противъ учениковъ и противъ учителей. Несмотря, однако, на все это, ученіе Христа одержало верхъ надъ вселенной ²⁾.

На основаніи этихъ данныхъ Златоустъ приходитъ къ естественному выводу, что пророчества о св. Церкви, изложенныя въ св. книгахъ, суть слова Божіи. Дѣйствуя силь-

¹⁾ Ibidem. 12 (M. XLVII, 830).

²⁾ Ibidem. 13 (M. XLVIII, 831).

нѣе огня, именно слово Христа истребило тернія язычества, очистило нивы, посѣяло евангельское ученіе ¹⁾. Слѣдовательно, эти пророчества доказываютъ истинность Бога ²⁾.

Исполнилось и другое предсказаніе Христа о разрушеніи и запустѣніи храма іерусалимскаго (Мате. XXIV, 2). Нѣкогда этотъ храмъ блисталъ множествомъ золота, красотой и великолѣпіемъ зданій, содержалъ всевозможныя драгоценности искусственныя и вещественныя. Сюда со всѣхъ предѣловъ земли издревле приносили іудеи дары, жертвы, милостыни, богатства вселенной. Теперь этотъ храмъ не только уничтоженъ словомъ Христа, истребленъ, разсѣянъ, какъ прахъ, но не могъ быть и возстановленнымъ. Когда императоръ Юліанъ далъ іудеямъ позволеніе возстановить храмъ, то они приступили къ дѣлу, но не могли имѣть никакого успѣха, такъ какъ вырвавшійся огонь разогналъ строителей. Въ этомъ случаѣ іудеямъ противодѣйствовало изреченіе Христа, оказывала препятствіе божественная сила. По этой причинѣ и на будущее время нѣтъ ни надежды, ни вѣроятности возстановленія храма, несмотря на несчетныя богатства, смѣлость, настойчивость, дерзость и многочисленность еврейскаго народа ³⁾.

Сильнѣйшимъ доказательствомъ боговдохновенности Библии служить, далѣе, *благотворное, возрождающее дѣйствіе* на души людей содержащагося въ ней слова Божія (=testimonium Spiritus Sancti).

Со свойственною Златоусту силою выразительности, воодушевленія и краснорѣчія, описываетъ онъ могучее дѣйствіе *чтенія и слушанія* слова Божія на людей. Даже, если человѣкъ и не понимаетъ всего, содержащагося въ св. книгахъ, отъ одного чтенія ихъ бываетъ великое освященіе. Однако, невозможно, чтобы читатель одинаково не понималъ всего. Благодать Духа устроила такъ, что св. книги сложили мытари, рыбаки, скинотворцы, пастыри овецъ и ковъ, люди простые, неученые. По этой причинѣ всѣмъ можетъ быть удобопонятно то, что говорится въ св. книгахъ: ремесленникъ, слуга, вдовая женщина, необразованнѣйшій изъ всѣхъ людей одинаково могутъ получать пользу, назиданіе

¹⁾ Ibidem: 13 (M. XLVIII, 831).

²⁾ Ibidem: 15 (XLVIII, 833).

³⁾ Ibidem: XLVIII; n. 834. 835.

отъ слушанія ихъ ¹⁾). Чтеніе божественныхъ Писаній есть лучъ духовный, рай сладости, превосходнѣйшій первобытнаго рая. Первобытный рай былъ насажденъ Богомъ на землѣ: рай Писаній, напротивъ, въ душахъ вѣрующихъ. Тотъ рай находился въ Эдемѣ и ограниченъ былъ однимъ мѣстомъ на востокѣ; этотъ—распространенъ по всей землѣ, до предѣловъ вселенной (Пс. XVIII, 5). Въ этомъ обширномъ раю нѣтъ змія, такъ какъ онъ—огражденъ благодатію Духа. Какъ Эдемъ, рай св. писаній имѣетъ источникъ, но изъ этого источника вытекаетъ не четыре, а множество рѣкъ. Не Тигръ, не Евфратъ, не египетскій Ниль, не индійскій Гангъ, но безчисленное множество рѣкъ изливаетъ этотъ источникъ (ср. Іоан. VII, 38). Удивителенъ этотъ источникъ также и по своей природѣ, такъ какъ въ немъ—не потоки воды, а дары Духа: въ каждую душу вѣрующихъ отдѣляется онъ и не уменьшается; раздѣляется и не истощается; распредѣляется и не убавляется; во всѣхъ и каждомъ находится всецѣло ²⁾). Внимательно читая слово Божіе, душа какъ бы вступаетъ въ таинственное святилище, очищается и дѣлается лучшею, потому что съ нею чрезъ писанія бесѣдуетъ Богъ ³⁾). Сухая земля, никѣмъ не поливаемая, изобилуетъ терніемъ и волчцами, а воздѣлываемая руками земледѣльцевъ цвѣтетъ, красуется и приноситъ много плодовъ. Такъ бываетъ и съ человѣческой душою: орошаемая божественными вѣщаніями св. писателей, она цвѣтетъ, красуется, приноситъ обильные плоды духа. Напротивъ, оставленная въ засухѣ и пренебреженіи, рѣдко получающая такое орошеніе, она пустѣетъ, зарастаетъ травой, производитъ множество грѣховнаго тернія ⁴⁾). При краткости изреченій Св. Писанія, велика ихъ сила. Не по количеству своему, а по природѣ издаютъ благовоніе ароматы. Такъ и божественныя Писанія доставляютъ намъ всякую пользу не множествомъ словъ, а силою своего содержанія. Самъ по себѣ, по свойству своему благовоненъ—ароматъ, но брошенный на огонь, онъ обнаруживаетъ всю свою пріятность. Точно также и божественное Писаніе, весьма пріятное само по себѣ, когда про-

¹⁾ Hom. de Lazaro; III, 2 (XLVIII, 994).

²⁾ De utilitate lection. Scripturae Sanct. 1 (M. LI, 87. 88).

³⁾ Homil. de Lazar. III, 2 (M. XLVIII, 994).

⁴⁾ Contra Anomaeos; XII, 5 (M. XLVIII, 811).

никнетъ въ нашу душу, то наполняетъ, какъ бы полавъ въ кадилъницу, весь домъ своимъ благовоиємъ ¹⁾. Чрезъ чтеніе Св. Писанія душа окрыляется, дѣлается возвышенною, такъ какъ озаряется свѣтомъ Солицы правды ²⁾. Если дерево посажено при источникахъ водъ, то оно получаетъ постоянное орошеніе, находится въ безопасности отъ всякой неблагопріятной погоды, не боится пламенныхъ лучей, не страшится сухого воздуха, имѣя достаточную влажностъ внутри себя. Такъ и душа, стоящая при потокахъ божественныхъ писаній и напоемая ими постоянно, собирая въ себѣ самой струи и росу Духа, бываетъ безопасна отъ всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ ³⁾. Если обыкновенное увѣщаніе посредствомъ простого слова сильно дѣйствуетъ на людей, то гораздо большее дѣйствіе оказываютъ увѣщанія, сопровождаемыя дѣйствіемъ Духа. Слово, произнесенное отъ божественнаго Писанія, сильнѣе огня умягчаетъ ожесточенную душу и дѣлаетъ ее способною на все прекрасное ⁴⁾.

Дѣйствіе Св. Писанія на *человѣческое сердце*—необыкновенно. Какая бы болѣзнь, порицаніе, клевета, злословіе, насмѣшки ни нападали, какія бы бѣдствія вселенной не обрушивались на человѣческую душу, она можетъ найти достаточное утѣшеніе въ чтеніи писаній. Ни величіе славы, ни высота власти, ни присутствіе друзей,—ничто вообще изъ *человѣческихъ* вещей не можетъ утѣшать въ скорби такъ, какъ чтеніе божественныхъ писаній. Тѣ вещи—тлѣнны и скоропреходящи, почему и утѣшеніе отъ нихъ скоропреходящее. Чтеніе же Писаній есть собесѣдованіе съ Богомъ. А когда *человѣкъ*, находящагося въ скорби, утѣшаетъ Богъ, то никакое изъ настоящихъ обстоятельствъ не можетъ повергнуть его въ уныніе ⁵⁾. Для большей ясности своей мысли Златоустъ пользуется наглядными сравненіями. Пріятель—лугъ, пріятель—садъ. Но чтеніе божественныхъ писаній—гораздо пріятнѣе. На лугахъ и въ садахъ люди видятъ увядающіе цвѣты, въ Св. Писаніяхъ—находятъ цвѣтущія мысли. Тамъ—дыханіе зефира, здѣсь—вѣяніе Духа; тамъ удоволь-

¹⁾ De verbis apostol; II Timoph. III, 1 (M. LVI, 273.274).

²⁾ Expos. in Genes. cap. IX. Homil. XXIX, 2 (LIII, 262).

³⁾ De utilit. lection. Scripturar. 2 (LI, 89).

⁴⁾ In Matthaeum. Hom. II, 6 (LVII, 31).

⁵⁾ De utilit. lection. Scriptur. 2 (M. LI. 89. 90).

ствіе отъ зрѣнія, здѣсь польза отъ чтенія. Садъ подчиненъ перемѣнамъ временъ года, а писанія зимою и лѣтомъ украшены листьями, обременены плодами. Удаляя уныніе, слово Божіе доставляетъ удовольствіе, истребляетъ злобу, укореняетъ добродѣтель, не допускаетъ людямъ бѣдствовать въ вихрѣ заботъ, подобно пловцамъ, обуреваемымъ волнами. Въ то же время, когда бушуетъ море жизни, человѣкъ, внимающій Писанію, плыветъ въ тишинѣ. Чтеніе Писанія служитъ для него кормчимъ, и его каната не расторгаетъ искушеніе обстоятельствъ ¹⁾. Ничто изъ житейскаго не дѣлаетъ человѣческую жизнь безпечальною, даже царскій санъ: у царей столько поводовъ къ печали, сколько въ морѣ волнъ. Наоборотъ, изреченіе св. писателей, напр. ап. Павла (ср. Филип. IV, 4), притомъ краткое и малое, откроетъ намъ это сокровище ²⁾. Здѣсь не нужно множество словъ, не потребуетъ продолжительнаго разглагольствованія: только размыслимъ о данномъ изреченіи и найдемъ путь, ведущій къ истинной радости. Вообще же всякое изъясненіе Св. Писанія доставляетъ слушателямъ и читателямъ утѣшеніе и ободреніе. Не только нравоучительные, но и историческіе рассказы Библии сообщаютъ утѣшеніе скорбящимъ человѣческимъ душамъ. Примѣромъ служитъ библейское повѣствованіе о твореніи міра (Быт. I, I и сл.). Когда слышишь, что небо, землю, море, воздухъ, воды, множество звѣздъ, два свѣтила великія, растенія, животныхъ четвероногихъ, плавающихъ и летающихъ, вообще все видимое создалъ Богъ для человѣка, для спасенія и славы его, что столь прекрасный, великій и чудный міръ призванъ къ бытію для человѣка, столь малаго, то тотчасъ получишь достаточное утѣшеніе ³⁾. Человѣкъ, постоянно стоящій на скалѣ, смѣется надъ волнами. Такъ и человѣкъ, орошаемый божественными изреченіями, утвердивъ себя какъ бы на скалѣ правильнаго сужденія о вещахъ, не увлечется ничѣмъ человѣческимъ, становится выше напора житейскихъ дѣлъ, получаетъ великую пользу и душевное утѣшеніе ⁴⁾. Такое ободряющее и укрѣпляющее дѣйствіе слова Божія на человѣческое сердце

¹⁾ Homil. de capto Eutropio et de divitiarum vanitate, I (LII, 396. 397).

²⁾ De statuis ad popul. Antiochenum: XVIII, 2 (XLIX, 182).

³⁾ Ibidem. Hom. VII, 2 (XLIX, 93).

⁴⁾ Homil. de 5. marty. Lucian. I (M. L, 522).

обнаруживается во всѣхъ обстоятельствахъ жизни людей. Чтеніе божественнаго Писанія ободряетъ, оживляетъ скорбящія, одержимыя печалью души, уничтожаетъ силу и жаръ скорби, доставляетъ людямъ великое утѣшеніе не только въ потерѣ имущества, не только въ утратѣ дѣтей или въ другомъ подобномъ несчастіи, но и въ грѣховныхъ искушеніяхъ. Когда падаетъ человѣкъ, пойманный и низринутый грѣхомъ, когда потомъ его начнетъ угрызать совѣсть, то часто онъ, постоянно вспоминая о грѣхѣ, подавляется чрезмерною печалью, каждый день горитъ въ огнѣ и не получаетъ утѣшенія, несмотря на множество утѣшителей. Но войдя въ церковь и услышавъ, что многіе изъ святыхъ послѣ паденія возстали и снова вошли въ прежнюю славу, непримѣтно получаетъ утѣшеніе. Паденія праведныхъ для того и описаны въ Библии, чтобы какъ добродѣтельные люди, такъ и грѣшники получали отъ нихъ величайшую пользу. Видя, что другой палъ и однако могъ опять возстать, грѣшникъ не приходитъ въ отчаяніе и безнадежность. Добродѣтельный же будетъ ревностнѣе, благонадежнѣе, будетъ всегда бдителенъ и покажетъ великую внимательность къ себѣ самому, когда увидитъ, что многіе изъ тѣхъ, которые гораздо лучше его, пали. Когда насъ утѣшаетъ въ печали человѣкъ, мы утѣшаемся только повидимому, только на нѣсколько времени, а затѣмъ опять впадаемъ въ прежнюю печаль. Напротивъ, когда примѣромъ другихъ согрѣшившихъ, покаявшихся, спасшихся, Богъ вразумляетъ насъ, тогда Онъ дѣлаетъ явною для насъ Свою благодать, и мы, получая вѣрное и надежное утѣшеніе, не сомнѣваемся уже въ своемъ спасеніи ¹⁾. Вообще великое утѣшеніе и назиданіе получаемъ мы отъ событій, повѣствуемыхъ въ писаніяхъ. По этой причинѣ ап. Павелъ и говоритъ: „утѣшеніемъ изъ писаній сохраняемъ надежду“ (Рим. XV, 4) ²⁾.

Многократно и разнообразно описываетъ Златоустъ возрождающее дѣйствіе боговдохновеннаго Писанія на *человѣческую волю*. Одного чтенія словъ Писанія иногда достаточно для очищенія всякой гнилости грѣха. А чѣмъ далѣе человѣкъ внимаетъ этимъ словамъ, тѣмъ болѣе будетъ очищаться гной. Какъ огонь, чѣмъ сильнѣе объемлетъ золото, тѣмъ

¹⁾ De poenitentia; IV, 1 (M. XLIX, 299. 300).

²⁾ In psalm. CXLII, 4. (M. LV, 453).

болѣе истребляетъ ржавчину, такъ и слава боговдохновеннаго Писанія, чѣмъ глубже проникають въ душу, тѣмъ болѣе очищаютъ грѣхъ ¹⁾. Чрезъ чтеніе писаній душа вводится какъ бы въ нѣкоторую спокойную и безмятежную пристань. Упражненіе въ божественныхъ писаніяхъ есть нерушимая стѣна, непоколебимая крѣпость, неотъемлемая слава, несокрушимое оружіе, невозмутимое благополучіе, постоянное удовольствіе и всякое добро, какое только можно представить. Прогоняя уныніе, сохраняя благодушіе, слово Божіе бѣднаго дѣлаетъ богаче богатыхъ, людямъ богатымъ доставляетъ безопасность, дѣлаетъ праведнымъ грѣшника, праведнаго поставляетъ въ безопасномъ убѣжищѣ; исторгаетъ существующее зло, насаждаетъ несуществующее добро, прогоняетъ злобу, возвращаетъ къ добродѣтели и не только возвращаетъ, но и укореняетъ ее и дѣлаетъ постоянною, составляя духовное врачество и нѣкоторую божественную и неизреченную пѣснь; умерщвляющую страсти ²⁾. Говоря о Св. Писаніи, какъ врачевствѣ противъ страстей и грѣховъ, Златоустъ по обыкновенію прибѣгаетъ къ сравненію. Люди, сидящіе при источникѣ, наслаждающіеся его прохладою, при наступленіи жара, устраняютъ этотъ удушливый жаръ потоками, легко облегчаютъ и мученіе, если беспокоитъ ихъ жажда. Такъ и человѣкъ, находящійся при источникѣ божественныхъ писаній, если почувствуетъ беспокоящій его пламень непристойной похоти, легко потушитъ его, погрузивъ душу въ эти воды. Отъ всѣхъ порочныхъ помысловъ, какъ бы изъ среды пламени, избавляетъ душу чтеніе божественныхъ писаній ³⁾. Никто не можетъ спастись, если не упражняется въ духовномъ чтеніи, въ чтеніи божественныхъ писаній. Но и то еще хорошо, если мы успѣемъ когда-либо спастись, непрестанно пользуясь этимъ врачевствомъ, такъ какъ мы каждый день получаемъ раны. Мастерамъ мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ орудіями ремесла служатъ молотъ, наковальня и клещи. Для христіанъ орудіями спасенія служатъ апостольскія, пророческія книги и вообще все Писаніе боговдохновенное и полезное (2 Тим. III, 16). Какъ мастера своими орудіями обдѣлываютъ всякіе сосуды, за ка-

¹⁾ De poenitentia VI; num. 3 (M. XLIX, 317).

²⁾ In psalm. XVIII, 17; n. I (M. LV, 513).

³⁾ De utilit. lection. Scriptur I (M. LI, 89).

кіе берутся, такъ и мы этими пособіями устроаемъ нашу душу, исправляемъ разстроившуюся, обновляемъ обветшавшую. Какъ хранящіяся въ какомъ-либо домѣ царскія оружія доставляютъ великую защиту жителямъ, потому что злодѣи не осмѣливаются напасть на этотъ домъ, такъ прогоняется всякая злая сила оттуда, гдѣ находятся духовныя книги, и живущимъ тамъ бываетъ великое назиданіе въ добродѣтели. Даже одинъ видъ такихъ книгъ дѣлаетъ насъ болѣе воздержными отъ грѣха. Когда мы осмѣливаемся совершить что-либо запрещенное и сдѣлаемъ себя нечистыми, то, возвратясь домой и взглянувъ на эти книги, мы болѣе осуждаемъ себя въ совѣсти, дѣлаемъ менѣе склонными къ повторенію тѣхъ же грѣховъ. Если же, напротивъ, будемъ жить благочестиво, то получимъ оттуда еще большую пользу ¹⁾.

Вообщее, по ученію Іоанна Златоуста, въ Св. Писаніи предложена дивная лѣчебница, лѣчебница не для тѣлъ, а для душъ. Она—духовна и исцѣляетъ не тѣлесныя раны, а грѣхи душевные. Врачевство ея составлено не изъ земныхъ растений, а изъ небесныхъ глаголовъ. Не руки врачей приготавливали его, а уста пророковъ ²⁾. Весьма выразительно обозначаетъ Златоустъ высокія преимущества врачebнаго дѣйствія слова Божія. Врачевство еіо—всегда дѣйствительно, не ослабѣвая отъ продолжительности времени, не теряя силы отъ упорства болѣзней. Лѣкарства врачей, по прошествіи продолжительнаго времени, становятся слабыми, подобно состарившимся тѣламъ, а упорство болѣзней часто лишаетъ лѣкарства силы: это—лѣкарства человѣческія. Не таково—врачевство божественное. Съ того времени, какъ жилъ Моисей (такъ какъ отъ него—начало писаній), оно уврачевало столько людей, не потеряло своей силы, и никакая болѣзнь никогда не дѣлала его недѣйствительнымъ! Въ земныхъ лѣчебницахъ, гдѣ нужно платить деньги, получаетъ нерѣдко пользу только богатый. А бѣдный, за недостаткомъ средствъ для пріобрѣтенія лѣкарствъ часто уходитъ, не получивъ пользы. Въ небесной лѣчебницѣ не нужно тратить серебра, а должно только показать вѣру и желаніе. А такъ какъ они суть плата за врачевство, то больше всего получаетъ пользы тотъ, кто принесъ ихъ съ усердіемъ. Богатый и

¹⁾ De Lazaro III, 2 (M. XLVIII, 993, 994).

²⁾ Migne. LI, 354.

бѣдный здѣсь одинаково—участвуютъ въ пользѣ, Лучше сказать: бѣдный часто уходитъ, получивъ большую пользу, чѣмъ богатый. Занятый многими заботами, надменный гордостью, преданный лѣнности и безпечности, богатый принимаетъ врачество слушанія писаній не съ большою ревностью и усердіемъ. А бѣдный, свободный отъ роскоши, невоздержанія и безпечности, употребляющій все время на праведные труды, приобретающій отъ этого въ душѣ великое любомудріе, болѣе внимателенъ и усерденъ къ сказанному ¹⁾. Такое значеніе слова Божія, какъ врачующаго средства противъ грѣховъ и страстей, весьма важно и велико. Великъ—плодъ отъ писаній, значительна—польза отъ нихъ (Рим. XV, 4). Слово божественное есть сокровищница всякаго рода врачествъ. Всякій можетъ найти здѣсь помощь, нужно ли смирить надменность, обуздать похоть, подавить пристрастіе къ деньгамъ, преодолѣть скорбь, внушить благодушіе или расположить къ терпѣнію ²⁾. Предается ли кто гнѣву, непременно найдетъ врачество въ поученіяхъ писаній, гдѣ говорится, что самое движеніе гнѣва есть паденіе для человѣка (Сир. I, 22) и др., или въ повѣствованіяхъ писаній о гибели отъ гнѣва фараона и царя ассирійскаго (ср. Исх. XIV, 5; 4 Цар. XIX, 35) и др. Одержимъ ли кто сребролюбіемъ,—пусть послушаетъ, что нѣтъ ничего беззаконнѣе лихоимца. (Сир. XIV, 1—10) или прочтетъ повѣствованія о Гіезіѣ, Іудѣ, старѣйшинахъ-книжникахъ и проч. Гордится ли кто,—пусть послушаетъ, что Богъ гордымъ противится (Прит. III, 34), что начало гордости—грѣхъ (Сир. X, 14), и т. д. ³⁾. Хотя бы постигли человѣка безчисленные бѣдствія, онъ все перенесетъ легко, получивъ изъ божественныхъ писаній достаточное побужденіе къ терпѣнію и любомудрію ⁴⁾. Нигдѣ такъ успѣшно не развивается духовная красота, какъ въ томъ дивномъ и божественномъ мѣстѣ, гдѣ апостолы и пророки смываютъ, исправляютъ, стираютъ старость грѣха, наводятъ цвѣтъ юности, уничтожаютъ всякое пятно, всякій порокъ, всякую скверну души нашей (Ефес. V, 27) ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem. col. 355.

²⁾ In Ioann. XXXVII, 1 (M. LIX, 207).

³⁾ In Acta apostolorum; hom. XXIX, 4 (M. LX, 219).

⁴⁾ De s. martyr. Luciano; 1 (M. L, 522).

⁵⁾ Contr. Anom. XII, 5 (XLVIII, 812).

Съ немальною силою убѣжденія и краснорѣчія говоритъ Златоустъ о дѣйствиі слова Божія на умъ читателей. При одномъ только взглядѣ на евангеліе, тотчасъ благоустроится умъ, отрѣшаясь отъ всего житейскаго ¹⁾. Какъ пища духовная, св. писаніе укрѣпляетъ умъ, дѣлаетъ душу человѣка сильною, твердою, мудрою, какъ бы возноситъ ее на самое небо ²⁾. Чтеніе Библии Златоустъ сравниваетъ съ приобрѣтеніемъ сокровища. Какъ человѣкъ получаетъ изъ сокровищницы великое богатство, хотя бы заимствовалъ изъ нея малую частицу, такъ и читатель божественнаго писанія даже въ его краткомъ выраженіи находитъ полноту мысли ³⁾. Нельзя пренебрегать даже такими мыслями св. писаній, которыя почитаются маловажными. Благодать Духа немногими словами внушаетъ любомудріе всѣмъ, кто ей внимаетъ: часто даже въ одномъ только изрѣченіи слова Божія подаются средства на весь путь жизни ⁴⁾. Неисчерпаемая глубина мысли, по ученію Златоуста, есть одно изъ существенныхъ свойствъ писанія. Чѣмъ болѣе проникаетъ въ его глубину, тѣмъ болѣе будутъ истекать божественныя мысли, Это—источникъ, неизсякающій ⁵⁾. Самыя доказательства писаній отличаются ясностью и убѣдительностію (*ἀπ' αὐτῶν παραστήσομαι τῶν Γραφῶν σαφῆ τὴν ἀπόδειξιν* ⁶⁾). Доказанное простыми умственными соображеніями, хотя бы было истинно, не доставляетъ душѣ такого полнаго убѣжденія и достаточной увѣренности, какъ то, что основано на словѣ Божіемъ ⁷⁾. Не слушающій писаній не послушаетъ и воскресшихъ изъ мертвыхъ ⁸⁾. Слѣдовательно, знаніе писаній болѣе могучее, чѣмъ воскресеніе мертвыхъ. Не столько имѣетъ значенія воскресеніе мертвыхъ, сколько чтеніе Писаній ⁹⁾. Даже чтеніе Писанія безъ толкованія—благоотворно и дѣйственно. Тотъ, кто постоянно читаетъ божественныя писанія и стоитъ

1) De Laz. III, 2 (XLVIII, 994).

2) In Genesin; hom XXIX; n. 2 (M. LII, 262).

3) In Senesin cap. I; hom. III, 1 (M. LIII, 32).

4) De statuis ad populum Antiochenum; hom. I, 1 (XLIX, 18).

5) De Lazaro; hom. IV, 1 (M. XLVIII, 1007).

6) De Lazaro; IV, 5 (M. XLVIII, 1013).

7) Contr. anom. XI, 1 (M. XLVIII, 797).

8) De Lazar. IV, 2 (M. XLVIII, 1009).

9) Hom. in diem memoriae marty. 4 (LII, 833).

какъ бы при его потокахъ, хотя бы не имѣлъ никакого толкователя, приобрѣтаетъ себѣ великую пользу постояннымъ чтеніемъ, какъ бы нѣкоторыми корнями ¹⁾).

Гдѣ же находится источникъ, гдѣ—причина того, что Библия оказываетъ высоко облагораживающее, возрождающее, освящающее дѣйствіе на души, сердце, волю и умъ своихъ читателей?

Источникъ этотъ—въ ея боговдохновенности. Въ обыкновенныхъ книгахъ дѣйствіе словъ происходитъ отъ человѣческой мысли; въ св. писаніи—отъ силы и благодати Духа (ἐκείνη μὲν, γὰρ ἀνθρωπίνης ἐστὶ βianoίας, αὕτη δὲ τῆς τοῦ Πνεύματος δυνάμεως καὶ τῆς χάριτος ²⁾). Если въ Библии можно найти великое сокровище даже въ одномъ слогѣ, то причина этого—очевидна. Въ ней содержатся не простыя слова, а слова Духа Святаго ³⁾. Именно потому въ божественномъ писаніи ничего не сказано безъ цѣли, что все изречено Духомъ Святымъ ⁴⁾ Даже мысли, кажущіяся маловажными, происходятъ отъ благодати Духа. А благодать Духа никогда не бываетъ малой и скудной, но великой, удивительной, достойной щедрости Давшаго. Часто достаточно взять изъ Библии одно только изреченіе, чтобы имѣть средства на весь путь жизни ⁵⁾. Именно какъ изліяніе безконечно совершеннаго Духа Божія, какъ слово Духа Святаго, св. Писаніе заключаетъ въ себѣ безпредѣльное море мыслей, несказанно богатое сокровище любомудрія ⁶⁾. Источникъ писанія удивителенъ по своей природѣ, потому что въ немъ не потоки воды, а дары Духа ⁷⁾. Если слово, произнесенное отъ божественнаго писанія, умягчаетъ человѣческую душу сильнѣе огня, дѣлаетъ ее способною на все прекрасное, то причина этого—въ боговдохновенности: увѣщанія отъ писанія сопровождаются дѣйствіемъ Духа ⁸⁾. Здѣсь же имѣетъ основаніе и то, что сокровищница слова Божія никогда не исто-

¹⁾ De utilit. lection. Scripturar. 2. (M. LI, 90).

²⁾ In Ioann. III, 1 (M. LIX, 38).

³⁾ In Senes XV, 1 (M. LIII, 119).

⁴⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIX, 295).

⁵⁾ De statuis; ad popul. antiochen. I, 1 (XLIX, 18).

⁶⁾ In Senes XVI, 1 (M. LIII, 126); cap. II; hom. XV, 1; cap. II (LIII, 119) и др.

⁷⁾ De utilit. lection. Scriptur. I. (M. LI, 87. 88).

⁸⁾ In Matth. hom. II, 6 (M. LVII, 31).

щается, не оскудѣваетъ. Источникъ Духа Святаго обильно изливаетъ ее ¹⁾. *Слѣдовательно, писаніе есть произведеніе Бога, хотя и написано чрезъ людей.*

II.

Будучи написана по вдохновенію Духа Святаго, Библия имѣетъ въ планѣ божественнаго домостроительства *опредѣленную цѣль.*

Первобытное человѣчество *не имѣло Библии.* Если бы Богъ съ самаго начала сталъ учить людей посредствомъ книгъ и письменъ, то незнающій грамоты, безъ сторонняго наставленія, не получилъ бы никакой пользы. Съ другой стороны, если богатый купилъ бы книгу, то бѣдный не могъ бы ее приобрѣсти. Кромѣ того, содержаніе книгъ могло быть доступно только человѣку, знающему языкъ, на которомъ онѣ написаны. Скиѣтъ, варваръ, индѣецъ, египтянинъ, какъ незнакомые съ языкомъ св. книгъ, не узнали бы ничего. Напротивъ, въ книгу природы можетъ одинаково смотрѣть простой человѣкъ и мудрецъ, бѣдный и богатый. „Небеса повѣдаютъ славу Божію“ (пс. XVIII, 1), хотя не имѣютъ голоса, не получили устъ, хотя нѣтъ у нихъ языка. Видя красоту, величіе, высоту, положеніе, видъ и столь долговременное существованіе ихъ, человѣкъ поклоняется Создавшему столь прекрасное, столь чудное тѣло. Молчаливое небо своимъ видомъ издаетъ звукъ громче трубы. Оно научаетъ насъ чрезъ зрѣніе, а не чрезъ слухъ, такъ какъ первое чувство вѣрнѣе и яснѣе по самой природѣ. Познаніе посредствомъ глазъ—одинаково для всѣхъ и не различно, какъ познаніе посредствомъ языковъ. Скиѣтъ, варваръ, индѣецъ, египтянинъ, — словомъ, всякій человѣкъ слышитъ голосъ неба, потому что доходитъ онъ до нашего ума не чрезъ уши, но чрезъ чувство зрѣнія ²⁾. Человѣчеству, собственно, не слѣдовало имѣть и нужду въ помощи писанія, а надлежало бы вести столь чистую жизнь, чтобы благодать Духа служила душамъ, вмѣсто книгъ, чтобы сердца были исписаны Духомъ, какъ книги исписаны чернилами. Дѣйствительно, съ Ноемъ, Авраамомъ, его потомками, равно

¹⁾ In Senes. XVI, 1; cap. II (M. LIII, 126).

²⁾ De statuis ad popul. Antioch. IX, 2 (M. XLIX, 105, 106).

какъ съ Іовомъ и Моисеемъ Богъ бесѣдовалъ не чрезъ письменна, а непосредственно, потому что ихъ умъ находилъ чистымъ ¹⁾. Авраамъ уже потому не могъ пользоваться книгами, что самыхъ письменъ тогда еще не было изобрѣтено. Однако, происходя отъ предковъ—идолопоклонниковъ, будучи варваромъ и воспитанъ среди варваровъ, не имѣя никакого учителя въ благочестіи, онъ позналъ Бога и несравненно превзошелъ всѣхъ своихъ потомковъ, хотя они пользовались закономъ и пророками ²⁾. Письмена, скрижали и наставленія чрезъ нихъ явились уже въ позднѣйшее время, когда весь еврейскій народъ впалъ въ самую глубину нечестія. Таково же—происхожденіе св. письменности и въ Новомъ Завѣтѣ. Богъ не далъ апостламъ чего-либо писанаго, но, вмѣсто писаній, обѣщалъ даровать благодать Духа, Который напомнитъ имъ все (Іоан. XIV, 26). Апостолъ Павелъ также говоритъ, что онъ получилъ законъ, написанный не на каменныхъ скрижаляхъ, а на плотяныхъ скрижаляхъ сердца (2 Кор. III, 3). Необходимость въ наставленіи письменномъ опять явилась тогда, когда одни уклонились отъ истиннаго ученія, другіе—отъ чистоты жизни и нравственности ³⁾. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Іоанна Златоуста, боговдохновенное Писаніе есть необходимая, существенная составная часть исторіи божественнаго Откровенія, такъ что появленіе св. письменности органически—неразрывно соединялось съ этой исторіей, какъ безусловно необходимое звено ея.

Такою связью съ божественнымъ Откровеніемъ опредѣляется и цѣль боговдохновеннаго Писанія. „Въ божественномъ Писаніи, учитъ Златоустъ, ничего не сказано безъ цѣли, такъ какъ все изречено Духомъ Святымъ“ ⁴⁾. Цѣль эта состоитъ въ исправленіи, возрожденіи, спасеніи человѣческаго рода. „Цѣль обоихъ завѣтовъ—одна: исправленіе людей“ ⁵⁾. Не для того даны Писанія, чтобы мы имѣли ихъ только въ книгахъ, но чтобы начертывали въ своихъ сердцахъ ⁶⁾.

¹⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 13).

²⁾ In epist. ad Romanos; XXVI, 4 (LX, 4).

³⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 13—14).

⁴⁾ In Ioann hom. L, 1 (LIX, 277).

⁵⁾ M. LVI, 313.

⁶⁾ In Ioann. XXXII, 3 (M. LIX, 187).

Практическая цѣль Библии и проявляется въ томъ, что люди, вѣруя божественному Писанію, хранятъ въ своихъ душахъ здравые догматы и вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ правильную жизнь, такъ что жизнь свидѣтельствуешь о догматахъ и догматы сообщаютъ твердость жизни ¹⁾. Св. Писаніе умудряетъ душу, заставляетъ умъ нашъ постоянно обитать въ небесахъ, побуждаетъ съ величайшею ревностью стремиться къ подвигамъ добродѣтели, твердо полагаться на обѣтованія Божіи и пр. ²⁾. Самыя объясненія Писанія предлагаются не для того только, чтобы ихъ поняли, но что бы исправлялись нравы ³⁾. Нѣтъ ни одного недуга: ни душевнаго, ни тѣлеснаго изъ всѣхъ, обременяющихъ человѣческую природу, который не получалъ бы соотвѣтствующаго врачевства изъ боговдохновеннаго Писанія. Удрученъ ли кто печальными обстоятельствами житейскими, обремененъ ли—крайнею бѣдностью, претерпѣваетъ ли отъ другихъ оскорбленія и клеветы, унываетъ ли, считаетъ ли, наконецъ, самую жизнь невыносимою—всѣ получаютъ въ словѣ Божіемъ достаточное утѣшеніе ⁴⁾. Именно для нашего наставленія изложенъ въ св. Писаніи рядъ сказаній о жизни праведниковъ, какъ бы нѣкая золотая цѣпь ⁵⁾. Цвѣтуцій лугъ представляетъ взорамъ различные и разнообразныя цвѣты. Подобнымъ образомъ въ божественномъ Писаніи показаны намъ добродѣтели праведныхъ. Но мы не должны только наслаждаться благоуханіемъ этихъ добродѣтелей, какъ благоуханіемъ цвѣтовъ. Мы должны постоянно собирать съ нихъ плоды ⁶⁾. Велико, напротивъ, безразсудство тѣхъ, которые, утративъ достоинство чистой жизни, не пользуются врачевствомъ св. Писанія, презираютъ его, какъ излишнее и ненужное ⁷⁾.

Исправляя и возрождая человѣческія души, боговдохновенное Писаніе существенно содѣйствуетъ высокой цѣли божественнаго домостроительства *спасенія людей*. Св. Іоаннъ

¹⁾ In Senes. XIII, 4 (M. LIII, 110); in cap. II.

²⁾ In Senes. cap. XIV; hom. XXXV, 1 (M. LIII, 322).

³⁾ De Vet. Testam. obscuritate; hom. II, 7 (M. LVI, 186).

⁴⁾ In Genes.; cap. IX; hom. XXIX, 1 (M. LIII, 261).

⁵⁾ Ibidem. cap. XV; h. XXXVI, 1, (M. LIII, 332); ср. cap. XIV, XXXV, 8, (LIII, 331).

⁶⁾ Ibid. cap. XIX; XLIII, 1 (M. LIV, 395).

⁷⁾ In Matth. I, 1 (M. LVII, 14, 15).

Златоустъ съ рѣшительностью утверждаетъ, что нельзя спастись безъ постояннаго упражненія въ духовномъ чтеніи¹⁾. Исслѣдованіе св. писаній есть путь къ достиженію спасенія²⁾. Каждое обстоятельство, описанное въ божественномъ Писаніи, предано памяти не для чего-либо другого, какъ только для пользы и спасенія человѣческаго³⁾. Черезъ св. писателей для нашего спасенія ниспосланы съ неба божественные законы⁴⁾.

Въ этой общей цѣли заключены частныя, касающіяся *вѣроученія и нравоученія*.

Устами боговдохновенныхъ писателей возвѣщены человѣчеству *высшіе догматы вѣры*, принесенные свыше, не имѣющіе въ себѣ ничего человѣческаго⁵⁾, догматы правые⁶⁾, божественные⁷⁾. Всюду, во всѣхъ своихъ частяхъ Библия служитъ органомъ для распространенія высшаго религіознаго знанія. Такъ пророкъ Моисей въ своей исторіи происхожденія неба и земли сообщаетъ не человѣческіе гаданія или вымыслы, а только дарованное отъ Господа ученіе⁸⁾. Историки боговдохновенные ставятъ себѣ цѣлью показать великую премудрость и попеченіе Бога о людяхъ⁹⁾. Пророческія писанія имѣютъ для себя сосредоточеніемъ Лицо Христа, образъ совершеннаго Имъ искупленія людей и распространенія по вселенной царства благодати¹⁰⁾. Цѣлью псалмовъ также служитъ религіозное наученіе людей, а именно: наставленіе ихъ въ законъ Божіемъ¹¹⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ св. апостолы также являются прежде всего учителями небесныхъ догматовъ¹²⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ, въ качествѣ таковыхъ догматовъ, указываетъ ученія о единствѣ безмернаго, блаженнаго божественнаго Существа, о высшемъ мірѣ небесныхъ силъ, объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, вочело-

1) De Laz III, 2 (M. XLVІІІ, 993).

2) In Ioann. LІІІ, 3 (M. LIX, 295).

3) In Genes XXIX I, (M. LІІІ, 261).

4) In Gen XIV 2 (M. LІІІ 112) cap. II.

5) In Ioan II, 3 (M. LIX, 33).

6) Ibidem: LІІІ, 3 (M. LIX, 295).

7) Ibidem: II, 4 (M. LIX, 35).

8) In. Gen. XI, 3 (M. LІІІ, 93).

9) In Isa VІІ, 1 (M. LVІ, 78).

10) Advers. iudaeos; 2—17 (M. XLVІІІ, 815—838).

11) In psalm III, I (M. LV 35).

12) De gloria in tribulationibus (Rom. V 3) (M. LI, 158).

въчненіи единороднаго и единосущнаго Отцу Сына Божія, Его распятіи, погребеніи, воскресеніи, вознесеніи на небо, будущей безконечной жизни, будущемъ судѣ надъ мыслями, словами, дѣлами, о небесномъ царствѣ и пр.¹⁾ Въ этихъ ученіяхъ св. Писателей нѣтъ ничего человѣческаго²⁾.

Преодать людямъ совершенное ученіе о нравственности, — вотъ вторая частная цѣль Библии. Именно благодаря св. Писанію, мы узнаемъ, что такое добродѣтель³⁾. Въ этомъ смыслѣ слово Божіе есть истинная пища душъ, роскошь благочестивыхъ, богатство набожныхъ⁴⁾, источникъ всякой жизни⁵⁾. Въ св. Писаніи мы имѣемъ врачевство для души. Отъ незнанія Писанія происходитъ всякое зло. Нельзя выходить на войну безъ оружія: легко спастись съ Писаніями, а безъ нихъ невозможно⁶⁾. Ничто такъ не свидѣтельствуешь о душѣ человѣческой, какъ любовь къ слову Божію: равно какъ ничто такъ не обличаетъ неразумія души, какъ пренебреженіе къ нему. Тѣ люди, которые небрегутъ о слышаніи слова Божія, теряютъ чрезъ это свое человѣчество, утрачиваютъ самое свое природное достоинство⁷⁾. Съ благоговѣніемъ со страхомъ, поэтому, нужно внимать сказаніямъ божественнаго Писанія. Въ немъ ничего не написано безъ цѣли, напрасно, но все съ пользою и къ нашему благу⁸⁾. Назиданіе всюду выставляется св. писателями, какъ опредѣленная и ясная цѣль ихъ книгъ. Такъ пророкъ Моисей пишетъ о твореніи міра именно съ цѣлью назиданія и наставленія рода человѣческаго⁹⁾. Такова же цѣль дивныхъ исторій, изложенныхъ въ боговдохновенныхъ книгахъ. Какъ бы на высокой, великой и широкой картинѣ изображена, здѣсь жизнь древнихъ отъ Адама до пришествія Христова, представляя праведниковъ какъ падавшихъ, такъ и увѣнчан-

¹⁾ Ibidem (M. LI, 157); in Matth. 1, 2 (LVII, 16, 17), in Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

²⁾ In Ioann. II, 3 (LIX, 33).

³⁾ In Ioann. LIII, 3 (M. LIV, 295).

⁴⁾ Hom. de legislatore (M. LVI, 397).

⁵⁾ „Γραφαὶ πάσης σοφῆς αἰτίαι εἰσὶν“; in Ioann. XII, 1, (M. LIX, 255).

⁶⁾ Hom. in epistol. ad Colossenes: IX, 1, (M. LXII, 362).

⁷⁾ De mutatione nominum I (M. LI, 114).

⁸⁾ In Genes. XLIV, 4 (M. LIV, 410).

⁹⁾ In Genes. IV, 2 (M. LIII, 41).

ныхъ¹⁾. Цѣль псалмовъ состоитъ въ наученіи людей добродѣтельной и цѣломудренной жизни, чтобы они никогда не дѣлали зла, не презирали Божіихъ законовъ²⁾. Пророчества также изрекались не для того, чтобы люди только узнавали будущее, а чтобы, узнавъ, получали пользу отсюда, дѣлаясь отъ страха угрозъ болѣе благоразумными, а отъ обѣщанія благъ—болѣе усердными къ исполненію добродѣтели³⁾. Такая же цѣль и писаній Новаго Завѣта Самъ Христосъ въ краткихъ и ясныхъ словахъ евангелія училъ людей тому, въ чемъ состоитъ справедливое, честное, полезное (τὸ δίκαιον καὶ τὸ πρεπον καὶ τὸ συμφερων), училъ любви къ Богу, къ людямъ, вообще училъ всякой добродѣтели⁴⁾, Св. апостолы въ своихъ посланіяхъ также предлагаютъ намъ новый образъ жизни, иную свободу, иное рабство, иную жизнь и смерть⁵⁾. На всѣ основные вопросы о челоуѣкѣ, о мірѣ, о порокѣ, добродѣтели въ боговдохновенныхъ писаніяхъ Новаго Завѣта даны необходимые отвѣты⁶⁾. Обо всемъ этомъ боговдохновенные писатели говорятъ съ точностью, никуда не совращаясь, какъ бы стоя на нѣкоемъ камнѣ⁷⁾. Предлагаемая ими начала и правила жизни столь возвышенны, что до нихъ не могли дойти лучшіе языческіе моралисты⁸⁾.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

1) См. М. LII, 472, 473.

2) Expos. in psalm III, (M. LV, 35).

3) In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77); ср. in psalm. XLVIII, 6 (M. LV, 231).

4) In Matth. I, 5 (M. LVII, 20).

5) In Matth. I, 4 (M. LVII, 19).

6) In. Ioann. II, 1 (M. LIX, 30).

7) In Ioann, II, 2 (M. LIX, 31).

8) In Matth. I, 4, 5 (M. LVII; 19).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Февраля

№ 3

1912 года.

Содержаніе. Отношеніе на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Книжнаго Комитета.—Отъ Совѣта Одесскаго Отдѣла Союза Русскаго народа.

I.

Отношеніе на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, слѣдующаго содержанія:

Полковникъ Г. Г. Поповъ, испрашивая святыхъ молитвъ Вашего Высокопреосвященства, просить:

1) ознакомиться съ прилагаемой къ сему брошюрой „*Домъ Романовыхъ*“; изданной къ предстоящему 300-лѣтнему юбилею царствованія и

2) въ случаѣ благопріятной оцѣнки, оказать ему содѣйствіе къ распространенію ея среди паствы Вашей епархіи. 7 февраля 1912 года.

Къ сему отношенію приложено слѣдующее заявленіе:

„Эта книжка, „*Домъ Романовыхъ*“, выпускаемая въ виду предстоящаго великаго событія—300 лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, имѣетъ цѣли: напомнить важнѣйшіе моменты царствованія каждаго изъ монарховъ этого Дома, прослѣдить, какъ постепенно росла и крѣпла Россія за этотъ періодъ ея исторіи и, наконецъ, показать, насколько Россія и Романовы связаны между собой во единое нераздѣльное цѣлое“.

Цѣна книжки 30 к.; за 100 экз. и болѣе за пересылку не платятъ. Съ требованіемъ обращаться по слѣдующему адресу: Петербургъ, Штабъ пограничной стражи у Г. Г. Попова.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Учитель Савинскаго начальнаго народнаго училища, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Морозъ*, 27 января опредѣленъ на діаконское мѣсто при Скорбященской церкви с. Богородичной, Изюмскаго уѣзда.

б) Бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи Антоній *Степурскій* 22 января опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Соборно-Троицкой церкви города Волчанска.

в) Пѣвчій Харьковскаго Архіерейскаго дома, крестьянинъ Александръ *Назаренко*, 23 января опредѣленъ діакономъ-псаломщицомъ къ Николаевской ц. при Будянской фабрикѣ М. С. Кузнецова.

г) Крестьянинъ Стефанъ *Шевцовъ* 27 января опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Петро-Павловской церкви с. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда.

д) Сынъ заштатнаго псаломщика Сергій *Оолинъ* 27-го января опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви города Богодухова.

е) Крестьянинъ Петръ *Щобергій* 27-го января опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при вновь устроенной Николаевской церкви с. Нуровой, Изюмскаго уѣзда.

ж) Крестьянинъ Стефанъ *Исочка* 31-го января опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Петро-Павловской церкви с. Княжного, Валковскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста:

а) Священники церквей: Николаевской—с. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Рубинскій*, и Рождество-Богородичной—с. Ново-Бѣленькой, того-же уѣзда, Іоаннъ *Войтовъ*, согласно ихъ прошенію, 20 января перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

б) Священники церквей: Крестовоздвиженской—с. Нижней Баранниковки, Старобѣльскаго уѣзда, Сергій *Левандовскій*, и Сошествіевской—с. Пѣвневки, того-же уѣзда, Іаковъ *Васильковскій*, согласно ихъ прошенію, 20 января перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

в) Священники церквей: Царице-Александровской—при Харьковскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи Іоаннъ *Толмачевъ* и Архангело-Михайловской—с. Колупаевки, Харьковскаго уѣзда, Василій *Степурскій* 27 января перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

г) Священникъ Преображенской церкви с. Алешни, Лебединскаго уѣзда, Николай *Брежковъ*; согласно его прошенію, 30 января перемѣщенъ на священническое мѣсто, при Покровской церкви с. Алешни, того-же уѣзда.

д) Священникъ Архангело-Михайловской церкви с. Каменки, Новозыбковскаго уѣзда, Черниговской епархіи, Іоаннъ *Понировскій*, 31 января перемѣщенъ къ Троицкой ц. с. Бурлея, Зміевск. уѣзда.

е) Псаломщикъ Троицкой церкви с. Покровскаго, Валковскаго уѣзда, Алексѣй *Квитковскій*, 20 января для пользы службы перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто при Троицкой церкви с. Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Псаломщикъ Николаевской церкви с. Русской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, Никита *Швидицъ*, согласно его прошенію, 31 января перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто при Василювской церкви с. Песочина, Харьковскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

а) Псаломщикъ Василювской церкви с. Песочина, Харьковскаго уѣзда, Николай *Дажньевскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ 31 января.

б) Псаломщикъ Петро-Павловской церкви с. Княжнаго, Валковскаго уѣзда, Александръ *Ивановъ*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ 31 января.

4) О смерти духовенства.

а) Заштатный священникъ Архангело-Михайловской церкви с. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, Іоаннъ *Щербининъ*, 16 янв. умеръ.

б) Заштатный священникъ Θεодоро-Стратилатовской церкви с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда, Андрей *Люминарскій*, 15 дек. умеръ.

в) Заштатный священникъ Николаевской церкви с. Влѣзокъ, Лебединскаго уѣзда, Максимъ *Сергіевскій*, 2 января умеръ.

5) Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Мирносицкой церкви с. Ново-Бѣленькой, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Багметъ*, 30 января утвержденъ въ должности псаломщика.

6) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви с. Радьковки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ старостою 22 января мѣщанинъ Георгій *Чалый*.

б) Къ церкви с. Кругляковки, того-же уѣзда, утвержденъ старостою 22 января крестьянинъ Арсеній *Пьяница*.

в) Къ церкви с. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ старостою 24 января Павелъ *Сидоренко*.

г) Къ церкви с. Терешковки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ старостою 25 января крестьянинъ Филиппъ *Покутный*.

д) Къ церкви с. Цѣлуйково, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ старостою 27 января крестьянинъ Леонтій *Заика*.

е) Къ церкви с. Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда, утвержденъ старостою 28 января крестьянинъ Захарій *Морозъ*.

ж) Къ Харьковскому Каѳедральному Успенскому Собору утвержденъ старостою 30 января Харьковскій купецъ С. Н. *Голевъ*.

з) Къ Троицкой церкви города Харькова утвержденъ старостою 30 января Харьковскій купецъ С. Д. *Сотниковъ*.

и) Къ церкви с. Плессовскихъ хуторовъ, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ старостою 31 января крестьянинъ Евдокимъ *Дегтяревъ*.

і) Къ церкви с. Калесникова, Валковскаго уѣзда, утвержденъ старостою 31 января крестьянинъ Іоаннъ *Чичибаба*.

к) Къ церкви с. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, утвержденъ старостою 1 февраля крестьянинъ Авксентій *Титаренко*.

л) Къ церкви с. Мохначей, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ старостою 2 февраля казакъ Петръ *Сидоренко*.

м) Къ церкви с. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ старостою 2 февраля крестьянинъ Іоаннъ *Ізълецкій*.

н) Къ церкви с. Любовки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ старостою 3 февраля мѣщанинъ Петръ *Шатанько*.

о) Къ церкви с. Нижней Дуванки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ старостою 6 февраля крестьянинъ Емельянъ *Косенко*.

п) Къ церкви с. Левковки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ старостою 6 февраля крестьянинъ Іоаннъ *Шестопаль*.

7) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ церкви с. Двурѣчнаго Кута, Харьковскаго уѣзда, Василій *Яетремскій*, 18 января утвержденъ въ должности законоучителя Григорьевскаго начальнаго училища.

б) Священникъ церкви с. Забродовъ, Богодуховскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Литовка*, 22 января утвержденъ въ должности законоучителя Шейчанскаго однокласснаго министерскаго училища.

8) О присоединеніи къ православію.

а) Товарищъ прокурора Харьковскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Владиславъ *Войцеховскій*, состоявшій въ римско-католическомъ исповѣданіи, 11 декабря присоединенъ къ православію.

б) Крестьянка Агафія *Загоруйко* (Зейфертъ), лютеранскаго исповѣданія, 15 января присоединена къ православію.

9) Вакантныя мѣста:

Псаломщицкія:

При Николаевской церкви с. Русской Лозовой, Харьков. уѣзда.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Книжнаго Комитета.

Харьковскій Епархіальный Книжный Комитетъ симъ объявляетъ, что въ книжной лавкѣ при Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ вновь получены для продажи учебники для церковно-приходскихъ школъ, а также брошюры и книги религіозно-нравственнаго и миссіонерскаго содержанія и богослужебныя книги.

Предѣдатель Комитета, *Прот. Леонидъ Твердохлѣбовъ.*

Отъ Совѣта Одесскаго Отдѣла Союза Русскаго народа.

7-го января 1911 г. по Всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Государю Императору благоугодно было Всеимостивѣйше разрѣшить Одесскому Отдѣлу Союза Русскаго народа производить повсемѣстно всероссійскій сборъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Одессѣ, при Союзѣ Русскаго народа, русской, національной ремесленной школы.

Пожертвованія на сей предметъ должны быть отправляемы непосредственно Совѣту Одесскаго Отдѣла Союза Русскаго народа.

II.

Содержаніе. „Печальникъ земли русской“, Святѣйшій Патріархъ Гермогенъ.—Призваніе современныхъ народныхъ пастырей. *Свящ. Н. Загорскаго.*—Миссіонерскій листокъ. Сектантскія самопротиворѣчія. *Архимандрита Арсенія.*—Епархіальная хроника. Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго Женскаго Училища.—Деревское общество трезвости.—Наша экскурсія 1911 г.—Иноепархіальный отдѣлъ. Московскій епархіальный сѣвздъ.—О веденіи церковныхъ лѣтописей.—Разныя извѣстія и замѣтки. Важнѣйшія юридическія разъясненія въ огражденіе церковныхъ земель и водѣ отъ постороннихъ захватовъ.—Объявленія.

„Печальникъ земли русской“, СВЯТѢЙШІЙ ПАТРІАРХЪ ГЕРМОГЕНЪ.

Къ трехсотлѣтію со дня его мученической кончины.

17 февраля сего года исполнится трехсотлѣтіе кончины великаго и уже глубоко чтимаго народомъ, за мученичество и святость, патріарха Гермогена.

Въ наши тяжелыя времена память объ этомъ „печальникѣ земли русской“, объ этомъ твердомъ защитникѣ вѣры и благочестія, объ этомъ пламенно любящемъ свою родину, великомъ патріотѣ, имѣетъ важное значеніе, важное потому, что печальныя знаменія нашего времени имѣютъ такъ много общаго съ тѣми мрачными временами, которыя остались въ народной памяти подъ именемъ „лихолѣтья“.... Да, это была „лихая“ пора, не только потому, что многострадальную Русь, только что отбивнушуюся отъ татарщины, только что собравшуюся во—едино, тѣснили извнѣ сильныя сосѣди: шведы и поляки, завладѣвшіе почти всею русской землей, при чемъ поляки даже зашли въ русской святынь—Московскомъ Кремлѣ,—но „лихая“ и потому, что русскіе люди находились во взаимной враждѣ и междоусобицѣ и измѣна родинѣ и присягѣ царицы среди нихъ. Казалось, что св. Руси пришелъ конецъ и нѣтъ ей спасенія; но чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ ярче блещутъ звѣзды, и въ этомъ непроглядномъ сумракѣ русской жизни не погасъ свѣтъ Христовой вѣры и ярко засіялъ въ томъ свѣтильникѣ, что украшалъ собою патріаршіи престолъ.

Имѣются свѣдѣнія, что въ 1579 году Гермогенъ былъ священникомъ при церкви св. Николая въ г. Казани, но векорѣ принялъ монашество и въ 1589 году, возведенный въ архіерейскій санъ, онъ начинаетъ собою рядъ казанскихъ митрополитовъ. При немъ совершилось: явленіе и обрѣтеніе чудотворной Казанской иконы Божіей Матери и открытіе мощей казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсанофія; онъ проявилъ особую ревность о просвѣщеніи татаръ новопри-соединеннаго Казанскаго царства.

Въ 1598 году прекратилось прямое потомство царствовавшего на Руси дома Рюрика и на престолъ вступилъ Борисъ Годуновъ, царствованіе котораго сопровождалось страшными несчастіями; при немъ появился Самозванецъ, объявившій себя Димитріемъ, законнымъ царемъ: въ 1605 году Годуновъ скоропостижно умираетъ. Началась великая смута, которая довела русской народъ чуть не до полной гибели. Въ 1606 году, послѣ убійства самозванца Лже-Димитрія, былъ избранъ царемъ князь Висилій Шуйскій, который, вслѣдъ за вѣнчаніемъ на царство, открылъ соборъ для из-

бравія патріарха вмѣсто престарѣлаго и ослѣпнаго Іова. Избранъ былъ казанскій митрополитъ Гермогенъ.

Въ тяжелое время принялъ свой патріаршій посохъ святитель Гермогенъ,—вся страна была охвачена смутой: на Руси не было ни власти, ни закона. У царя Василія не было вѣрнаго войска, не было казны, не было вѣрныхъ и преданныхъ слугъ. Патріархъ Гермогенъ призывалъ хранить вѣрность своему Царю, призывалъ сплотиться всѣмъ противъ иновѣрныхъ поляковъ и не только своимъ нравственнымъ вліяніемъ помогалъ онъ Шуйскому,—и деньги и хлѣбъ везли изъ монастырей на содержаніе ратнымъ людямъ. Въ 1607 г. появляется новыи самозванецъ, а въ 1609 году польскій король Сигизмундъ III объявляетъ войну Россіи; русская столица была захвачена поляками, царь Василій былъ свергнутъ (1610 г.) и насильно постриженъ въ монашество.

Для спасенія Россіи рѣшено было призвать на царство польскаго королевича Владислава. Патріархъ допускалъ воцареніе Владислава, но безусловно требовалъ перехода его въ православіе. Народъ увѣрили, что Владиславъ приметъ православіе. Началась присяга. На дѣлѣ же русскіе присягали на вѣрность царю католическаго вѣроисповѣданія. Русская столица очутилась въ положеніи города, завоеваннаго иноземцами, сама вѣра православная была въ опасности. Православной Руси предстояло стать частью католической Польши!...

Увидѣвъ вѣроломство поляковъ и измѣну нѣкоторыхъ русскихъ, патріархъ Гермогенъ сталъ разсылать по всѣмъ городамъ грамоты, въ которыхъ открыто призывалъ свою паству встать на защиту св. вѣры православной и русской земли отъ иновѣрныхъ ляховъ; онъ объяснялъ народу положеніе дѣлъ, указывалъ на нарушеніе поляками своихъ обязательствъ, разрѣшалъ отъ присяги Владиславу, уговаривалъ всѣхъ собраться вмѣстѣ и двинуться къ Москвѣ. Издавая свой призывъ, великій святитель зналъ, что подписываетъ себѣ смерть, ибо онъ былъ во власти поляковъ и измѣнниковъ, но онъ вѣрилъ, что Русь услышитъ его голосъ...

И она услышала: умремъ за вѣру православную!—загремѣли въ стѣнахъ Нижегородскаго Кремля.—Умремъ—понеслось по Поволжью отъ Ярославля до Астрахани, и двинулась къ Москвѣ русская рать съ одною мыслью—или осво-

бодить Москву отъ поляковъ или сложить подъ ней свою голову.

— Прикажи имъ вернуться домой!—молили поляки и измѣнники бояре патріарха Гермогена.

— Благословлю ихъ постоять за святую вѣру православную,—отвѣтилъ мужественный святитель.

— Умри же, воскликнулъ измѣнникъ Михайло Салтыковъ, выхватывая ножъ.

— Вотъ оружіе противъ ножа твоего,—неустрашимо промолвилъ святитель, воздвигая крестъ.

Враги рѣшили употребить силу противъ непреклоннаго пастыря. Онъ былъ лишенъ возможности дѣйствовать. Ему оставалось только твердымъ и могучимъ словомъ поддерживать народное движеніе. Тогда старца—патріарха заключили въ подземелье—въ тѣсную, холодную келью; его морили холодомъ, голодомъ, жаждою, но не могли вырвать у него приказанія русской рати отступить отъ Москвы... Изступленные враги рѣшили уморить его голодною смертию. Промучившись нѣсколько недѣль, великій старецъ—святѣйшій патріархъ Гермогенъ, 17 февраля 1612 года, скончался въ подземельѣ Чудова монастыря...

Угасъ великій свѣтильникъ земли русской, но святое патріотическое дѣло его окрѣпло и упрочилось: 22 октября 1612 г. русскіе очистили Москву отъ поляковъ, а 21 февраля 1613 года рѣшилось величайшее дѣло—избраніе на царство юнаго Михаила Феодоровича Романова.

Черезъ 40 лѣтъ, послѣ смерти святителя Гермогена, по раскрытіи могилы, останки его оказались нетлѣнными; такими же найдены онѣ и чрезъ 200 лѣтъ. Гробница святителя находится въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Не оставляетъ своею помощью святитель и нынѣ съ вѣрою притекающихъ къ нему. Великую радость подаетъ Господь намъ, прославляя чудесами угодника своего патріарха Гермогена!..

Нынѣ вся православная Россія творитъ молитвенную память пріавшаго мученическую кончину за православную вѣру, за русской народъ, великаго страстотерпца и подвижника, патріарха Гермогена.

Черезъ три вѣка послѣ своей страдальческой кончины, возстаетъ во всемъ блескѣ святой безсмертной славы пламенный служитель Христа Бога нашего, великій поборникъ

православія, неустрашимый защитникъ отечества, положив-
шій жизнь свою за други своя. Возстаетъ онъ на помощь
намъ, православные русскіе люди, въ нашей борьбѣ за Цер-
ковь православную, за Царя Самодержавнаго и народъ; воз-
стаетъ, чтобы поддержать силы наши, вдохнуть бодрость,
укрѣпить и умножить ряды борцовъ за правду и уничто-
жить несогласія, возникающія среди насъ...

*Господи Іисусе Христе, молитвами святителя Гермогена,
спаси землю русскую, Царя и русскій народъ!*

(Изъ изд. Драндскаго Успенск. монаст.).

Призваніе современныхъ народныхъ пастырей.

(Изъ письма къ собрату пастырю-миссіонеру).

Спаситель сказалъ: „Огонь пришелъ Я
низвестъ на землю и какъ желалъ-бы, что
бы онъ уже возгорѣлся“!.. (Лук. 12.—49).

**Возлюбленный о Господѣ собратъ и собратникъ на нивѣ
Христовой!**

Бываютъ въ жизни дни и часы когда печаль, горе тя-
желымъ камнемъ ложатся на сердце человѣка и когда онъ,
въ такія тяжелыя минуты своей жизни, невольно ищетъ
друга-товарища, спѣшитъ къ близкому для сердца человѣку,
чтобы въ дружеской бесѣдѣ съ нимъ хотя нѣсколько раз-
сѣять скорбь души, облегчить постигшее его горе и во вза-
имномъ обмѣнѣ мыслями и чувствами хотя {немного освѣ-
житься, укрѣпиться духомъ и тѣмъ самымъ разогнать до-
кучливый туманъ сѣрой, однообразной будничной жизни...
Въ такомъ точно настроеніи сердца, подъ впечатлѣніемъ
нахлынувшихъ на меня думъ и чувствъ съ наступившимъ
новымъ годомъ, пишу и я тебѣ настоящія строки своего
письма... Надѣюсь, что ты, вѣрный и добрый другъ мой,
кому всегда открывалъ я тайники души своей, удѣлишь
хотя одну свободную минуту изъ твоего пастырскаго досуга
и, прочитавъ ихъ, откликнешься на нихъ и тѣмъ много об-
радуешь меня...

Давно мы съ тобой видѣлись, давно „по-душѣ“ бесѣ-
довали съ тобой... Съ тѣхъ поръ, какъ промыслъ Божій
призвалъ тебя на новое мѣсто твоего пастырскаго служе-

нiя и ты, оставивъ „свою Златозорьевку“, перешель въ „Степное“, прошло немало времени... Вотъ и еще одинъ годъ, словно тѣнь, канулъ въ океанъ вѣчности... Я часто надъ этимъ задумываюсь: о, какъ быстро, неумовимо быстро, проходитъ невозвратное время человѣческой жизни и какъ быстро всё въ ней видоизмѣняется! По-истинѣ, наша земная жизнь—это какъ бы паръ, являющійся на малое время и потомъ исчезающій. „*Послушайте*“,—воскликаетъ св. ап. Іаковъ,—„вы, говоряще: *сегодня или завтра отправимся въ такой-то городъ, и проживемъ тамъ одинъ годъ, и будемъ торговать и получать прибыль*“, вы, которые не знаете, что случится завтра: *ибо что такое жизнь ваша? паръ, являющійся на малое время и потомъ исчезающій*“ (Іак. 4,—13—14). Таково свидѣтельство самого слова Божiя о быстротечности нашей жизни, начало и конецъ которой въ десницѣ Творца и Промыслителя Бога... И течетъ быстро, безостановочно течетъ это необъятное и необозримое „*море жизни*“ человѣческой... Говорю: „*море жизни*“,—выражаясь ближе къ словообороту богомудрыхъ наставленій нашей св. Матери-Церкви... Вспомни слова церковной пѣсни: „*житейское море воздвигаемое зря нагастей бурей*“... Когда вдумываешься глубже въ слова этой церковной пѣсни и мысленно представляешь себѣ теченіе жизни всего человѣчества, такъ и рисуется въ твоёмъ воображеніи картина: жизнь человѣческая—это бурливое, быстросущееся море... Вотъ предъ тобой море: тревожное и безпокойное, пѣнясь и извиваясь въ причудливыя горы-волны отъ расходившейся надъ нимъ бури, съ шумомъ и стономъ катитъ волну за волной и безостановочно уноситъ воды свои въ безпредѣльную даль; такова и человѣческая жизнь: безостановочно, быстро проходятъ минуты, часы и дни за днями вѣчно тревожной и безпокойной человѣческой жизни со всѣми ея многоразличными явленіями и событіями и незамѣтно, невозвратно истекаютъ цѣлые годы, утопая въ безпредѣльномъ океанѣ вѣчности... И мы вновь стоимъ предъ молчаливо-тревожной таинственностію наступившаго новаго года, и вновь волнуются мысли наши предъ непроницаемой завѣсой будущаго, стараясь приподнять хотя небольшой уголокъ ея, и душа невольно наполняется различнаго рода думами и чувствами... Что ожидаетъ насъ въ новомъ году? Что принесетъ и чѣмъ обрадуетъ

насъ наступившее новолѣтіе? Что въ новомъ году ожидаетъ православную Церковь и православное русское пастырство?...

По волѣ Пастыреначальника Господа нашего Иисуса Христа, основанная Имъ на землѣ „воинствующая Церковь“ должна вести непрестанную *„брань противъ мироправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ“* (Ефес. 6,—12), а мы — пастыри церкви, какъ преемники св. апостоловъ и ихъ служенія, должны „воинствовать“ за дѣло Божіе „какъ добрые воины Иисуса Христа“, имѣя всегда „твердую вѣру и добрую совѣсть“, огонь ревности и готовности „переносить страданія“... Какова же будетъ эта борьба противъ враговъ вѣры, возставшихъ на Господа и на Христа Его, въ наступившемъ новомъ году, и какую ревность и въ чемъ проявятъ пастыри Божіи во славу Господа и славу св. Матери-Церкви и вѣры православной?..

Вотъ вопросы, дорогой собратъ мой, какіе сами собою встаютъ въ наболѣлой душѣ моеѣ при видѣ той печальной современной дѣйствительности „житейскаго моря“, какую мы переживаемъ въ наши дни... Мы—пастыри церкви видимъ, какъ именно нынѣ „воздвизается папастей бурей житейское море“ и какъ среди бушующихъ волнъ его безцѣнный корабль Иисусовъ—св. Церковь Божія со всѣхъ сторонъ обуревается многочисленными угрожающими опасностями... Кажется, никогда еще въ исторіи нашей Церкви и Отечества не было столь труднаго времени для Церкви и пастырства, какъ переживаемое въ наши дни; никогда еще на св. Руси зловѣріе и невѣріе не поднимало такъ высоко своей головы, никогда еще враждебныя сужденія о вѣрѣ и Церкви, не произносились такъ открыто и съ такой дерзостью, какъ въ наше время. Выражаясь словами свящ. Писанія, нужно сказать, что мы переживаемъ теперь „времена тяжкія, дни лукавы“, ибо именно въ наше время *„большинство людей здраваго ученія вѣры не принимаетъ, но по своимъ прихотямъ избираетъ себѣ учителей, которые льстятъ бы слуху ихъ“* (2 Тимое. 4,—3); въ наше время *„злые люди и обманщики преуспѣваютъ во злѣ, вводя въ заблужденіе другихъ и сами заблуждаясь“* (2 Тимое. 3,—13); въ наше время *„появились во множествѣ лжеучители, которые вводятъ пагубныя ереси, отвергаются искупившаго ихъ Господа, и многіе слѣдуютъ ихъ разврату и чрезъ нихъ путь истины въ поношеніи“* (2 Петр. 2,

1—2)... За тысячу лѣтъ существованія православной Церкви въ Россіи, кажется, никогда еще она не была въ столь тяжеломъ положеніи, какъ въ настоящее время... Какъ же не возскорбѣть тутъ „скорбію великою“ каждому пастырю—миссіонеру? Какъ не болѣть душой, когда видишь, какъ православной вѣрѣ и церкви Христовой со всѣхъ сторонъ угрожаютъ: то религіозное невѣжество и массовыя заблужденія темныхъ, непросвѣщенныхъ людей, уходящихъ въ сектантство, то религіозный индифферентизмъ, невѣріе, злоба и ненависть къ вѣрѣ и православной церкви многихъ образованныхъ христіанъ; когда видишь затаенныя и скрытыя усилія вѣчныхъ и непримиримыхъ враговъ христіанства и усиленныя домоганія многочисленныхъ враговъ Россіи и церкви православной, направленные на то, чтобы всячески уничтожить или обезсилить „св. Русь“ *путемъ подрыва православія*, этой спасительной силы жизни русскаго народа. Безпорядочныя движенія минувшихъ „освободительныхъ дней“ оставили намъ, какъ тебѣ извѣстно, въ печальное наслѣдіе *чрезмѣрную матеріализацію духа*, болѣе или менѣе проникшую въ жизнь всѣхъ сословій, и даже сельскихъ, усилили упадокъ христіанскаго воодушевленія, проповѣдь безбожія и упадокъ нравовъ, увлеченіе устройствомъ царства земного и смѣшеніе идеаловъ небесныхъ съ земными до замѣны первыхъ послѣдними... А обними, дорогой мой другъ и собратъ, своимъ мысленнымъ взоромъ всѣхъ явныхъ и открытыхъ враговъ Церкви православной съ ихъ злобно-коварными ухищреніями противъ св. вѣры, сколько теперь всякаго рода сектантовъ: баптистовъ, штундистовъ, евангельскихъ христіанъ, скопцовъ, пашковцевъ, толстовцевъ, ново-израильтянъ, братцевъ-хлыстовъ и другихъ безчисленнѣйшихъ „темныхъ силъ ада“ включительно до слѣпыхъ и безумныхъ послѣдователей разныхъ „Распутинныхъ“, „Колосковыхъ“ и прочихъ въ „ихъ духѣ“ лжеучителей и какъ всѣ эти враги видимо селятся объединиться въ одномъ: *какъ можно болѣе отторгнуть отъ Церкви православной чадъ ея и повести по душепагубнымъ путямъ сектантскихъ собраній*; вспомни, наконецъ, всѣ соблазны и происки расколоучителей и искусныхъ заграничныхъ сектантовъ: Фетлеровъ, Мотовъ и другихъ заѣзжихъ изъ чужихъ странъ лжепроповѣдниковъ, которые вдругъ нахлынули въ наши дни въ

Росію и при пособіи русскихъ отрицателей вѣры и измѣнниковъ православія въ обилии сѣютъ на русской нивѣ пагубныя сѣмена ложныхъ ученій, губящихъ невинныя души въ простотѣ сердца вѣрующихъ православно-русскихъ людей... За послѣдніе три года намъ во-очію приходится быть свидѣтелями того, какъ постепенно пробуждается и поднимается все выше и выше свою голову расколо-сектантство, какъ все неотвязчивѣе требуетъ оно отъ гражданской власти „свободы своего вѣроисповѣданія, признанія своихъ общинъ законными“... Третья Государственная Дума занялась, какъ извѣстно, рѣшеніемъ не свойственныхъ ей вѣроисповѣдныхъ вопросовъ и ея законопроектъ о признаніи законности старообрядческой іерархіи и права ея распространять свое вѣроученіе положительно вскружилъ голову расколо-сектантству: оно увидѣло, что на сторонѣ сектантства и старообрядчества уже и такое авторитетное государственное учрежденіе, какъ Государственная Дума; удивительно-ли послѣ этого, если расколо-сектантство не только проснулось, не только вездѣ и всюду стало заявлять о себѣ настойчиво, требовательно, но оно до фанатизма возстало противъ православныхъ!.. Почти повсемѣстно началась открытая проповѣдь сектантскихъ заблужденій, совращеніе православныхъ въ ихъ среду; въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ распространяется сектантская литература: журналы, листки, календари, брошюры; въ столичныхъ и губерскихъ городахъ теперь нерѣдко ты встрѣтишь открыто на самыхъ видныхъ мѣстахъ и улицахъ, какъ красуются „подъ золотой фонтъ“ расписныя вывѣски: „*Молитвенное собраніе русскихъ евангельскихъ христіанъ баптистовъ*“, гдѣ открыто устраиваются публичныя сектантскія молитвенныя собранія и открыто раздается проповѣдь сектантскихъ лжепресвитеровъ съ общимъ пѣніемъ „псалмъ“ и съ приглашеніемъ православныхъ: взрослыхъ, юношей и дѣтей, почему и самыя собранія у сектантовъ называются: „призывными“; а что дѣлается по глухимъ селамъ и хуторскимъ трущобамъ?.. Тамъ слышится издѣвательство надъ православіемъ, какъ господствующей религіей государства, ибо сектантскіе миссіонеры и лжепроповѣдники совершенно безбоязненно и безнаказанно бродятъ вездѣ и всюду, словно лютые волки, и прикрываясь своимъ напускнымъ, фарисейскимъ смиреніемъ, расхищаютъ пугливыхъ и нетвердыхъ въ

вѣрѣ овецъ стада Христова, соблазняютъ простодушныхъ своими льстивыми рѣчами и много, много православныхъ гибнетъ, уходя изъ спасительной ограды Церкви въ пагубныя ереси!.. Дѣло доходить до того, что не отличаютъ христіанства отъ язычества, и нерѣдко, и совсѣмъ отрекаются отъ Христа, вступаютъ даже въ „язычество“ и язычество предпочитаютъ вѣрѣ православной, ибо, слыханное-ли дѣло, чтобы въ нашъ просвѣщенный, *христіанскій вѣкъ* и въ нашей православно—вѣрующей, первопрестольной столицѣ наряду съ храмами Богу Истинному могло воздвигаться и „языческое капище“¹⁾?.. А, вѣдь, это печальная *дѣйствительность* нашихъ дней, которой такъ радуются поборники „свободы вѣроисповѣданій“, эти „язычествующіе христіане“. Или, вотъ, послѣднія сообщенія, какія мнѣ съ болью сердца приходилось читать въ періодическихъ изданіяхъ и ежедневной прессѣ... Писали, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года въ Москвѣ состоялся „*всероссійскій съѣздъ русскихъ евангельскихъ христіанъ—баптистовъ*“, на которомъ участвовало сто делегатовъ; въ томъ же мѣсяцѣ въ Екатеринбургѣ состоялся „*первый всероссійскій съѣздъ старообрядцевъ—безпоповцевъ*“ при участіи ста делегатовъ²⁾... Въ первой половинѣ іюня мѣсяца минувшаго года у баптистовъ состоялся *всемирный съѣздъ въ Филадельфіи въ Америкѣ*... Сообщалось, что на этомъ „*Міровомъ баптистскомъ Союзѣ*“ „*Россія прямо не сходила съ языка ораторовъ, а за ними подъ ихъ диктовку и газеты перемывали Русь на всю косточки*“. „*Міровой Союзъ*“ усмотрѣлъ, что нынѣшняя Россія—самое благопріятное поприще для баптистской пропаганды, почва-де самая подходящая, а народъ—идолопоклонники, не христіане,—спасать ихъ хоть насильно, а надо!.. Публика неистовствовала (на съѣздѣ), готова была разнести наше правительство вдребезги, входила въ азартъ... и подъ горячимъ впечатлѣніемъ облапошена была своими же заправиллами чуть не на 100,000 долларовъ... на постройку спасительной станціи въ С.-Петербургѣ—баптистской семинарѣ!.. Этого мало: была предназначена еще болѣе кругленькая сумма—милліонъ долларовъ на сооруженіе баптистскаго европейскаго

¹⁾ По газетнымъ сообщеніямъ стало извѣстно, что въ г. С.-Петербургѣ съ надлежащаго разрѣшенія строится „*буддійскій храмъ*“.

Авторъ,

²⁾ „Харьк. Вѣдом.“ № 801; „Южн. Край“ № 10409.

университета, и тоже, если не окажется къ тому какихъ либо непреодолимыхъ препятствій, въ С.-Петербургѣ“¹⁾!..

Развѣ это не тяжкое наше „горе пастырское“? Развѣ все это не достойно нашихъ „пастырскихъ слезъ“, слезъ скорбныхъ, на подобіе тѣхъ слезъ Богочеловѣка-Христа, какія Онъ пролилъ при видѣ любимаго Имъ города Іерусалима, погибавшаго въ невѣріи, когда „заплакалъ о немъ и сказалъ: о, если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ что служишь къ миру твоему, но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ“. (Лук. 19, 41—42)!..

Ясно, дорогой другъ мой, что ожидаетъ въ наступившемъ новомъ году и пастырей-тружениковъ, святелей слова Божія на нивѣ Христовой; ты можешь видѣть съ кѣмъ намъ—пастырямъ церкви и въ новомъ году предстоитъ „воинствовать“ за вѣру Божию, вести борьбу за честь и славу св. Православной Матери-Церкви и дорогой Родины.. Враги грозятъ и пытаются сокрушить не только твердыни православія, но даже сокрушить основы христіанства: здѣсь, въ ихъ сообществѣ, и современные „модные“ писатели и беллетристы съ ихъ широкой и разнузданной проповѣдью атеизма и культа плоти; здѣсь—враги родины и всего святого социалисты и анархисты съ ихъ богохульной мечтой повсемѣстнаго вытравленія христіанства и уничтоженія въ челоуѣчествѣ самой идеи Бога; здѣсь—вся индифферентная и ни во что не вѣрующая интеллигенція, здѣсь—всѣ современные Пилаты и Христопродавцы—невѣры и изувѣры, безбожники и сектанты, вновь предающіе своими лжеученіями Христа на муки и осуждающіе Его на голгоескій Крестъ.. Враги Христа не дремлютъ: собираясь на свои то „всероссійскіе съѣзды“, то „Міровые Союзы“, они, подобно книжникамъ и фарисеямъ, вершатъ свои сатанинскіе замыслы о походѣ противъ „ненавистой имъ“ св. православной церкви, основанной Господомъ, какъ единой, истинной спасительницы для всѣхъ христіанскихъ народовъ на землѣ, и, трактуя объ открытіи у насъ въ нашей православной Россіи „баптистскихъ семинарій“ и „европейскихъ баптистскихъ университетовъ“, имѣютъ одну адскую цѣль: *подготовить и выставить въ переднихъ рядахъ своихъ болѣе искусныхъ и книж-*

¹⁾ Журн. „Ревнитель“ № 5—6 за 1911 г., стран. 29. Курсивъ нашъ. Авт,

ныхъ вожаковъ и проповѣдниковъ безбожія и сектантства, чтобы успѣшнѣе повести дѣло подрыва православія болѣе широкимъ распространеніемъ своихъ пагубныхъ лжеученій и обращеніемъ темныхъ, непросвѣщенныхъ народныхъ массъ въ сектантство! Съ этою же цѣлью они организуютъ среди себя „миссіонерскія общества“, „юношескіе и дѣвическіе кружки“, открываютъ „библейскіе курсы и вечера“, ставятъ для пропаганды лжеученій „благовѣстниковъ и миссіонеровъ“, собираютъ на исполненіе своихъ богопротивныхъ замысловъ громадныя денежныя средства... По статистикѣ русскихъ баптистовъ, изданной Фетлеромъ къ 1 января 1910 года, въ Россіи считалось: членовъ русскихъ баптистическихъ общинъ 10935, общинъ 149, пресвитеровъ и проповѣдниковъ 240, крещено было 1839 душъ!.. Грозныя цифры!.. Они, мнѣ кажется, краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ о томъ, какая опасность угрожаетъ нашей родинѣ съ подрывомъ православія и умноженіемъ сектантства, сколько душъ христіанскихъ гибнетъ внѣ спасительной ограды св. православной церкви и какихъ многочисленныхъ, сплоченныхъ, организованныхъ враговъ вѣры и родины мы имѣемъ въ лицѣ одного лишь баптизма!.. Что же сказать объ остальныхъ врагахъ вѣры и церкви?.. Не дремлютъ, конечно, и они: пользуясь пресловутой „свободой вѣроисповѣданій“, теперь всѣ они открыто заповолонили нашъ бѣдный православный русскій народъ и открыто сѣютъ всюду и всѣми способами лукавыя плевелы своихъ пагубныхъ и ложныхъ ученій—до современнаго безбожія.

Свящ. Николай Загоровскій.

(Продолженіе будетъ).

МИССІОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сектантскія самопротиворѣчія.

Всѣ сектанты раціоналисты, а въ томъ числѣ и баптисты, распространяя свои лжеученія среди простаго русскаго народа, начинаютъ обычно съ отрицанія обрядности и всякаго внѣшняго богопочитанія. Обычно нападаютъ на священныя изображенія, кощунственно называя ихъ идо-

лами, отрицають почитаніе креста и не признають святости и почитанія рукотворенныхъ храмовъ. При отрицаніи рукотворенныхъ храмовъ, для подтвержденія своихъ лжеученій, сектанты приводятъ и мѣста изъ св. Писанія, гдѣ человекъ именуется храмомъ (1 Петр. 2, 5; 1 Кор. 3, 16; 2 Кор. 6, 16; Евр. 3, 6 и др.) и на этомъ основаніи говорятъ, что не нужно строить храмовъ видимыхъ.

Кромѣ того, что лжетолкованія сектантовъ на приводимыя мѣста св. Писанія не выдерживаютъ никакой критики и разбиваются о камень здраваго разума, сами сектанты въ своей церковно-религіозной жизни проявляютъ самопротиворѣчія по данному вопросу.

Отрицають необходимость храмовъ, а между тѣмъ всѣ ихъ общины наперерывъ хлопчутъ предъ подлежащею властію о разрѣшеніи устроить молитвенный домъ и, устроая таковыя, даютъ имъ наименованіе „храмъ“. Сектантская литература даетъ прекрасныя иллюстраціи сказаннаго нами.

Въ № 28-мъ сектантскаго журнала „Баптистъ“ за 1911-й г. въ замѣткѣ „Всемирный конгрессъ Баптистовъ“ В. Павловъ, дѣлясь съ своими читателями впечатлѣніями отъ поѣздки въ Америку на конгрессъ, бывший въ г. Филадельфіи, между прочимъ описываетъ молитвенный домъ баптистовъ. „Храмъ или храмъ Благодати, какъ его называютъ, большая церковь, облицованная съ фронта натуральнымъ сѣрымъ гранитомъ и соединенная съ университетомъ. Внутренность этого молитвеннаго дома почти роскошна: сидѣнья мягкія, полы устланы коврами. Окна разноцвѣтныя съ разными символическими изображеніями и изображеніями великихъ мужей христіанства (?!). Органъ громадныи и стоитъ 30.000 долларовъ, но для рекламы уступленъ общинѣ фирмою, построившею его, какъ первый, за 15.000 долларовъ (30.000 рублей) и приводится въ дѣйствіе электрическими клавишами. Въ храмѣ могутъ помѣститься 4.000 слушателей. Изъ этого видно, что молитвенный домъ баптистовъ называется храмомъ Благодати, церковію. На какомъ же основаніи тотъ самый Павловъ, перу котораго принадлежитъ замѣтка, научаетъ русскихъ баптистовъ называть наши православныя храмы капищемъ, грудой камней? На какомъ основаніи, вообще, баптисты отрицають храмы, если

сами имѣютъ таковыя? Всѣмъ и каждому видны ихъ самопротиворѣчія.

Дальше. Баптисты отрицаютъ священныя изображенія и называютъ ихъ идолами. Но почему же они не отрицаютъ изображеній великихъ мужей христіанства, усмотрѣнныхъ тѣмъ же Павловымъ въ „храмѣ Благодати“ въ Филадельфій? Значитъ, если православные имѣютъ изображенія Спасителя, Божіей Матери и св. угодниковъ, такъ это, по баптизму, идолы, а если они имѣютъ изображенія мужей христіанства, такъ это не нарушаетъ заповѣди объ изображеніяхъ. Опять самопротиворѣчіе.

Конечно, наши русскіе баптисты могутъ сказать, что то все за границей, въ Америкѣ, а у насъ ничего подобнаго нѣтъ.

Такъ намъ на бесѣдѣ одна ярая баптистка и заявила: „я не вѣрю и не повѣрю, что у баптистовъ молитвенные дома называются храмами и что тамъ есть изображенія: это не баптисты, а православные“. Очень жаль, что намъ не было возможности увѣрить ярую баптистку такъ, какъ мы теперь имѣемъ возможность. Въ сектантской газетѣ „Утренняя Звѣзда“ въ № 1-мъ за 1912-й г. помѣщена замѣтка „Первый молитвенный домъ въ столицѣ Россіи“. Въ этой замѣткѣ помѣщено описаніе торжества „освященія“ баптистскаго молитвеннаго дома въ Петербургѣ. Пусть же всѣ ярые баптисты знаютъ, что не только въ Америкѣ ихъ молитвенные дома называются „храмомъ Благодати“, а уже и въ Россіи баптисты назвали свой молитвенный домъ „домъ Евангелія“, созданный, какъ читаемъ въ замѣткѣ, „по Волѣ нашего Господа“. Значитъ пришли къ заключенію, что безъ храмовъ обходиться нельзя и что они создаются по волѣ Господа.

Однако, хотя баптисты и пришли къ сознанію необходимости храмовъ, хотя и строятъ таковыя и называютъ ихъ „храмомъ Благодати“ и „домомъ Евангелія“, но настоящихъ храмовъ у нихъ нѣтъ и быть не можетъ; это мѣста сектантскихъ скопищъ, гдѣ не имя Божіе призывается, а все творится силою веельзевула (Мѣ. 12, 24), ибо храмы, какъ мѣста особаго присутствія Божія, у баптистовъ отняты за ихъ нечестіе, какъ было это и съ народомъ израильскимъ (3 Цар. 9, 6—7; Пс. 136; 2 Пар. 25, 3—4; Мѣ. 23, 37). Сек-

танты, собираясь въ свои дома, произносятъ вмѣстѣ съ израильтянами „завтра праздникъ Господу“, а того не замѣчаютъ, что служатъ не Господу, а тельцу (Исх. 32, 5).

Архимандритъ Арсеній.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи.

21 января с. г. Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній изволилъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію. Владыка прибылъ въ Семинарію въ 9^{1/2} часовъ утра, во время второго урока. Въ вестибюль зданія Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ ректоромъ Семинаріи прот. А. Юшковымъ и прослѣдовалъ въ классы на уроки. Въ теченіи двухъ часовъ Владыка посѣтилъ всѣ классы, а именно: 5-й классъ (урокъ Догматическаго Богословія), 4-й параллельный классъ (урокъ Св. Писанія), 3-й нормальный классъ (урокъ математики), 1-й параллельный классъ (урокъ французскаго языка), 4-й нормальный классъ (урокъ космографіи), 6-й классъ (урокъ дидактики), 1-й нормальный классъ (урокъ гражданской исторіи), 2-й нормальный классъ (урокъ нѣмецкаго языка) и 2-й параллельный классъ (урокъ исторіи русской литературы). Во всѣхъ классахъ Владыка интересовался отвѣтами учениковъ изъ пройденныхъ ими отдѣловъ наукъ. Особенное же вниманіе Владыки было обращено на отвѣты по Догматическому Богословію, Св. Писанію и космографіи. На урокѣ космографіи, слушая отвѣты учениковъ и самъ предлагая вопросы, Его Высокопреосвященство между прочимъ указалъ воспитанникамъ на важность этой науки и для богослововъ. „Небеса повѣдаютъ славу Божию... сказалъ Владыка, и дѣйствительно, изученіе звѣзднаго неба, стройнаго движенія небесныхъ свѣтилъ, невольно заставляетъ человѣка проникнуться сознаніемъ величія, премудрости и всемогущества Творца вселенной. Великіе изслѣдователи движенія небесныхъ тѣлъ были всегда глубоковѣрующими людьми“.

Затѣмъ, во время большой перемѣны Владыка осматривалъ спальныя комнаты воспитанниковъ и указалъ на то, чтобы постельное бѣлье мѣнялось возможно чаще и чтобы отнюдь въ спальняхъ

не оставлялось грязное бѣлье. Послѣ этого Его Высокопреосвященство посѣтилъ квартиру ректора и, откушавъ тамъ чаю, въ 12 часовъ, при колокольномъ звонѣ, отбылъ изъ Семинаріи въ свои Архіерейскіе покои.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго Женскаго Училища.

26-го сего января, въ четвергъ, Харьковское Епархіальное Женское Училище изволилъ посѣтить Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій. Прибывъ въ Училище въ 9^{1/4} ч. утра, когда начался 1-й урокъ, Его Высокопреосвященство въ сопровожденіи Начальницы Училища и инспектора классовъ направился по классамъ. Въ продолженіе 1-го и 2-го урока Владыка посѣтилъ слѣдующіе классы: 4-й норм., 3-й норм., 4-й пар., 5-й пар., 6-й пар., 6-й норм., 5-й норм. и 7-й педагогической. Въ каждомъ классѣ Его Высокопреосвященство интересовался изучаемыми предметами, самъ предлагалъ воспитанницамъ вопросы по проходимымъ отдѣламъ наукъ, слушалъ ихъ отвѣты или объясненіе наставниковъ, давая тѣмъ и другимъ руководящія указанія.

Въ 4-мъ норм. классѣ на урокѣ ариметики Владыка предлагалъ воспитанницамъ вопросы изъ урока на „правило смѣшенія“. Въ 3-мъ норм. классѣ на урокѣ церковно-славянскаго языка Владыка спрашивалъ воспитаницъ формы спряженія нѣкоторыхъ глаголовъ, склоненіе мѣстоименія „иже“ и др., а также предлагалъ перевести съ церковно-славянскаго на русскій языкъ изъ учебнаго Часослова тропарь „Срѣтенію Господню“—„Радуйся, благодатная Богородице Дѣво“... и кондакъ сего праздника.

На урокѣ рисованія въ 4 пар. кл. Владыка смотрѣлъ нѣкоторыя тетради воспитаницъ по рисованію; на урокѣ Закона Божія въ 5-мъ пар. классѣ Его Высокопреосвященство спрашивалъ воспитаницъ изъ церковной исторіи урокъ—„о св. Игнатіи Богоносцѣ, епископѣ Антиохійскомъ“, и „св. Поликарпѣ, епископѣ Смирняскомъ“, а также предлагалъ и другіе вопросы, напр.: съ какого событія ведетъ свое начало исторія христіанской Церкви, чѣмъ заканчивается ея изученіе въ 5-мъ классѣ и др. На урокѣ гигиены въ 6-мъ пар. классѣ Владыка интересовался изучаемымъ отдѣломъ—о питаніи человека, пищѣ рыбной и ея питательности, а также спрашивалъ о ядовитыхъ веществахъ, которыя въ ней иногда бываютъ. На урокѣ геометріи въ 6-мъ норм. классѣ Высокопреосвященный спрашивалъ

воспитаницъ объ изучаемыхъ геометрическихъ фигурахъ—параллелепипедѣ, параллелограммѣ, пифагоровой теоремѣ, о мѣрахъ длины—дюймѣ, футѣ и др. Здѣсь-же Владыка интересовался пройденнымъ по Закону Божию и изучаемымъ отдѣломъ въ этомъ классѣ изъ церковной исторіи. На урокъ французскаго языка въ 5-мъ норм. классѣ Владыка освѣдомлялся о количествѣ воспитаницъ, изучающихъ французскій языкъ. Въ 7-мъ дополнительномъ классѣ на урокъ гражданской исторіи Его Высокопреосвященство предлагалъ воспитаницамъ вопросы изъ урока объ Александрѣ I и графѣ Сперанскомъ, о судьбѣ этого государственнаго дѣятеля, спрашивалъ о томъ—былъ-ли онъ хорошимъ христіаниномъ, объ отечественной войнѣ и 100-лѣтнемъ юбилеѣ ея, имѣющемъ быть въ текущемъ году и др.

Посѣтивъ 8-мъ старшихъ классовъ Училища, Владыка изволилъ осматривать спальни воспитаницъ и физическій кабинетъ Училища, который въ прошломъ и текущемъ году пополненъ новыми физическими приборами, пріобрѣтенными на средства, ассигнованныя Епархіальнымъ съѣздомъ духовенства въ количествѣ 2000 руб. Изъ физическаго кабинета Владыка прошелъ въ училищную церковь, гдѣ изволилъ смотрѣть вновь устроенные кіоты для иконъ Озерянской Божіей Матери и Святителя Іоасафа Бѣлгородскаго на средства, собранныя путемъ пожертвованій г-жи Начальницы Училища, воспитательницъ и нѣкоторыхъ родителей воспитаницъ въ количествѣ 300 руб. Здѣсь-же въ храмѣ Владыка осмотрѣлъ мѣста на колоннахъ, на которыхъ предположено устроить еще 2 новыхъ кіота съ иконами на средства, жертвуемые Попечительницею Училища, Д. Д. Оболенскою, въ суммѣ 1000 руб.

Посѣтивши за симъ квартиру г-жи Начальницы Училища, гдѣ предложенъ былъ чай, Владыка изволилъ пожертвовать дѣтямъ на лакомства 25 руб. и, напутствуемый пѣвіемъ воспитаницъ „исполла-эти, деснота“, въ половинѣ 12-го отбылъ изъ Училища въ Архіерейскіе покои.

Инспекторъ классовъ, *протоіерей Іоаннъ Котовъ.*

Деревковское общество трезвости (Атырскаго уѣзда).

Водку пить—душу губить.

(Народная пословица).

Вглядываясь въ жизнь сельскаго люда, замѣчаешь, что всѣ болѣе или менѣе крупныя преступленія его непремѣнно имѣютъ связь съ „водкопитіемъ“. Кражи, поджоги, драки, ссоры, грѣхи противъ седьмой заповѣди, охлажденіе къ храму Божию, грубость,—все

это большею частью происходитъ подъ вліяніемъ водки. И народъ самъ сознаетъ, что водку пить, значитъ, душу губить, что пьяницы — пропащіе люди. Но сознавая это, онъ все-таки продолжаетъ пить и съ каждымъ годомъ выпиваетъ водки все больше и больше. Чѣмъ объяснить такое явленіе? У г. Петрова (бывшаго священника) одинъ мужикъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ такъ: „чаво ты мѣряешъ, какъ я пью, ведрами, аль рюмками, а горе то мое мѣряль?“ Но этотъ отвѣтъ относится къ единичнымъ случаямъ, а не къ общенародной массѣ. Въ общемъ народъ сельскій пьетъ въ силу традиціи—привычекъ и примѣровъ, передаваемыхъ старшими членами общины младшимъ. Прадѣды, дѣды и отцы наши пили и пьютъ, потому и мы пьемъ, говоритъ сельскій людъ. Въ этомъ наивномъ отвѣтѣ проетонародія заключена сущая правда. Дѣйствительно, простой народъ большею частью пьетъ по закону подражанія. Но почему пьянство по селамъ съ каждымъ годомъ прогрессируетъ?.. Въдѣ „монополія“ водки должна была сократить пьянство? Мнѣ кажется, что одной изъ главныхъ причинъ усиленія пьянства въ народѣ является развитіе тайной продажи водки. Тайные шинки—вотъ настоящіе бичи для народа. И днемъ, и ночью, и за деньги, и въ долгъ, и подъ залогъ вещей, и въ праздники, и подъ праздники идетъ продажа водки. И старымъ и малымъ—всѣмъ невозбранно продаютъ ее. И пьютъ всѣ до отвала: даже десятилѣтніе мальчики дѣлаютъ „кладчину“ на покунку водки... Все это я говорю сущую правду. Что будетъ дальше съ деревнею, страшно и подумать... Предчувствуется развалъ ея отъ водки. А полиціи и другимъ властямъ до этого какъ будто-бы нѣтъ никакого дѣла. Какъ рыбы, всѣ они молчатъ... Только одни священники встаютъ противъ этихъ кровопійцевъ, тайныхъ шинкарей. То общества трезвости они учреждаютъ, то въцерковныя чтенія и собесѣдованія ведутъ съ народомъ, то съ церковной кафедрой проповѣдуютъ о вредѣ пьянства. И дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи хотя и не блещетъ большими результатами, все-таки является не безплодной для народа. Въ подтвержденіе этого можно привести много фактическихъ данныхъ, но я останавлиюсь сейчасъ только на Деревковскомъ обществѣ трезвости... Это общество открыто было 1 января прошлаго года. Въ началѣ оно состояло только изъ шести душъ; въ настоящее же время оно состоитъ изъ восемнадцати душъ. По количеству членовъ оно, какъ видите, ничтожное. Но дѣло въ томъ, что эти восемнадцать душъ до открытія общества трезвости были прямо язвами въ деревнѣ. Они являлись не только разорителями своихъ семействъ, но и соблазнителями большинства въ

приходѣ. Эти 18 душъ въ свое время составляли прямо общество пьянства. Съ поступленіемъ-же въ общество трезвости они сдѣлались примѣрнѣйшими людьми. Такая перемѣна въ образѣ ихъ жизни, конечно, благотворно отразилась и на ихъ семействахъ. Лица у ихъ женъ и дѣтей стали такія веселыя и радостныя; появились чистота и опрятность и избытокъ въ хозяйствахъ ихъ. Жертва Богу и на храмъ Его возобновилась и хожденіе ихъ въ церковь Божию участилось. Словомъ, эти люди, сдѣлавшись трезвенниками, въ настоящее время являются почти первыми моими прихожанами. И какъ они теперь благодарны Богу и учредителю общества трезвости за привлеченіе ихъ въ это спасительное общество; но особенно рады теперь жены и дѣти этихъ трезвенниковъ. Я никогда не забуду того случая, какъ жена одного трезвенника проливала слѣзы благодарности за спасеніе ея мужа отъ пьянства.

Все члены общества трезвости дали „зарокъ“ не пить водки въ теченіе года (1911). Этотъ годъ прошелъ благополучно. Все они данный обѣтъ Богу и Пречистой Богородицѣ исполнили свято. Для укрѣпленія ихъ воли учредителемъ общества трезвости еженедѣльно вечеромъ читанъ былъ акаѳистъ Богородицѣ предъ Казанской иконой Бя и въ теченіи года предложено было для трезвенниковъ въ церковно-приходской школѣ двѣнадцать чтеній. Кроме этого каждый членъ общества снабжаемъ былъ и брошюрками—противъ пьянства, присланными въ достаточномъ количествѣ петербургскимъ Александро-Невскимъ обществомъ трезвости. Эти книжечки оказались весьма назидательными и понятно-написанными для народа. Цѣна каждой брошюрки копѣечная. Вотъ, еслибы такія книжечки священники выписывали и распространяли среди своихъ прихожанъ! Вліяніе ихъ поразительное.

Годовщину своего существованія наше общество трезвости праздновало 1 января сего 1912 года. Къ этому дню трезвенники за свой счетъ соорудили Казанскую икону Божіей Матери (въ 50 р.) и поставили её надъ царскими вратами съ такимъ приспособленіемъ, чтобъ она могла спускаться внизъ для служенія предъ нею молебновъ. Вотъ предъ этою иконою въ день годовщины трезвенники прежде всего и вознесли благодарственное моленіе Господу Богу и Его пречистой Матери—своей покровительницѣ и заступницѣ. Предъ акаѳистомъ учредителемъ общества сказано было и поученіе. „Сегодня, возлюб. братія и сестры, годовщина нашего общества трезвости. Малое наше стадо, но, слава Богу, обѣтъ данный нами не

пить водки въ теченіе года исполненъ свято. Благодаримъ же Тебя, Создатель, что Ты укрѣплялъ насъ своею помощію. Благодаримъ и Тебя, Владычице міра и наша Заступница, что ты невидимо поддерживала насъ въ борьбѣ съ соблазнами. Братія и сестры, я знаю, что никто изъ трезвенниковъ не жалѣеть о томъ, что онъ бросилъ и не пилъ зловреднаго яда въ теченіи года. Да и какъ жалѣть, если такъ очевидна польза отъ трезвости. Туда, гдѣ прежде былъ отъ водки прямо адъ, трезвость внесла миръ и тишину. Тамъ, гдѣ почасту у женъ и дѣтей слѣзы лились отъ пьянства мужа и отца, теперь радость у всѣхъ на сердцахъ. Тамъ, гдѣ отъ водки слышны были ругань и драка, теперь вѣтъ какъ бы благодатію Божию. И умъ у трезвенниковъ просвѣтлѣлъ, и совѣсть чище стала, и воля крѣпче, и денежныя дѣла начали поправляться, почетъ и уваженіе со стороны людей начали пріобрѣтаться. Да, я счастливъ, что пришлось мнѣ устроить въ нашемъ селѣ это общество трезвости. Но, понятно, все это сдѣлано по милости Всевышняго Бога и нашей Заступницы Богородицы. Дай-же, Боже, чтобы наше общество и въ наступившемъ новомъ году и впредь дало опять обѣтъ Богу не употреблять никогда водки—сего діавольскаго напитка. Дай Боже, чтобы и новые люди пристали къ нашему обществу. Вѣдь много еще есть среди насъ, братіе, такихъ, которые черезъ водку много горя приносятъ и себѣ и другимъ“.

Послѣ молебна трезвенники съ множествомъ другихъ прихожанъ прибыли въ церковно-приходскую школу, гдѣ имъ предложено было чтеніе. Читана была брошюра подъ заглавіемъ: „Исповѣдь старца“. Этотъ рассказъ старика, бывшаго пьяницею, такъ повліялъ на слушателей, что почти всѣ слушающіе во время чтенія плакали. Можно сказать, что этотъ рассказъ какъ бы минулъ головы присутствующихъ и прямо упалъ на сердца ихъ и затронулъ самыя симпатичныя и дорогія струны послѣднихъ. Прочитавъ „исповѣдь старца“, я обратился къ трезвенникамъ и сказалъ: „если водка доводитъ людей до такихъ ужасныхъ преступленій, то неужели вы рѣшитесь опять пить её? На это мое замѣчаніе трезвенники отвѣтили мнѣ тѣмъ, что всѣ они тотчасъ пошли въ храмъ Божій, гдѣ въ виду престола Божія предъ Казанскою иконою Божіей Матери дали обѣтъ Богу не пить водки и въ наступившемъ 1912-мъ году...

Священникъ Андрей Сагарда-Николенко.

Деревки.

Наша экскурсія 1911 года.

(Воспоминанія экскурсантокъ-воспитанницъ Харьковскаго Епархіального жен. учил.).

Цѣлью нашей экскурсіи 1911 года было посѣтить слѣдующія мѣста: Петербургъ и Волгу, отъ Ярославля до Самары, съ остановкой, кромѣ названныхъ городовъ, въ Костромѣ и Нижнемѣ.

Выѣхали мы изъ Харькова 9-го іюня, въ числѣ 30 человекъ: Г-жи Начальницы Училища, 4 воспитательницъ и 25 воспитанницъ.

10 іюня утромъ мы были въ Москвѣ. Здѣсь намъ предстояло, въ ожиданіи пересадочнаго поѣзда, пробыть нѣсколько часовъ. Мы поспѣшили въ Кремль, гдѣ успѣли осмотрѣть Кремлевскіе соборы, памятникъ Царю-Освободителю, Царь-колоколъ, Царь-пушку, а также дворецъ съ его великолѣпными залами и покои Царя Алексѣя Михайловича. По пути въ Кремль мы прошли на Красную площадь, чтобы посмотрѣть на памятникъ Минину и Пожарскому и на церковь Василія Блаженнаго. Къ сожалѣнію, мы должны были этимъ ограничить осмотръ Москвы, такъ какъ опасались опоздать къ поѣзду.

11-го іюня прибыли въ Петербургъ. Первое, что мы увидѣли, вышедши изъ Николаевскаго вокзала, это памятникъ Императору Александру III-му: всадникъ-богатырь на такомъ же могучемъ конѣ.

Остановились мы въ Исидоровскомъ Епархіальномъ училищѣ. 8 дней посвятили мы осмотру столицы и старались использовать каждый часъ пребыванія въ ней.

Ближайшая святыня отъ мѣста нашей остановки—Алекса́ндро-Невская Лавра. Въ первый же день нашего пріѣзда мы отправились туда для поклоненія мощамъ св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, которыя почиваютъ въ Лаврскомъ соборѣ. Богатая серебряная рака св. мощей осѣнена серебрянымъ балдахиномъ. Сверхъ него возложена подушка съ царскими регаліями. По обѣ стороны раки на особыхъ пьедесталахъ помѣщены знамена и доспѣхи Великаго Князя. Направо предъ св. ракой—Нерукотворенный образъ Спаса. Въ серебряную позолоченную ризу его вставлена частица ризы Господней. Она прикрыта плоскимъ камнемъ, кругомъ украшеннымъ брилліантами, а надъ нимъ—маленькая брилліантовая корона. Соборъ великъ и красивъ. Живопись прекрасная. Въ Алекса́ндро-Невскую лавру мы заходили не разъ. Были и на вечернемъ богослуженіи въ самомъ соборѣ, и на литургіи въ Благовѣщенской церкви. Эта церковь, какъ и Духовская—смежная съ нею,—служить усыпальницей нѣкоторыхъ лицъ Царской фамиліи и именитыхъ русскихъ людей. Весь полъ Духовской церкви состоитъ изъ надгробныхъ

плить съ надписями. Въ Благовѣщенской церкви находится за лѣвымъ клиросомъ гробница великаго Суворова: простая бѣлаго мрамора плита и на ней лаконическая надпись: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“. Нужно-ли прибавлять что больше?

Не разъ мы гуляли по прекраснымъ кладбищамъ, окружающимъ лаврскіе соборы, любуясь чудными памятниками. Переходишь отъ одного къ другому и въ восхищеніи не знаешь, какому отдать предпочтеніе. Но не только красота отдѣлки заставляла насъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться предъ гробницами: лучшимъ украшеніемъ многихъ изъ нихъ служитъ написанное на нихъ славное имя, которое мы съ дѣтства привыкли повторять съ любовью. Такъ, мы нашли памятники Крылова, Достоевскаго, Гончарова; Жуковскаго съ надписью: „Въ память вѣчную знаменитаго пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“. На памятникѣ же Ломоносова написано: „Разумомъ и науками превосходному, знатнымъ украшеніемъ отечеству послужившему, краснорѣчія, стихотворства и гисторіи російской учителю, мусіи первому въ Россіи безъ руководства изобрѣтателю, преждевременно смертію отъ музъ и отечества на дняхъ св. Пасхи 1765 года похищенному“. Здѣсь же могилы Чайковскаго, Рубинштейна, Сѣрова, Бородина, Мусоргскаго и Глинки, съ изображеніемъ музыкальныхъ строкъ изъ его оперы, со словами: „Славься, славься, святая Русь!“ Тутъ же болѣе позднія могилы—Комиссаржевской и славныхъ героевъ русско-японской войны: Кондратенко, Лесевича и многихъ др., и изящнѣйшій памятникъ Стасову.

Мы осматривали также лаврскую ризницу и музей. Много интереснаго нашли мы здѣсь. Въ одной изъ комнатъ стоятъ модели прежняго лаврскаго собора и нынѣшняго; письменный столъ изъ моржевой кости, принадлежавшій Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; посохъ изъ слоновой кости, выточенный Петромъ Великимъ; его крвать, гдѣ онъ отдыхалъ, посѣщая лавру; мраморный бюстъ его; шапка и оплечья св. Александра Невскаго. Особенно много вещей изъ моржевой и слоновой кости тончайшей работы. Между прочимъ, есть святцы, выточенные на перламутрѣ крестьяниномъ Архангельской губ. Верещагинымъ. Они имѣютъ видъ четырехугольной въ 5 вершковъ доски. На ней 12—по числу мѣсяцевъ—красиво расположенныхъ квадратиковъ, а на послѣднихъ выточены миниатюрнѣйшія изображенія святыхъ, на каждый день мѣсяца. Работа поразительная. Чудная работа художника Боровиковскаго изъ мрамора: положеніе Спасителя во гробъ. Есть также оригинально украшенное кресло, поднесенное митрополиту Исидору отъ братіи лавры. Всѣ

части его представляют какіе-нибудь атрибуты архіерейской власти: тутъ и посохъ, и свѣчи, и клобукъ, и митра, и мантия, дикирій, трикирій, рипиды. Кромѣ того, на немъ же находятся эмблемы Евангелистовъ: орелъ, левъ, телець и ангель.

Направляясь къ намѣченнымъ для осмотра мѣстамъ, мы обращали вниманіе на все значительное, что попадалось на пути. Проѣзжая по Невскому, мы любовались и прекрасной широкой улицей полной движенія, пересѣкаемой по всѣмъ направленіямъ трамваями, автомобилями, экипажами и богатыми зданіями, высокими, красивыми и художественными памятниками. Вотъ дворець Великаго Князя Сергѣя Александровича, дальше собственный Его Величества дворець Аничковъ, къ которому примыкаетъ Аничковъ мостъ, съ четырьмя конными фигурами работы Клодта, исполненными необыкновенно живо. За мостомъ огромнѣйшій Гостинный дворъ, памятникъ Екатеринѣ Великой, Александринскій театръ, Публичная Императорская Библіотека, Казанскій соборъ, а еще дальше, немного въ сторону отъ Невскаго проспекта, самый большой изъ всѣхъ Петербургскихъ храмовъ—величественный Исаакіевскій соборъ.

Исаакіевскій соборъ выстроенъ въ память Императора Петра Великаго, родившагося въ день св. Исаакія Далматскаго, 30 мая. Трудно представить что либо величественнѣе, какъ по размѣрамъ, такъ и по богатству. Гранитныя стѣны собора и снаружи и внутри облицованы мраморомъ. Портнки его поддерживаются колоннами изъ цѣльнаго гранита. Такихъ колоннъ 48. Куполь тоже снизу окруженъ 24 цѣльными колоннами. Надъ этой колоннадой находится 24 литыхъ изъ бронзы изображеній ангеловъ. Группы колѣнопреклоненныхъ ангеловъ расположены и по угламъ крыши храмовъ. Верхъ купола золоченный. Размѣры собора такъ велики, что находящееся въ куполѣ изображеніе св. Духа въ видѣ бѣлаго голубя, величиню въ сажень, кажется снизу обыкновенной величины. Иконостасъ трехъярусный, бѣлаго мрамора съ бронзой. Онъ украшенъ 8-ю малахитовыми колоннами. Возлѣ Царскихъ вратъ двѣ драгоцѣннѣйшія колонны изъ ляписъ-лазури съ золотыми жилками. Царскія врата сдѣланы изъ вылощенной бронзы и очень массивны. Почти всѣ образа иконостаса исполнены мозаикой. Иконы 1-го яруса работы художника Нефа, 2-го Брюллова, а 3-го Живаго. Изъ другихъ образовъ особенное вниманіе наше обратили: образъ *Нерукотвореннаго Спаса*. Вънець его украшенъ чудными брилліантами. Этотъ образъ—даръ Императора Александра II-го. Съ правой стороны находится особо

чтимая икона *Тихвинской Божіей Матери*. По лѣвую сторону богатый образъ *Корсунской Божіей Матери*. Въ алтарѣ находится образъ *Воскресшаго Спасителя*, написанный на стеклѣ запрестольнаго окна. Въ соборѣ хранится въ особомъ драгоценномъ ковчегѣ *частица Животворящаго Креста Господня*. Эта частица вмѣстѣ съ частицею мощей св. Андрея Первозваннаго заключены въ крестъ, вдѣланный въ серебряный окладъ. Обращаетъ вниманіе красотой и богатствомъ плащаница. Гробница ея украшена эмалью на серебрѣ, а покровъ—серебряный шитый золотомъ. Замѣчательны входныя двери: бронзовыя, массивныя, около 1200 пудовъ вѣсомъ. На внутренней сторонѣ ихъ рельефно изображены событія на однихъ—изъ жизни св. ап. Петра, а на другихъ—ап. Павла.

Противъ Исаакіевскаго собора воздвигнутъ памятникъ Императору Николаю I-му. Государь изображенъ въ парадной формѣ верхомъ на лошади. По угламъ пьедестала расположены символическія фигуры, олицетворяющія правосудіе, силу, вѣру и мудрость. Стороны пьедестала украшены изображеніями событій изъ царствованія Императора Николая Павловича.

Въ этомъ же районѣ въ Маріинскомъ дворцѣ помѣщается Государственный Совѣтъ. Благодаря визитной карточки члена Государственнаго Совѣта, протоіерея Т. И. Буткевича, бывшаго Предсѣдателя Совѣта нашего училища, насъ безпрепятственно пропустили въ залъ засѣданій и другія помѣщенія, гдѣ обсуждаются государственныя дѣла. Все это было такъ необычно и такъ интересно для насъ.

Затѣмъ мы увидѣли громадныя зданія Сената и Синода, соединенныя аркой, а около нихъ, на Сенатской площади, хорошо знакомый намъ памятникъ Петру I-му. На громадной, дикой скалѣ, служащей основаніемъ для „Мѣднаго Всадника“, надпись: „Петру Первому, Екатерина Вторая. Лѣта 1782“. Увѣнчанный лаврами могучій всадникъ властнымъ движеніемъ протянутой руки указываетъ на великолѣпный городъ, воздвигнутый его желѣзной волей и энергіей. Онъ весь—стремленіе, весь—сила.

„Какая дума на челѣ!

Какая сила въ немъ сокрыта!

А въ семь конѣ какой огонь!

Куда ты скачешь, гордый конь,

И гдѣ опустишь ты копыта?

О, мощный властелинъ судьбы!

Не такъ ли ты надъ самой бездной,

На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?“

(„Мѣдный Всадникъ“ Пушкина).

Поднявшійся на дыбы конь гиганта—всадника попираетъ копытами змѣю, олицетворяющую собою невѣжество.

Казанскій соборъ уступаетъ Исаакіевскому по величинѣ, но отличается необыкновенной соразмѣрностію. Онъ прекрасно освѣщенъ, чего нельзя сказать объ Исаакіевскомъ соборѣ, а колонны снаружи и внутри его придаютъ архитектурѣ что-то своеобразное. Этому впечатлѣнію способствуютъ также красующіеся на стѣнахъ и колоннахъ храма трофеи русскихъ побѣдъ: громадныя ключи отъ крѣпостей и городовъ, взятыхъ русскими войсками въ Отечественную войну; маршальскій жезлъ Даву и болѣе ста знаменъ, отбитыхъ у непріятеля въ ту же войну. Нѣкоторыя изъ этихъ знаменъ очень обветшали и ихъ лохмотья краснорѣчиво говорятъ о жаркихъ сраженіяхъ и тяжелыхъ трудахъ, которыми достигается безопасность отечества. Храмъ очень богатъ. Иконостасъ и рѣшетка соеи обложены серебромъ, отбитымъ Донскими казаками у французовъ, похитившихъ его изъ русскихъ церквей. На иконостасѣ, по обѣимъ сторонамъ Царскихъ вратъ, есть надпись: „Усердное приношеніе Донскаго Войска“. Главную святыню собора составляетъ чудотворный образъ *Казанской Божіей Матери*. Это мѣстная икона главного алтаря. Риза ея такъ красива и драгоценна, что, во избѣжаніе соблазновъ, одѣвается только въ двенадцатые праздники, въ остальное же время она тщательно хранится въ ризницѣ. Съ правой стороны средняго храма находится Царское мѣсто, сдѣланное изъ мрамора. Подъ вызолоченнымъ императорскимъ гербомъ золоченая надпись: „Сердце Царево въ рудѣ Божіей“. Царскому мѣсту слѣва соответствуетъ проповѣдническая кафедра тоже съ золоченою надписью: „Приидите, послушайте, страху Господню научу васъ“. За кафедрой образъ св. Іоанна Златоуста. Съ южной стороны собора устроена Голгоѳа. Это большое прекрасно исполненное изображеніе распятаго Спасителя, Богоматери и любимаго ученика Господня, на подобіе того, которое находится въ Іерусалимѣ. Голгоѳа сооружена въ память чуда, совершившагося надъ Царскою Семьею 17-го октября 1888 года. Къ достопримѣчательностямъ собора относится также гробница князя Кутузова Смоленскаго, окруженная чугуною рѣшеткою съ бронзовыми украшеніями. На стѣнѣ надъ гробницею гербъ свѣтлѣйшаго князя, а надъ нимъ изображеніе чуда отъ иконы Казанской Б. М. въ Москвѣ. По обѣимъ сторонамъ входныхъ западныхъ дверей по-

мѣщены на аспидныхъ доскахъ рельефные портреты Императоровъ Павла I-го и Александра I-го, въ царствованіе которыхъ совершилось построение храма. На доскахъ надпись: „Соизволеніемъ Павла I-го начата 1801 г.“. На другой: „Попеченіемъ Александра I-го окончена 1811 года“. Передъ храмомъ, въ небольшомъ скверѣ, стоятъ памятники героямъ 1812 года: Кутузову и Барклай-де-Толли.

Въ изяществѣ отдѣлки и великолѣпіи ничуть не уступаетъ двумъ первымъ соборамъ храмъ Воскресенія Христова на мѣстѣ смертельнаго пораженія Императора Александра II-го, или, какъ говорятъ въ Петербургѣ, храмъ „*Воскресенія на крови*“. Онъ не такъ великъ, но и снаружи, и внутри каждый уголокъ, каждый кусочекъ его—художественное произведеніе искусства. Снаружи цоколь его облицованъ снизу гранитомъ, а вверху—мраморомъ, стѣны же обложены маіоликой различныхъ тоновъ, расположенныхъ въ видѣ крестовъ и др. узоровъ. Образа фасадовъ мозаичные, работы мастера Фролова. Храмъ имѣетъ 9 главъ самой разнообразной формы и отдѣлки. Нѣкоторыя изъ нихъ золотыя, а другія украшены разноцвѣтной эмалью. Въ наружномъ цоколѣ храма помѣщено 20 гранитныхъ плитъ съ надписями, рисующими все славное царствованіе Царя-Мученика отъ дня его рожденія, 1818 г. 17 апрѣля, („четверостишіе изъ стихотворенія Жуковского“) до послѣднихъ завоеваній 1860—1881 г. Эти нѣмыя плиты своими золотыми письменами гласятъ о великихъ дѣяніяхъ, совершенныхъ незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ, о его гуманнѣйшихъ реформахъ и славныхъ завоеваніяхъ. Наружныя стѣны колокольни украшены гербами всѣхъ русскихъ губерній.

Въ западной части храма, надъ мѣстомъ ужаснаго злодѣянія, воздвигнута стѣна, поддерживаемая 4 колоннами изъ сѣровато-фіолетовой яшмы. Стѣна увѣнчана крестомъ изъ бѣлыхъ топазовъ—даръ Императора Александра III-го. Такой же крестъ помѣщенъ въ сводѣ стѣны. Мѣсто, гдѣ была пролита кровь Царя-Мученика, не покрыто поломъ. Бульжники мостовой, обогранные кровью, остались въ такомъ же положеніи, какъ и въ часъ катастрофы. Эти простые грубые камни, съ темными пятнами крови на нихъ, среди окружающаго великолѣпія производятъ потрясающее впечатлѣніе. Передъ этой часовенкой находятся стеклянныя двери, отдѣляющія лѣвый придѣлъ храма. Противъ нихъ—такія же стеклянныя двери, ведущія къ выходу изъ храма. Въ этихъ двухъ зеркальных стеклахъ часовня отражается такъ ясно, что получается оптический обманъ: видишь отчетливо еще двѣ часовни. Только когда мы подошли вплотную къ тѣмъ и другимъ дверямъ и открыли ихъ, то убѣдились, что часовня

одна. Нижняя часть внутреннихъ стѣнъ храма изъ пестраго, зеленоватаго калабрійскаго мрамора, а верхъ—мозаика работы Фролова, большею частію по картинамъ художника Бѣляева. Полъ мраморный. Колонны изъ русскаго лабрадора. Иконостасъ изъ итальянскаго мрамора, причеиъ снизу мраморъ болѣе темныхъ тоновъ постепенно переходитъ въ бѣлый ажуръ тончайшей работы. Образа иконостаса мозаичные, выполненные по картинамъ художниковъ Васнецова, Нестерова, Бруни, Шаховскаго, Бодоревскаго. Царскія врата, а также сѣверныя и южныя двери изъ оксидированнаго серебра. Образа на нихъ изъ эмали. Три топазовыхъ креста (даръ Императора Александра III-го) вѣнчаютъ ихъ. Клиросы сдѣланы изъ розоваго орлеца. Нѣкоторыя кіоты необыкновенно драгоценны. Они высѣчены изъ твердой орской яшмы, поддающейся съ трудомъ только алмазу. Одинъ такой кіотъ вытачивался 12 лѣтъ. Въ этихъ драгоценныхъ кіотахъ заключены чудныя по работѣ и богатству образа, большею частію пожертвованія какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ цѣлыхъ обществъ и городовъ. Такъ, драгоценныя иконы, шитыя жемчугомъ, отъ городовъ Москвы, Сумъ, отъ Донскихъ казачекъ; мозаичный образъ св. Николая Чудотворца отъ мужской комнатной прислуги; образъ, усыпанный брилліантами и др. драгоценными каменьями, поднесенный Императору Александру II-му отъ дѣтей—даръ Императрицы Маріи Феодоровны. Драгоценна и плащаница этого храма: она шита золотомъ по серебряному глазету, а футляръ ея украшенъ эмалью по бронзѣ. Красоту этого дивнаго храма усиливаетъ еще необыкновенное освѣщеніе: стекла алтарныхъ оконъ отличаются свойствомъ придавать пропускаемому имъ свѣту какую то необыкновенную прозрачно-голубоватую окраску.

Недалеко отъ храма *Воскресенія на крови* находится Конюшенный Музей, въ которомъ сохраняются царскіе экипажи. Въ 1-й комнатѣ музея стоитъ чучело лошади Императора Николая I-го—„Лорда“. Въ слѣдующихъ комнатахъ находятся, блестящія золотомъ, коронаціонныя кареты и прежніе старинные экипажи. Между другими экипажами мы увидѣли карету Государя Императора Александра II-го, разбитую бомбой 1-го марта 1881 года, и сани полиціи-мейстера, на которыхъ Царственный Страдалецъ былъ отвезенъ во дворецъ. Съ тяжелымъ чувствомъ остановились мы передъ этими нѣмыми свидѣтелями ужаснаго злодѣянія.

(Продолженіе будетъ).

Иноепархіальный отдѣлъ.

Московскій Епархіальный съѣздъ.

1-го ноября пр. г. въ вечернемъ засѣданіи епархіальнаго съѣзда протоіерей Б. Ѡ. Соболевъ сдѣлалъ докладъ о задачахъ приходскаго пастыря и о жизни православнаго прихода. Заключение реферата сводятся къ слѣдующему: 1) въ виду того, что моментъ, переживаемый родиной, громко диктуетъ о страдающихъ отъ недорода, необходимо просить высокопреосвященнаго Владиміра о разрѣшеніи производить сборъ въ храмахъ въ пользу пострадавшихъ отъ недорода; 2) въ виду умноженія сектантства въ различныхъ видахъ слѣдуетъ озаботиться приобрѣтеніемъ для церквей хотя небольшой литературы, которая обличаетъ несостоятельность сектантства, социализма и толстовскаго ученія; 3) необходимо просить митрополита о введеніи въ Духовной Академіи и духовныхъ семинаріяхъ Московской епархіи предмета сектовѣдѣнія со слѣдующаго учебнаго года; 4) необходимо приблизить пастырскую проповѣдь къ жизни пасомыхъ, чтобы она съ любовью къ пасомымъ освѣщала темныя стороны жизни во всей ихъ наготѣ и пагубности; 5) необходимо обратить вниманіе на совершеніе богослуженія не въ смыслѣ особенной его продолжительности, а въ смыслѣ благообразности въ пѣніи, раздѣльности въ чтеніи и одухотворенности; 6) необходимо образовать комиссію для разработки вопросовъ, которые ставить къ рѣшенію сама приходская жизнь и въ эту комиссію вносить всѣ сообщенія пастырей и факты изъ приходской жизни, особенно яркіе, характерные и идейные; 7) въ виду общественнаго сознанія, ожидающаго отъ самодѣтельности приходскихъ совѣтовъ особеннаго оживленія приходской жизни, необходимо озаботиться сформированіемъ этихъ совѣтовъ. Членамъ этихъ совѣтовъ должно быть предоставлено право вмѣстѣ съ пастырями открывать приходскія Общества трезвости на самыхъ широкихъ началахъ самодѣтельности, учреждать чайныя, столовыя, аптеки и другія полезныя учрежденія.

По поводу доклада протоіерея Соболева, между прочимъ, высказался священникъ В. И. Востоковъ, который, говоря о тяжеломъ положеніи приходскаго пастыря при современныхъ условіяхъ, указалъ на необходимость Церковнаго Собора, который одинъ въ состояніи устранить многія нестроенія въ жизни Православной Церкви.

Съѣздъ избралъ комиссію для разработки вопросовъ, которые ставить приходская жизнь. Въ эту комиссію вошли: протоіерей В. Ѳ. Соболевъ, протоіерей І. И. Фудель и священникъ В. И. Востоковъ.

О веденіи церковныхъ лѣтописей.

Отъ 20 декабря 1911 г. Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Новгородскій, обратился съ слѣдующимъ предложеніемъ къ духовенству Новгородской епархіи о веденіи церковныхъ лѣтописей:

„На обязанности причтовъ и монастырскихъ начальствъ лежитъ веденіе церковныхъ лѣтописей, на основаніи указа Св. Синода 1866 года, по программѣ, одобренной Св. Синодомъ и преподанной въ свое время къ руководству по епархіямъ. Важное значеніе лѣтописей опредѣляется тѣмъ, что въ нихъ должны записываться всѣ выдающіяся событія изъ общественной, епархіальной и, главнымъ образомъ, мѣстной приходской жизни. Представляя въ такомъ видѣ серьезный и цѣнный матеріалъ для исторіи, археологіи, этнографіи и для другихъ наукъ, онѣ могутъ быть весьма полезными преимущественно для мѣстно-приходской и пастырской жизни. Въ пастырской дѣятельности радости и скорби смѣняются другъ друга. То пастырь съ отрадою замѣчаетъ, что прихожане, внимая его голосу, стараются освободиться отъ обуявшихъ ихъ пороковъ и заблужденій и преуспѣваютъ въ религіозно-нравственной жизни; то, наоборотъ, съ сердечною болью видитъ, какъ съ ужасной быстротой, подъ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ, разростается зло среди прихожанъ, которое онъ не въ состояніи остановить, не смотря на всѣ свои старанія. Эти пастырскія радости и скорби должны быть вносимы въ лѣтописи, давая такимъ образомъ картину приходской жизни за извѣстный періодъ времени, показывая преуспѣяніе или же, наоборотъ, умаленіе религіозно-нравственной жизни прихода. Лѣтописи также должны быть показателями тѣхъ средствъ, какія употребляются пастыремъ для усовершенствованія своихъ прихожанъ въ подвигахъ спасенія, равно какъ и той борьбы, какую онъ ведетъ къ искорененію пороковъ среди ввѣренной ему наставы. Имѣя значеніе для самого пастыря который путемъ веденія такихъ записей будетъ усматривать положительный или отрицательный ростъ своихъ прихожанъ, лѣтописи окажутъ неопцѣнимую услугу для преэминиковъ. Рисуя жизнь прихода за десятки лѣтъ священства и открывая все, что было предпринимаемо пастыремъ къ исправленію и подъему приходской жизни за извѣстный періодъ времени, церковная лѣтопись явится для молодого священника своего рода ду-

ховнымъ завѣщаніемъ, оставленнымъ ему его предшественникомъ въ назиданіе и руководство,—какъ, въ какомъ духѣ, въ какомъ направленіи, съ какими средствами должно продолжать ему веденіе приходскаго дѣла. Съ лѣтописью подъ руками новый настоятель прихода быстро войдетъ въ курсъ приходской жизни, не растеряется, не почувствуетъ себя въ безпомощномъ состояніи, не растратитъ понапрасну запаса эвергіи на такія начинанія, которыя оказались бы неудобно-исполнимыми при наличныхъ условіяхъ, или нашли уже себѣ то или иное осуществленіе въ приходѣ при прежнихъ настоятеляхъ и требуютъ только продолженія и поддержки со стороны его преемника.

Несмотря на такую очевидную важность церковныхъ лѣтописей, онѣ, къ сожалѣнію, какъ я убѣдился во время ревизіи епархіи, не вездѣ ведутся, а если и ведутся иными пастырями, то—не съ должною тщательностію и полнотою, несвоевременно и неаккуратно. Иныя, напр., лѣтописи за цѣлый годъ ограничиваются слѣдующею краткою замѣткою: „въ.... году не было ничего замѣчательнаго“ (Sic!)...

Поэтому прошу о.о. благочинныхъ, чтобы они при обзорѣнн церквей непременно просматривали приходскія лѣтописи и усмотрѣнные недостатки и невѣрности исправляли, а также давали бы нужныя наставленія по этому дѣлу. Благочинные должны утверждать своими подписями лѣтописи послѣ подписи причта, и въ своихъ полугодичныхъ отчетахъ доносить мнѣ, вездѣ-ли ведутся причтами лѣтописи. Лѣтописи монастырей ведутся настоятелями и настоятельницами, или подъ особымъ надзоромъ ихъ, а повѣряются благочинными по истеченіи года. При обзорѣнн Преосвященнымъ епархіи, причты должны представлять на ихъ просмотръ книгу лѣтописи вмѣстѣ съ другими церковными документами. („Новг. Еп. Вѣд.“).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Важнѣйшія юридическія разъясненія въ огражденіе церковныхъ земель и водъ отъ постороннихъ захватовъ.

На страницахъ „Псковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ священникъ Алмазовъ дѣлится своими юридическими познаніями по вопросу о владѣнн земельною собственностію церквей.

„По мѣсту моего священства въ двухъ сельскихъ приходахъ,

—говорить авторъ, мнѣ пришлось провести много сложныхъ и запутанныхъ земельныхъ дѣлъ, начиная отъ канцеляріи земскаго начальника и кончая судебнымъ заломъ С.-Петербургской судебной палаты. Начиналъ я, конечно, съ адвокатовъ. Но когда убѣдился, что у каждаго адвоката на первомъ мѣстѣ плата, безотносительно къ тому: выигралъ или проигралъ дѣло, то взялся самъ за изученіе законовъ и веденіе дѣлъ. По отсутствію юридическаго образованія и судебной практики, въ первое время, конечно, допускалъ много промаховъ. Однако, рукъ не опускалъ и въ результатѣ изъ послѣдней судебной инстанціи всегда возвращался съ побѣдой въ пользу церковнаго достоянія.

Обращаю вниманіе, прежде всего, на 563 ст. X тома, которая всѣхъ юридически неопытныхъ вводитъ въ печальное заблужденіе. „Межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія, равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ; права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы они опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными, и всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ должны быть разрѣшаемы въ отношеніи окружности дачи, законами о размежеваніи земель“, (1845 года апрѣл. 23). Такъ гласитъ эта статья. На основаніи буквального смысла ея каждый землевладѣлецъ, возобновляя только межевые признаки, считаетъ себя совершенно спокойнымъ за цѣлость своей земли. А вотъ тутъ и можетъ оказаться страшная и непоправимая ошибка. Правительствующій Сенатъ и, на основаніи его разъясненій, судебныя палаты—съ окружными судами—понимаютъ эту статью такъ, что генеральная межа шириною въ сажень на всемъ своемъ протяженіи не подлежитъ давности, но на все то, что за межою—давность простирается, и споры объ этихъ захватахъ никогда не могутъ быть разрѣшены „законами о размежеваніи земель“, а исключительно судебно-исковымъ порядкомъ. Сколько въ этомъ случаѣ представляется искушеній благодущію и добротѣ о.о. настоятелей. Является бѣднякъ и проситъ поселиться или проситъ не гнать его, если онъ поселился при прежнемъ настоятелѣ. Ну, какъ не разчувствоваться сердобольному батюшкѣ при видѣ этой „сироты“. Такъ и живетъ человѣкъ нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ документовъ, по милости о. настоятеля, уважаетъ его и молится о здравіи его. Но вотъ проходитъ 6 мѣсяцевъ, и эту „сироту“ уже и земскій начальникъ не можетъ прогнать. А когда прошло 10 лѣтъ, его не можетъ прогнать и Сенатъ, и своему о. благодѣтелю

поселившійся на церковной землѣ уже и шапочки не кривить, потому что наступила земская давность. Потому, о.о. настоятелямъ нельзя безъ контрактовъ, засвидѣтельствованныхъ, а еще прочнѣе, внесенныхъ въ книгу договоровъ волостного правленія, ни одного пришельца пускать за церковную межу.

Теперь о земской давности. Этимъ правомъ особенно смущаться не приходится. Давность—вещь очень обусловленная и растяжимая, а посему и побѣдимая. Законъ для признанія давности предъявляетъ очень много серьезныхъ требованій и условій, въ силу которыхъ можно разбить не только десятилѣтнюю, но и столѣтнюю давность. Въ своемъ рѣшеніи отъ 1893 года Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ давность на церковныя земли. Правда въ 1902 году онъ же снова простеръ земскую давность на церковныя земли, но въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что согласно 401 ст. IX тома, церковныя земли не отчуждаемы, какъ вѣчное Божіе достояніе. А принимая во вниманіе, что на церковной землѣ, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ настоятелей, на одномъ году бываетъ нѣсколько хозяевъ, если бы въ 1902 году нашелся бы энергичный церковный дѣятель и по какому-нибудь дѣлу 1-го Департамента Сената перенесъ бы на общее собраніе всѣхъ кассац. департаментовъ Правительствующаго Сената, то это высшее судебное учрежденіе, несомнѣнно, навсегда отмѣнило бы земскую давность на церковныя земли... Потому, нельзя халатно относиться къ судебнымъ рѣшеніямъ относительно церковныхъ земель. Въ особенности это нужно сказать относительно рѣшенія земскаго начальника, съѣзда и губернскаго присутствія. Всегда слѣдуетъ помнить, что эти инстанціи защищаютъ только фактическое владѣніе, касаться же права собственности они не могутъ по закону. И если бы въ этихъ судебныхъ учрежденіяхъ состоялось неблагопріятное рѣшеніе для церкви и даже бы оно вошло въ законную силу,—причтъ, убѣжденный въ неправильности его, долженъ, не пропуская 10-тилѣтняго срока, перенести дѣло въ общія судебныя учрежденія, т. е., прежде всего, въ окружный судъ, который даже не будетъ разсматривать рѣшеніе мировыхъ учрежденій.

Теперь относительно церковной собственности на воды. Согласно 387 ст. X тома законъ нашъ считаетъ воду принадлежностью земли. Вода безъ земли юридически не мыслится. Потому, на воду нѣтъ никакой давности. Если бы кто либо, захвативъ церковную воду, провладѣлъ бы 100 лѣтъ; но разъ вода примыкаетъ къ берегу церковной земли и въ планѣ или въ межевой книгѣ не сдѣлано

оговорки, что „причтъ не имѣеть права на водное владѣніе, всегда можно выиграть дѣло въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ порекомендовать уважаемымъ о.о. настоятелямъ посерьезнѣе относиться къ писанію „Клировыхъ Вѣдомостей“. Непремѣнно нужно писать ихъ на форменной синодальной бумагѣ и вписывать въ нихъ подробно всѣ земельныя и водныя владѣнія, число десятинъ и названія плановъ. Необходимо также упоминать про арендные договоры, которые должны быть засвидѣтельствованы о. благочиннымъ, а, при представленіи на судъ, и консисторіей. „Клировыя Вѣдомости“ для насъ представляютъ единственное подобіе, хотя и жалкое, крѣпостнаго документа. Вѣдь ни въ консисторіи, ни въ храмахъ не сохранилось по большей части ни указовъ, ни жалованныхъ грамотъ, ни купчихъ, ни вводныхъ листовъ и другихъ крѣпостныхъ документовъ на древніе Екатерининскіе нарѣзы церковной земли. Тогда какъ у нашихъ противниковъ на рукахъ всевозможные вотчинные и крѣпостные документы, а у защитникъ церковныхъ интересовъ имѣется въ большинствѣ случаевъ одинъ межевой документъ—планъ. Поэтому, отцы, нужно болѣе внимательно относиться къ церковнымъ архивамъ и бережно въ нихъ хранить всякаго рода документы. А еще больше нужно стоять на стражѣ церковной земельной собственности, не уступать любителямъ захватнаго права ни одну ея пядь.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Лѣтніе Регентско-Учительскіе Курсы въ Петербургѣ въ 1912 году.

1. Регентское Училище, учрежд. С. В. Смоленскимъ въ Петербургѣ, лѣтомъ настоящаго года устраиваетъ вторые лѣтніе Регентско-Учительскіе Курсы при Училищѣ.

2. Приемныя испытанія назначены для поступающихъ на 1-й курсъ—на 9 іюня, на II-й и III-й курсъ—на 10 іюня.

3. Занятія на курсахъ начинаются 11 іюня и продолжатся до 15 іюля. Въ концѣ курсовъ будутъ произведены испытанія тѣмъ изъ слушателей Курсовъ, которые пожелаютъ получить свидѣтельство объ окончаніи того или иного курса.

4. Занятія будутъ происходить ежедневно, утромъ и вечеромъ на трехъ курсахъ—I-мъ (младшемъ), II-мъ (среднемъ) и III-мъ (старшемъ). Плата за слушаніе предметовъ cadaго курса—30 руб. За уроки скрипки и фортепіано (занятія отдѣльныя съ каждымъ слушателемъ) по 5 руб. за каждый предметъ ¹⁾.

¹⁾ Слушатели, желающіе получить свидѣтельство, обязаны выдержать испытаніе по игрѣ на одномъ изъ этихъ инструментовъ по программѣ курсовъ.

3. Отъ поступающихъ на I-й курсъ требуется наличность музыкальнаго слуха, знаніе нотъ (изображеніе и дѣленіе) въ скрипичномъ и басовомъ ключахъ, и умѣнье пѣть съ листа нетрудныя мелодіи; на II-й курсъ—имѣть знанія въ предѣлахъ программы I-го курса и на III-й курсъ—имѣть знанія въ предѣлахъ программы II-го курса ¹⁾.

6. Лица, не выдержавшія установленныхъ вступительныхъ испытаній, а равно и совершенно не подвергавшіяся таковымъ, могутъ быть приняты вольнослушателями на тотъ или иной курсъ. Вольнослушатели не вправе требовать для себя особой помощи г.г. преподавателей, если эта помощь будетъ затруднительна для прохожденія слушателями курса установленныхъ программъ. Плата съ вольнослушателей устанавливается въ томъ-же размѣрѣ, какъ и съ слушателей курсовъ.

7. На Курсы принимаются лица обоюго пола, безъ различія аванія или сословія.

8. Представленія свидѣтельства о полученномъ общемъ образованіи не требуется.

9. Для проживанія въ Петербургѣ на время курсовъ необходимо имѣть при себѣ видъ на жительство.

10. Возбуждено ходатайство о представленіи льготнаго проѣзда въ Петербургъ лицамъ, вдушимъ на Регентско-Учительскіе Курсы.

11. Заявленія о поступленіи на Курсы и взносы 30 руб. за право слушанія необходимо дѣлать заблаговременно—не позже 1 іюня. Въ заявленіи необходимо указать: а) адресъ, б) курсъ, на который предполагается поступить и в) какой инструментъ избирается для изученія (фортепіано или скрипка). Съ заявленіями о желаніи слушать курсы, а равно и за всевозможными справками, просятъ обращаться непосредственно къ завѣдующему Курсами Петру Алексѣвичу Петрову—С.-Петербургъ, Мойка, 20, кв. 3.

12. На курсахъ будетъ устроена выставка-продажа хорошихъ изданій, книгъ и учебныхъ пособій.

Открыта подписка на 1912 г.

(23-й г. изданія).

Подпис. годъ считаетъ.

съ 1-го ноября 1911 г.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

по 1-е ноября 1912 г.

Журналъ „Природа и

Люди“ Мин. Нар.

Просвѣщ. допущень

въ учительск. библи-

отеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки средн. учебн. зав. и город. училищъ, въ безпл. народн. чит. и библ.

52 №№ художеств.-иллюстрированнаго журнала. Романы, повѣсти и рассказы. Живописныя путешествія. Описанія чудесъ природы. Диковинки животн. и растит. міра. Очерки по всѣмъ отраслямъ знанія. Открытія и изобрѣтенія. Спортъ, новости по авіаціи, задачи на преміи и т. п. Безплатныя приложенія: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1. 40 книгъ 8.000 ст. богато-иллюстр. полнаго собранія романовъ безсмертнаго французскаго писателя А. ДЮМА. Подъ редакціей П. В. Быкова.

Едва ли существуетъ уголокъ цивилизованнаго міра, гдѣ бы не знали и не любили этого короля французскихъ романистовъ. Предпринятое нами новое изданіе сочин. А. Дюма является первымъ полнымъ русскимъ изданіемъ. Настоящее изданіе является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что заключаетъ въ себѣ болѣе 1.000 иллюстрацій.

¹⁾ Слушатели первыхъ Регентско-Учительскихъ Курсовъ въ Петербургѣ зачисляются на соответствующій курсъ согласно тому свидѣтельству, которое ими получено.

40 книгъ полн. собранія романовъ Алексадра Дюма (первая половина) будутъ заключать въ себѣ слѣдующія произведенія: Тайный заговоръ.—Ущелье діавола.—Графъ Монте-Кристо.—Приключенія Джона Девиса.—Три Мушкетера.—Двадцать лѣтъ спустя.—Виконтъ де Бражелонъ.—Женская война.—Черный тюльпанъ или плѣнникъ. Левенштейнскаго замка.—За королеву (Шевалье д'Арманталъ).—Ожерелье королевы.—Анжъ Питу.—Тысяча и одинъ призракъ.—Калабрійскіе бандиты.—Невѣста республиканца.—Вѣрность до гроба.—Путешествіе Пайо.—Мюрать.—Петръ жестокій.—Приключенія капитана Маріона.

Остальные 40 кн. полн. собр. сочиненій А. Дюма будутъ даны въ 1913-мъ году.

Абонементъ № 2. 24 книги 4.800 стр. полное иллюстр. собраніе романовъ знаменитаго писателя-моряка капитана Маррiэта. Морской офицеръ. Королевская собственность.—Приключенія Якова Вѣрнаго.—Лафетъ въ поискахъ отца.—Три яхты.—Мичманъ Изи.—Многосказочн. паша.—Браконьеръ.—Корабль-призракъ.—Приключенія собаки.—Кораблекрушеніе въ Великомъ океанѣ.—Сто лѣтъ назадъ.—Приключенія въ Африкѣ.—Канадскіе поселенцы.—Приключенія Віолэ въ Калифорніи и Техасѣ.—Маленькій дикарь.—Приключенія Симпли.—Пирать и друг.

12 книгъ 2.600 ст. художеств. литератур. ежемѣсячника Мiръ Приключеній. Въ изящныхъ книгахъ „Мiра Приключеній“ помѣщаются только новѣйшія произведенія русской и иностранной литературы.

Въ 1912 г. будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣд. произведенія: Въ горахъ Даурiи. Романъ изъ жизни русскихъ золотоискателей. П. Бѣлецкаго.—Шакалы пустыни. М. Первухина.—Казачьи могилы. Э. Тютчева.—Отрава. М. Алазанцева.—„Бенита“, романъ Р. Хапарда.—Аэропланъ-привидѣніе, ром. Поля д'Ивуа.—Башня молчанія. В. Пигуда.—Золотые слитки. М. Пембертона.—Корабль сокровищъ О. Холля.—Наперегонки съ солнцемъ. Л. Мидъ и др.

5 книгъ свыше 400 иллюстр. роскошно-иллюстриров. сочиненія Земля до появленія человѣка. Профессора І. Вальтера.

Абонементъ № 3. 12 книгъ около 2,500 стр. Полное собраніе сочиненій гениальнаго критика Н. А. Добролюбова съ портретомъ автора и біографическ. очеркомъ. Н. А. Добролюбовъ принадлежитъ къ тѣмъ любимцамъ судьбы, произведенія которыхъ на многіе десятки и сотни лѣтъ переживаютъ своихъ творцовъ, не утрачивая современности. Его сочиненія должны быть настольными книгами каждаго интеллигентнаго читателя.

6 книгъ 680 стран. больш. форм. богато-иллюстриров. исторiи Петра Великаго, сочиненіе всемірно-извѣстнаго профессора русской исторiи А. Г. Брикнера.

Сочиненіе профессора Брикнера представляетъ громаднй вкладъ въ литературу, оцѣненный по достоинству и у насъ, и за границей.

5 книгъ свыше 400 иллюстр. иллюстрирован. сочиненія Земля до появленія человѣка. Профессора І. Вальтера. Живописная исторiя земли и жизни на землѣ, начиная съ туманной дали сѣдой древности и до появленія на землѣ перваго человѣка.

Подписная цѣна: на 52 №№ журнала „Природа и Люди“ съ бесплатнмъ приложеніемъ одного изъ трехъ абонементовъ (по выбору гг. подписчиковъ) 6 руб. въ годъ безъ доставки и пересылки. 7 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные. Или въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ, съ ноября, по 1 руб.

Желающіе могутъ одновременно съ подпиской на любой абонементъ, сверхъ того, получать, по своему выбору, любыя приложенія изъ другихъ абонементовъ, но за особую доплату, а именно: Сочиненія капитана Маррiэта за доплату 3 р. 20 к. „Мiръ Приключеній“ за 1 р. 80 к. „Земля до появленія человѣка“ за 1 р. 60 к. Сочин. Н. А. Добролюбова за 2 р. 80 к. „Исторiя Петра Великаго“ за 2 р. 40 к. Соч. А. Дюма за 5 р. 20 к.

Разсрочка за доплатныя приложенія допускается: при выпискѣ на сумму до 3 руб., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного рубля; при выпискѣ на сумму болѣе 3 руб., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе 2 рублей.

Присылая деньги, необходимо на самомъ отрѣзномъ купонѣ, а не въ отдѣльномъ письмѣ, точно указывать (ставить № абонемента), на какой изъ трехъ абонементовъ подписываются.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. д. Изд. П. П. Сойкинь.

II годъ
изданія.

Открыта подписка на 1912 годъ

II годъ
изданія.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

„ПРИХОДСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ“

Сохранивъ основную задачу перваго года—отвѣчать на запросы православнаго пастырства, „ПРИХОДСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ“ въ нѣстующемъ году увеличиваетъ отдѣлы, посвященные апологетикѣ и положительному раскрытію христіанства въ соотвѣтствіи съ требованіями времени.

Въ качествѣ бесплатнаго приложенія редація „ПРИХОДСКАГО СВЯЩЕННИКА“ будетъ давать ежемѣсячныя сборники статей по вопросамъ христіанской вѣры и нравственности.

Въ составъ редакціи съ 1-го декабря 1911 года входитъ проф. К. М. Аггеевъ.

Составъ сотрудниковъ значительно пополненъ.

Въ журналъ принимаютъ участіе: проф.-свщ. К. М. Аггеевъ, С. А. Аскольдовъ, проф. И. Д. Андреевъ, свщ. Н. Р. Антоновъ, Н. А. Бердяевъ, Д. И. Боголюбовъ, Д. Г. Булгаковскій, Е. Х. Бѣлковъ, проф. С. Н. Булгаковъ, Ф. Н. Бѣлявскій, свщ. М. В. Галкинъ, свщ. І. Ѳ. Егоровъ, свщ. В. Я. Калачевъ, проф.-свщ. Е. З. Капраловъ, проф. А. В. Карташевъ, проф. П. П. Кудрявцевъ, проф. Н. Д. Кузнецовъ, І. В. Никаноровъ, М. Ѳ. Паозерскій, А. А. Палковъ, А. И. Платоновъ, проф. Б. Д. Поповъ, проф. И. Д. Поповъ, Х. М. Поповъ, Е. Н. Поселянинъ, И. Н. Потапенко, проф.-прот. А. П. Рождественскій, свщ. П. В. Раевскій, проф.-прот. П. Я. Свѣтловъ, прот. І. П. Слободскій, Н. П. Смоленскій, А. А. Сокольскій, проф. М. М. Таръевъ, проф. Б. В. Титдиновъ, А. Д. Троицкій, проф. свщ. М. П. Чельцовъ, И. П. Ювачевъ, проф. В. И. Экземплярскій, и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—4 руб. (заграницу 6 руб.) на полгода—2 руб., на 3 мѣс.—1 руб.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пет. стор. В. Спасская, 26. Контора редакціи журнала „ПРИХОДСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ“.

Редакторы-издатели:

Протоіерей В. П. Галкинъ.
Священникъ М. В. Галкинъ.
Священникъ К. М. Аггеевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„Вопросы Философiи и Психологiи“.

1912 г.—XXIII.

Изданiе Московскаго Психологическаго Общества при содѣйствiи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Журналъ издается на прежнихъ основанiяхъ подъ редакцiей
Л. М. Лопатина.

Въ „Вопросахъ Философiи и Психологiи“ принимаютъ участiе слѣдующiя лица: Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, С. А. Аскольдовъ, Н. Н. Баженовъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, А. Н. Бекетовъ, Н. А. Бердяевъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, С. Н. Булгаковъ, В.; А. Вагнеръ, В. Э. Вальденбергъ, А. В. Васильевъ, А-дръ И. Введенскiй, Д. В. Викторовъ, Н. Д. Виноградовъ, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, Л. О. Даркшевичъ, В. В. Джонстонъ, Н. А. Звѣревъ, В. Н. Ивановскiй, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскiй, М. И. Каринскiй, Н. И. Карѣевъ, Б. А. Кистяковскiй, Я. Н. Колубовскiй, Ѳ. Е. Коршъ, С. А. Котляревскiй, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, С. М. Лукьяновъ, П. Н. Милуковъ, П. В. Мокiевскiй, П. И. Новгородцевъ, Д. Н. Овсяннико-Куликовскiй, И. Ф. Огневъ, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскiй, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, С. А. Соллертинскiй, Ф. В. Софроновъ, Г. Е. Струве, П. Б. Струве, С. А. Сухановъ, П. В. Тихомировъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, В. Ф. Чижъ, Г. И. Челпановъ, В. М. Хвостовъ, Н. Ѳ. Шаталовъ и др.

Программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философiи и психологiи. Въ понятiи философiи и психологiи включаются: логика и теорiя знанiя, этика и философiя права, эстетика, исторiя философiи и метафизика, философiя наукъ, опытная и физиологическая психологiя, психопатологiя. 2) Критическiя статьи и разборы ученiй и сочиненiй западно европейск ихъ и русск ихъ философ овъ и психологовъ. 3) Обще обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философiи и библиографiя. 4) Философская и психологическая критика произведенiй искусства и научныхъ сочиненiй по различнымъ отдѣламъ знанiя. 5) Переводы классическихъ сочиненiй по философiи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, iюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условiя подписки: на годъ (съ 1-го января 1912 г. по 1-е января 1913 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другiе города—7 р., за границу—8 р.

Учащiеся въ высш ихъ учебныхъ заведенiяхъ, сельскiе учителя и сельскiе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условiяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакцiи.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышевскiй пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ (С.-Петербургъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Петербургъ, Москва, Варшава), Вольфа (С.-Петербургъ и Москва), Оглоблина (Кiевъ), Башмакова (Казань) и другихъ.

Полные годовые экземпляры журнала за третiй (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25), шестой (№№ 26—30), седьмой (№№ 31—35), восьмой (№№ 36—40), девятый (№№ 41—45), десятый (№№ 46—50), одиннадцатый (№№ 51—55) годы продаются по 2 р. за

каждый годъ, двѣнадцатый (№№ 56—60), тринадцатый (№№ 61—65), четырнадцатый (№№ 66—70), шестнадцатый (№№ 76—80), семнадцатый (№№ 81—85) и восемнадцатый (№№ 86—90), девятнадцатый (91—95), двадцатый (96—100). Подписчики на новый 1912 г. получаютъ журналъ при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу по 2 р. за годъ, до 1909 г. включительно. 1904 г. 1910 г. распроданъ. № 15-й журнала, не входящій ни въ одинъ изъ годовыхъ комплектовъ, весь распроданъ. Пересылка по разстоянію. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежемъ взимается съ каждаго рубля по 2 коп.

Редакторъ М. Л. Попатинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“.

Журналъ: „Голосъ Церкви“, вступая въ первый годъ своего изданія, имѣетъ цѣлью освѣщать и разрѣшать въ строго-православномъ церковномъ духѣ всѣ вопросы Вѣры и Церкви, а также и вопросы государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли, въ границахъ соприкосновенія ихъ съ ученіемъ Православной вѣры и съ жизнью Православной Церкви.

Посему въ „Программу“ журнала входятъ: Отдѣлъ I: 1) Душеполезное чтеніе, т. е. статьи, дневники, письма, наблюденія и воспоминанія, а также и прочіе труды религіозно-назидательнаго содержанія. 2) Върученіе и нравоученіе Православной Церкви, въ научно-популярномъ изложеніи и въ удовлетвореніе вопросовъ нашего времени. 3) Церковная проповѣдь на жгучіе вопросы современности. 4) Церковное управленіе. 5) Вопросы современнаго пастырства и церковный приходъ. 6) Церковная школа. 7) Внѣшняя и заграничная православная миссія. 8) Внутренняя миссія. 9) Русское сектантство, социализмъ, современный атеизмъ и спиритуализмъ. 10) Православная церковь за границей. 11) Инославіе и иновѣріе. Отдѣлъ II: 12) Церковь и Государство. 13) Церковь и Общество 14) Церковь и семья. 15) Церковь и личная жизнь человѣка. 16) Церковь и современная прееса. 17) Церковь и современная мысль. 18) Библиографія и критика. 19) Политическое обзрѣніе. 20) Стихотворенія. 21) Почтовый ящикъ: отвѣтъ на запросы читателей по программѣ журнала.

Въ журналъ принимаютъ участіе: преосвященнѣйшіе іерархи и пастыри Церкви, мужи богословской и свѣтской науки и литературы, а равно и видные дѣятели на поприщѣ церковной, государственной и общественной жизни.

Къ свѣдѣнію подписчиковъ и сотрудниковъ журнала.

1) Годовая цѣна журнала 4 р. съ доставк. и перес. За границу 5 р. Подписныя деньги адресовать: „Москва. Кремль. Чудовъ монастырь. Въ редакцію „Голоса Церкви“.

2) Плата за объявленія на послѣднихъ страницахъ: 1 стран. 20 р., $\frac{1}{2}$ стран. 10 р., $\frac{1}{4}$ стр. 5 р., $\frac{1}{8}$ стран. 3 р. При печатаніи много разъ дѣлается уступка по соглашенію.

3) Весь литературный матеріалъ для „Голоса Церкви“ надлежитъ направлять и за всѣми справками по журналу обращаться по адресу: „Москва. Бол. Тверская-Ямская, д. 48. Телеф. 172—76. Ивану Георгіевичу Айвазову“. Статьи для журнала надо писать четко и на одной сторонѣ листа.

Редакторы „Голоса Церкви“: Намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Арсеній и

Московскій епархіальный миссіонеръ Иванъ Айвазовъ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Принимается подписка на 1912 годъ

„РЕВУСЪ“ СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ **ЖУРНАЛЪ**
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ

ПО ВОПРОСАМЪ СПИРИТУАЛИЗМА, ПСИХИЗМА, МЕДИУМИЗМА И МИСТИКИ.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: теленатія, ясновидѣнія, чтенія мыслей, раздвоенія личности, одержанія сомнамбулизма, животного магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритизма и другихъ оккультныхъ явленій и фактовъ; теософія, масонство, оккультизмъ.

Спорные вопросы науки и жизни.

За прошлые года въ журналъ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Мейерса.—„О послѣсмертномъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Бутлерова.—„Статьи по медиумизму“; А. Аксакова.—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера.—„Фотографія невидимой руки“; А. Дассье.—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише.—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ?“; д-ра Ж. Маквелля.—„Феномены психизма“; проф. Ч. Ломброзо.—„Непокойные дома“; А. Шопенгауера.—„О духовидѣніи“; д-ра Дю-Преля.—„Душа какъ организующее начало“ и „Магія, какъ естествознаніе“; проф Шарко.—„О сомнамбулизмъ и гипнотизмъ“; д-ра Охоровича.—„Лекціи о животномъ магнетизмъ“ Руксель.—„Спиритизмъ и оккультизмъ“; А. Уоллеса.—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса.—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова.—„Исторія волшебства и суевѣрій“; „Кантъ, какъ спиритуалистъ“; „Радій и ясновидѣніе“; „Чтеніе мыслей“; „Магіи—quadriūm“; „Тайныя общества и Франкмасонство“; д-ра Принса.—„Множественность человѣческой личности“; Ст. Мозеса.—„Ученіе духовъ социальное, религіозное и этическое“; А. Болтина.—„Догматы Христіанской Церкви съ точки зрѣнія спиритизма“; Губалке.—„Метемпсихозъ (перевоплощеніе)“; проф. В. Джемса.—„Отчетъ о проявленіи духа д-ра Р. Ходжсона“; Проф. О. Лоджа.—„О транс-выхъ сообщеніяхъ“; Д-ра Бишофа.—„Ученіе кабаллы“ и др.; затѣмъ сообщенія о работахъ русскаго спиритуалистическаго общества, лондонскаго общества психическихъ изслѣдованій и др.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до трехъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаютъ пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; совѣты, разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы и новеллы, соотвѣтствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 р. За границу на годъ 6 руб., на 1/2 года 3 р. 50 к. Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ **Москвѣ**: въ редакціи журнала—АРБАТЪ, д. Толстого, и во вѣхъ книжныхъ магаз. въ Россіи.

Ред.-Изд. П. А. Чистяковъ.

V годъ
изданія.

Открыта подписка на 1912 годъ

V годъ
изданія.

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТРЕЗВЫЕ ВСХОДЫ.

Нашъ журналъ посвященъ дѣлу борьбу съ народнымъ пьянствомъ. Чутко прислушиваясь къ современной жизни и выдвигаемымъ ею новымъ задачамъ для поборниковъ трезвости, мы надѣемся, что „ТРЕЗВЫЕ ВСХОДЫ“ будутъ любимымъ другомъ и содѣлникомъ каждому, кто готовъ вступить на путь борьбы съ алкоголизмомъ сознательно и активно.

Въ наступающемъ году вниманіе редакціи будетъ обращено на аккуратный выходъ журнала въ свѣтъ по 20 числамъ cadaго мѣс.

Наша программа: 1) Повѣсти, рассказы и стихотворенія, имѣющіе не анти-алкогольный только, но общій характеръ, указывающіе путь къ свѣту, къ торжеству надъ нашей жизнью нравственныхъ принциповъ. Все вниманіе обращено на художественную законченность cadaго произведенія, его изящество, глубокой психологической сюжетъ. Въ составъ нашихъ сотрудниковъ по этому отдѣлу входятъ: Л. Н. Афанасьевъ, А. Т. Будищевъ, Е. А. Воронова, А. Е. Заринъ, А. И. Измайловъ, Аполлонъ Коринфскій, В. А. Кричевскій, В. И. Лебедевъ, А. И. Макарова-Мирская, В. А. Мазуркевичъ, Б. П. Никоновъ, Е. Н. Поселянинъ, И. Н. Потапенко, Ф. Ф. Потѣхинъ, В. Я. Свѣтловъ, Н. П. Смоленскій, Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ, Н. П. Тимковскій, Е. А. Чебышева-Дмитріева, М. П. Чеховъ, В. И. Фаворскій, и др. 2) Статьи по вопросу алкоголизма. 3) Приходская трезвость. 4) Дѣло трезвости на Руси. 5) Трибуна трезвости. 6) Зарубежные отголоски. 7) Библиографическій отдѣлъ. 8) По дѣлу о трезвости.

Всѣ подписчики получаютъ въ видѣ особыхъ бесплатныхъ приложений: 1) 12 выпусковъ журнала **НАРОДНАЯ ТРЕЗВОСТЬ**, въ которыхъ будутъ помѣщаться проповѣди, статьи, рассказы, стихотворенія, вполне доступныя народному пониманію. 2) **УРОКИ ТРЕЗВОСТИ**. Необходимая и единственная пока книга, содержащая въ себѣ курсъ трезвости для начальныхъ школъ. Первый пробный урокъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ номеровъ журнала.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми приложениями три руб. въ годъ съ пересылкой. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—1 руб., къ 1-му марта—1 руб. и къ 1-му іюня—1 руб.

Адресъ Редакціи: Спб., Петербургская стор., Б. Спасская, 26.

Редакторы-издатели: Протоіерей **В. П. Галкинъ**.
Священникъ **М. В. Галкинъ**.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго; какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззваія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова,—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхождение“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руувъ“, Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхождение“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣяств. Статск. Совѣт. Константинъ Истомино.